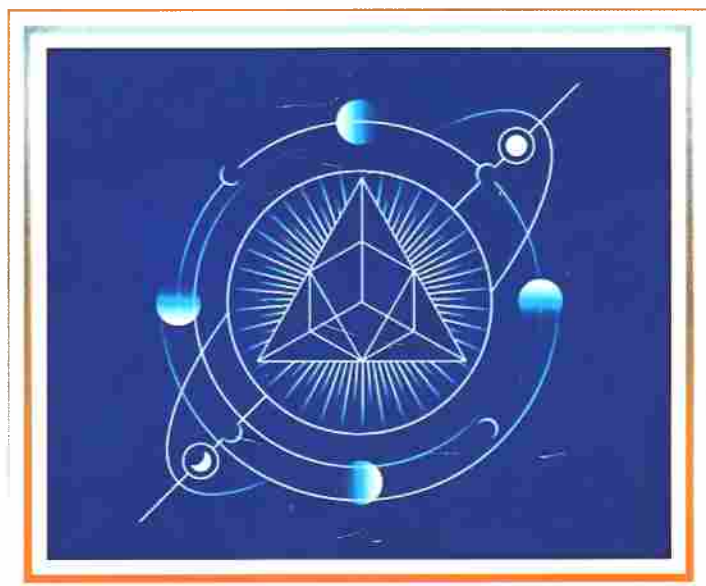

Р. А. Симонов

РУССКАЯ АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ КНИЖНОСТЬ

XI – первая четверть XVIII века

URSS

Р. А. СИМОНОВ

РУССКАЯ АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ КНИЖНОСТЬ

XI – первая четверть XVIII века

Издание второе,
исправленное

URSS

МОСКВА

ББК 63.2 63.3(2)4 71 72.3 76.1

Симонов Рэм Александрович

Русская астрологическая книжность: XI – первая четверть XVIII века.

Изд. 2-е, испр. — М.: ЛЕНАНД, 2023. — 200 с.

В книге рассматриваются проблемы астрологической книжности России XI – первой четверти XVIII в. В средневековый период астрономические и астрологические знания развивались в тесном контакте. Астрологические материалы преимущественно соседствуют и переплетаются с календарными. Изучение древнерусских научных представлений углубляется за счет астрологических текстов. Выводы монографии свидетельствуют о большей роли астрологии в истории русских культурных и политических процессов, чем считалось прежде.

Книга предназначена для ученых-медиевистов, историков науки и культуры, книговедов, аспирантов и студентов.

Работа написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 9606–80288а)

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Е. И. Каменцева*;

д-р филос. наук *Б. А. Старостин*

На 1-й странице обложки использована иллюстрация:

Designed by rawpixel.com / Freepik

ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

Формат 60×90/16. Печ. л. 12,5. Доп. тираж. Зак. № 184602.

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии».

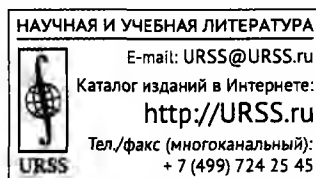
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

ISBN 978–5–9710–6435–0

© ЛЕНАНД, 2019, 2022

978–5–9519–3763–6

34497 ID 296488

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Элементы «народной» астрологии на Руси в XI – начале XV вв.	12
Глава 2. Расчетная астрология на Руси в XV в.	33
Глава 3. Астрология под покровом «математики» в XV–XVII вв.	63
Глава 4. Врачебная астрология в XVII в.	97
Глава 5. Прогностическая астрология на «службе» у царя Алексея Михайловича	116
Глава 6. Астрологические предсказания судьбы Петра I как исторический миф и реальность	157
Заключение	189
Приложение. Список работ Р. А. Симонова по истории астрологии в России (1983–1997)	193
Summary	197

Введение

Интерес в России к истории астрологии заметно оживился в связи с опубликованием в 1842 г. гороскопических материалов Петра I в журналах «Москвитянин» (№ 1) (10) и «Русский вестник» (№ 2) (25). Среди материалов, опубликованных тогда в «Москвитяnine», было письмо астронома Д. М. Перевощикова, в котором он давал историческую оценку астрологии, выделяя «естественную астрологию» как полезную для развития наук о природе, связывая с ней появление метеорологии. Вместе с тем он отрицательно отнесся к возможности астрологии предсказывать будущее, по причине чего гороскоп Петра I посчитал чушью, не заслуживающей внимания ученых.

В «Русском вестнике» (№ 2) анонимный критик упрекнул Д. М. Перевощикова в непоследовательности, указав, что независимо от отношения к астрологии современной науки она остается явлением культуры, важным источником изучения исторического прошлого. В том же номере журнала была опубликована пространная статья Н. А. Полевого «Астрологические предвещения при рождении Петра Великого» (25). Публикации по истории гороскопа Петра I поддержал С. Н. Глинка в письме к редактору «Русского вестника» в № 4 за 1842 г. (23).

В 1863 г. вышло двухтомное издание «Памятники отреченной русской литературы», подготовленное Н. С. Тихонравовым (41). Оно до сих пор не потеряло научного значения в качестве собрания древнерусских текстов для изучения сокровенных, в том числе астрологических, знаний. В работе «Бронтология и астрологические предвещения» (1867) А. Н. Пыпин охарактеризовал астрологические предсказания и предсказания на основе гаданий и магии (26). В 1874 г. Ф. П. Керенский исследовал древнерусские отреченные верования и проанализировал предсказательный «Брюсов календарь» (16). К. Голоскевич (1897) посвятил статью русской астрологии XV–XVI вв. в связи с антиастрологическим сочинением монаха Филофея (9).

В 1899 и 1901 гг. В. Н. Перетц издал новые апокрифические материалы, важные для изучения астрологии в средневековой России (32). В 1903 г. вышло известное произведение А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.»,

в котором внимание уделялось и астрологическим текстам, делалась попытка их систематизации (39). Обзор древнерусских статей, связанных с астрологией, по рукописям собрания А. Г. Первухина дал в 1907 г. Н. Н. Кононов (17). В 1913 г. С. М. Чебан написал исследование по врачебной (гигиенической) астрологии на основе материалов «Изборника Святослава» 1073 г. и других памятников (46). Д. О. Святский в статье 1915 г., посвященной Я. В. Брюсу, остановился и на его интересе к астрологии (31).

Историко-астрологическая тематика была продолжена Д. О. Святским после лихолетья революционных событий и гражданской войны. В 1927 г. он исследовал «Шестокрыл», первую из известных на Руси научных астрономических книг, использовавшихся отечественными астрологами в XV–XVI вв. (32). В 1928 г. Д. О. Святский написал статью об одной древнерусской астрологической компиляции, связанной с творчеством той же школы (33). Творчеству первого придворного астролога на Руси XVI в. Николая Булева была посвящена его следующая работа (34). В том же 1929 г. Д. Чижевский опубликовал в украинском «Этнографическом вестнике» обзор, посвященный исследованиям по истории астрологии за 1913–1928 гг. (48). М. А. Шангин в 1930 г. в «Известиях» Академии наук СССР поместил материал о роли греческих астрологических рукописей в истории знаний (49). В том же году К. Баев и П. Попов в издании для учителей напечатали статью «От астрономии к астрологии», в которой, в частности, обосновывали важную роль астрологии для зарождения научной астрономии (1). М. Н. Сперанский опубликовал в 1932 г. в Болгарии исследование о «злых днях» в славянских приписках XII–XIII вв. к глаголическому «Ассеманиеву евангелию» (40). В 1933 г. журнал «Мироведение» поместил статью голландского ученого и видного деятеля рабочего движения А. Паннекука о влиянии астрологии на развитие астрономии (21).

После этого пересекается сплошной поток исследований по истории астрологии в советской периодической печати. В 1937 г. выходит книга Б. Е. Райкова «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России», в которой отдельная глава посвящалась астрологии, за которой признавалось определенное историко-культурное значение (29). В 1940 г. вышла книга Г. А. Гурева «Астрология и религия. История одного заблуждения», в которой доказывалось отрицательное значение астрологии как проводника мистико-религиозных взглядов.

Одновременно оспаривалась какая-либо положительная роль астрологии для развития науки. Критиковались суждения А. Паннекука и Б. Е. Райкова о значении астрологии в системе исторического развития человеческих знаний и культуры (12).

В 40–50-х гг. исследования по истории астрологии почти прекратились. Отдельные ее аспекты представлены в произведениях, посвященных специальным проблемам. Так, в книге В. Ф. Груздева «Русские рукописные лечебники» (1946) есть раздел «О влиянии астрологии на древнерусские лечебники» (11). В 1947 г. вышла повторно книга Б. Е. Райкова (19). Нередко астрология в этот период как элемент древнерусской культуры рассматривается в тусклом свете. Например, в небольшом разделе «Астрология в XVI–XVII вв.» в книге Б. А. Воронцова-Вельяминова «Очерки истории астрономии в России» (1956) (6).

В 60-х годах оживляется публикация материалов по истории астрологии одних авторов, но активизируется и ее критика — другими. В трех выпусках «Историко-астрономических исследований» (1961–1966) помещается произведение Д. О. Святского (посмертно), в котором много материала относится к астрологам средневековой России (35). В 1963 г. И. М. Рабинович публикует в Риге статью, посвященную врачу-астрологу Захарии Стопию (28). В 1969 г. Л. С. Ковтун — древнерусским астрологическим терминам (16 а). Статьи, направленные против астрологии, ее роли в истории науки, были написаны в 1961 и 1966 гг. Б. В. Кукаркиным (19), (20). В 1970 г. выходит переиздание книги Г. А. Гурева под названием «История одного заблуждения. Астрология перед судом науки» (13).

Постепенно идеологическая удавка на истории астрологии слабеет. В 1974 г. в «Историко-математических исследованиях» выходит важная статья И. М. Рабиновича о врачебной астрологии и ее значении для развития естествознания (28). В 70-х гг. публикуются исследования об астрологических предсказаниях белорусского первопечатника и просветителя XVI в. Франциска Скорины, вкрапленные в календарные сведения его «Малой дорожной книжицы» (7), (8). В 80-х гг. происходит информационный взрыв в области истории астрологии. Р. А. Симонов в 1983 г. опубликовал работу об элементах врачебной астрологии (ятроматематики) в России XV–XVIII вв. (36). В 1985 г. А. Н. Робинсон написал о Симеоне Полоцком как астрологе (30), А. В. Чернецов посвятил статью палеографии астрологических знаков в древнерусских рукописях (47). В том же году А. А. Турилов и А. В. Чернецов опубликовали

работы, посвященные открытому ими представителю древнерусской науки и культуры, писателю и астрологу Ивану Рыкову (42), (43). В 1986 г. первый раз за годы советской власти в академическом журнале историков, печатающимся издательством «Правда» ЦК КПСС, была опубликована статья о придворных астрологах русских государей XVI–XVII вв. (37). В. В. Ильин написал статью о роли и месте астрологии в системе древней культуры (15). В том же 1987 г. О. Р. Хромов написал об астрономо-астрологических росписях дворцовых палат при царе Алексее Михайловиче (40 б).

В 1988 г. вышел в издательстве «Наука» сборник статей, большинство которых посвящено древнерусским сокровенным знаниям (14). Ряд из них относится к истории астрологии. А. П. Богданов проанализировал открытый им трактат по врачебной астрологии 1664 г. царского врача С. Коллинса (2). А. П. Богданов и Р. А. Симонов исследовали прогностические письма другого царского врача-астролога — А. Энгельгардта (3). В. К. Былинин рассмотрел польскоязычную «ученую поэзию» Симеона Полоцкого, важным мотивом которой была астрология (4). Он же изучил малоизвестные славянские версии XV–XVI вв. стихотворных медико-астрологических рекомендаций на каждый месяц византийского врача XII в. Николая Калликла (5). В. К. Кузаков дал очерк трактовок астрологии в советской истории астрономии (18). А. А. Турилов и А. В. Чернецов рассмотрели проблему изучения «отреченных» книг, включая произведения по астрологии (44). О. Р. Хромов составил библиографическое описание древнерусских произведений по астрономии и астрологии, включенных в научный оборот (45).

В 1989 г. А. А. Турилов и А. В. Чернецов установили, что астрологические и другие элементы творчества Ивана Рыкова связаны с ересью «жидовствующих» (44 а).

В 43-й том Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР включена статья В. И. Плужникова и Р. А. Симонова о гороскопе Петра I (24). В 32–33-м выпуске «Историко-математических исследований» напечатана работа Р. А. Симонова об историческом изменении содержания термина «математика» с астрологического на современное — в русской письменной традиции (38).

Историографический обзор показывает, что в 40-х гг. прошлого века стали обсуждаться историко-астрологические проблемы, не утратившие своего значения до сих пор: роль астрологических предсказаний в государственной деятельности (на примере горо-

скопа Петра I); значение астрологии в развитии наук естествознания; культурно-историческое значение астрологии. Третья проблема получила спустя несколько лет источниковую основу в отреченной русской литературе в связи с изданием соответствующих текстов Н. С. Тихонравовым. Впоследствии эта источниковая база постоянно расширялась, в частности, благодаря научным изысканиям видных ученых-филологов, академиков В. Н. Перетца, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского и др.

В 20-е гг. оживилась исследовательская деятельность в области изучения древнерусских астрологических текстов историками астрономии, здесь много было сделано Д. О. Святским. В этот период в научной печати интенсивно обсуждалась роль астрологии в развитии астрономии. Но после выхода статьи А. Паннекука (1933) и книги Б. Е. Райкова (1937) история астрологии была зажата в идеологических тисках, в связи с чем появилась искусственная проблема доказательства бесплодности астрологии, включая историко-культурный аспект. Примером ее трактовки является книга Г. А. Гурева (1940, 1970), а также статьи Б. В. Кукарина (1961, 1966). В 40–60-х годах почти прекращается исследовательская работа в области истории астрологии.

Новый подъем в историко-астрологических исследованиях наступил в 70-х, особенно во второй половине 80-х гг. На новую ступень поднялась методика работы с источниками благодаря слиянию историко-филологических приемов с естественнонаучными. На смену одиночкам-исследователям пришел коллектив ученых-энтузиастов разных специальностей, объединенный интересами изучения естественнонаучных представлений как составной, недостаточно изученной части древнерусской культуры.

В настоящей книге обобщены научные результаты, полученные за последние 150 лет в области изучения истории астрологии в России с древности до Петровской эпохи включительно.

Список литературы

1. *Баев К., Попов П.* От астрологии к астрономии // Физика, химия, математика, техника в трудовой школе, 1930. № 4.
2. *Богданов А. П.* О рассуждении Самуила Коллинса // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
3. *Богданов А. П., Симонов Р. А.* Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988.

4. *Былинин В. К.* Poesia docta Симеона Полоцкого // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
5. *Былинин В. К.* Календарные эпиграммы Николая Калликла в южнославянской и русской письменности XV–XVI вв. // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
6. *Воронцов-Вельяминов Б. А.* Очерки истории астрономии в России. М., 1956.
7. *Голенченко Г. Я.* Календарь Франциска Скорины // Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976.
8. *Голенченко Г. Я.* Астрономические сведения в изданиях Франциска Скорины // Книговедение. № 7 (14). Вильнюс, 1979.
9. *Голоскевич К.* Астрология в России в XV–XVI вв. и послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «на звездочетцы и на латыны». Остров, 1897.
10. Гороскоп Петра Великого // Москвитянин. 1842. № 1.
11. *Груздев В. Ф.* Русские рукописные лечебники. Л., 1946.
12. *Гурев Г. А.* Астрология и религия. История одного заблуждения. М., 1940.
13. *Гурев Г. А.* История одного заблуждения. Астрология перед судом науки. Л., 1970.
14. Естественнаучные представления Древней Руси / Отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1988.
15. *Ильин В. В.* Астрология: роль и место в системе древней культуры // Историко-астрономические исследования (ИАИ). Вып. 19. М., 1987.
16. *Керенский Ф. П.* Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Часть 172. № 3–5. СПб., 1874.
- 16а. *Ковтун Л. С.* Планида — фортуна — счастливое колесо (к истории русской идиоматики) // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969.
17. *Кононов Н. Н.* Из области астрологии. Обзор статей: Планетника, Звездочетца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная Тайных, Лечебника и пр. рук. XVIII в. А. Г. Первухина // Древности. Труды славянской комиссии имп. Моск. археолог. об-ва. Т. 4. Вып. I. М., 1907.
18. *Кузаков В. К.* Астрология сквозь призму истории астрономии // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
19. *Кукаркин Б. В.* Некоторые методологические вопросы истории астрономии // ИАИ. Вып. VII. М., 1961.
20. *Кукаркин Б. В.* Первые шаги в истории астрономии // ИАИ. Вып. IX. М., 1966.
21. *Паннекук А.* Астрология и ее влияние на развитие астрономии // Мирведение, 1933. № 1.
22. *Перетц В. Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды. СПб., 1899. Т. 1: К истории Громника; СПб., 1901. Т. 2: К истории Лунника.
23. Письмо С. Н. Глинки к редактору «Русского вестника» // Русский вестник, 1842. № 4, отдел «Известия и смесь».

24. Плужников В. И., Симонов Р. А. Гороскоп Петра I // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (ТОДРЛ). Л., 1990. Т. 43.
25. Полевой Н. [А.] Астрологические предвещения при рождении Петра Великого // Русский вестник, 1842. № 2.
26. Пыпин А. Н. Бронтология и астрологические предвещения // Древности. Археологический вестник. Т. 1, май-июнь, М., 1867.
27. Рабинович И. М. Рижский врач-астролог Захарий Стопий из Вроцлава // Из истории медицины. В. Рига, 1963.
28. Рабинович И. М. О ястроматематиках // Историко-математические исследования (ИМИ). Вып. 19. М., 1974.
29. Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1937; 2-е изд. 1947.
30. Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий — астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
31. Святский Д. О. Отец русской астрономии. Памяти Я. В. Брюса // Природа и люди, 1915. № 27.
32. Святский Д. О. Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси XV в. // Мирведение. Т. 16. № 2, май, 1927.
33. Святский Д. О. Сказание о Чигирь-звезде и телескопические наблюдения Галилея // Мирведение. № 1, 1928.
34. Святский Д. О. Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI в. // Известия Научного института им. П. Ф. Лесгафта. Т. XV. Вып. 1–2. Л., 1929.
35. Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Часть I // ИАИ. Вып. VII, 1961; Часть II // ИАИ. Вып. VIII, 1962; Часть III // ИАИ. Вып. IX, 1966.
36. Симонов Р. А. О чем судили и ведали люди, «зовомии математичи» // Русская речь, 1983. № 3.
37. Симонов Р. А. Российские придворные «математики» XVI–XVII веков // Вопросы истории, 1986. № 1.
38. Симонов Р. А. Древнерусское значение понятий, восходящих к термину «математика» // ИМИ. Вып. 32–33, 1990.
39. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.
40. Сперанский М. [Н.] «Злые» дни в приписках Ассеманова евангелия // Македонски преглед. София, 1932, кн. 1.
41. Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы: В 2-х т. М., 1863.
42. Турилов А. А., Чернецов А. В. Новое имя в истории русской культуры // Природа, 1985. № 9.
43. Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985.
44. Турилов А. А., Чернецов А. В. К изучению «отреченных» книг // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988.

- 44а. *Турилов А. А., Чернецов А. В.* К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1: XI–XVI века. М., 1989.
- 44б. *Хромов О. Р.* «Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные» // Русская речь, 1987. № 4.
45. *Хромов О. Р.* Астрономия и астрология в Древней Руси. Материалы к библиографии // Естественнонаучные представления в Древней Руси. М., 1988.
46. *Чебан С. [М.]* К вопросу о гигиенических представлениях в древнерусской литературе // ЖМНП. СПб., 1913, янв.
47. *Чернецов А. В.* Древнерусские знаки небесных светил // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 187. М., 1985.
48. *Чижевский Дм.* Нові досліди над історією астрології (1913–1928) // Етнографічний вісник. Київ, 1929, кн. 8.
49. *Шангин М. А.* О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Известия Академии наук СССР. VII серия, 1930. № 5.

Глава 1

Элементы «народной» астрологии на Руси в XI – начале XV вв.

Во многих древних верованиях в той или иной степени представлены астральные мотивы. Они присущи и языческой религии восточных славян: были связаны с поклонением небу и Солнцу. Верховным божеством на Руси являлся Стрибог — «Небесный» (Род — Святовид — Сварог), олицетворявший небо. Божеством солнечного света считался Дажьбог, сын Сварога. Дажьбогу был придан Хорс, бог светила Солнца (26, с. 443–444).

В составе языческих верований на Руси не так уж много «чисто» астрологических представлений. К ним можно отнести указываемую выдающимся русским историком С. М. Соловьевым веру «в целительность купания во время летнего солнцестояния» (30, с. 105). В этой вере центральным выступает астрономическое явление (момент летнего солнцестояния), наблюдающееся раз в год в заданном ритме, что позволяет его прогнозировать. Астрологическое содержание указанной веры состоит в осознании пользы от купаний в этот день. В астрологии одной из центральных издавна является идея предвычисления благоприятных (и неблагоприятных) для жизнедеятельности человека периодов, преимущественно благотворных (или нет) для его здоровья. Судя по вере в полезность купаний во время летнего солнцестояния, астрологические мотивы языческих верований на Руси были связаны с этой идеей, которая представлена и в последующее время в виде установления благоприятных и неблагоприятных периодов жизнедеятельности, главным образом посредством определения так называемых добрых и злых дней (и часов).

Язычество восточных славян дополнял институт магов: волхвы, гадатели, кудесники, ведуны, ведьмы и пр. Чаще всего астрологические знания приписываются волхвам. Письменные сведения об этом исходят от обличителей. Так, в «повествовании о волхвах», вошедшем в «Повесть временных лет» (нач. XII в.), христианствующие оппоненты не допускали мысли, что мир «строится движением звездным» (16, с. 12). Отсюда следует, что такого общего

астрологического представления могли придерживаться волхвы. Однако неизвестно, какими в действительности были эти астрологические представления, критики могли опираться не на реальное содержание взглядов волхвов, каковых подробно не знали, а на фразеологию византийских отцов церкви, клеймивших волхвов древнего Вавилона и Персии, занимающихся астрологией и магией. Поэтому желательно иметь прямые данные о занятиях русскими волхвами астрологией, чтобы правильно судить об их представлениях в этой области.

С. М. Соловьев полагал, что славянские волхвы имели «тесную связь с волхвами финскими по близкому соседству и союзнничеству этих двух народов, тем более что после принятия христианства волхвы преимущественно являются на финском севере и оттуда мутят славянское народонаселение». Так, по летописным данным, в 1069–1070 гг. против новгородского епископа Федора выступил какой-то волхв: «И быть мятежно в граде и вси яша ему (волхву) веру и хотяха побита епископа Федора». По С. М. Соловьеву, у финских волхвов «преимущественно было развито учение о злых божествах, о злых духах и о сообщении с ними». Доброе волшебство проистекало из существа женщины, тогда как черно-книжие по своему характеру считалось прерогативой мужчин (30, с. 109, 287).

Конкретного материала о сокровенной деятельности волхвов сохранилось мало. Академику Б. А. Рыбакову принадлежит историческая реконструкция таковой применительно к князю Всеславу Полоцкому, который в результате восстания 1068 г. в Киеве стал великим князем. Б. А. Рыбаков использовал характеристику, данную князю в «Слове о полку Игореве», правда, спустя примерно сто лет после событий:

Всеслав князь людям судяше,
Князем грады рядяше,
А сам ночью волком рыскаше.
Из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя,
Великому Хорсови волком путь прерыскаше.

Суммируя имеющиеся сведения, он писал: «Всеслав изображается то серым волком, который за одну ночь пробегает расстояние от Киева до Черного моря, то волшебником, который слышит в Киеве звон полоцких колоколов, то рысью, исчезающей из осажденной крепости в синей полуночной мгле». Из этого следует, что кн. Всеслав был чародеем, колдуном (магом), а не астрологом.

С. М. Соловьев, описывая киевское восстание 1068 г., ничего не говорит о волхвах, ссылаясь на знамения, которые были восприняты как неблагоприятные: «На небе явилась кровавая звезда, предвещавшая кровопролитие, Солнце стояло как Месяц, из реки Сетомли выловили рыбаки страшного уroda; не к добру все это, говорил народ, и вот пришли иноплеменники» (30, с. 343). Не нужно было быть волхвом, тем более астрологом, чтобы связать между собой необыкновенные небесные и другие явления и наступившие после этого неблагоприятия. Внимание к необычным небесным явлениям было обостренным в народном сознании. Волхвы как собиратели знаний об обожествляемой природе аккумулировали в своей памяти эти наблюдения, давая им сакральные истолкования. Это были, по-видимому, разрозненные представления, часть которых можно квалифицировать как относящиеся к «народной» астрологии. Русские волхвы, очевидно, не владели системой знаний, эквивалентной, например, вавилонской астрологии, а тем более — древнегреческой астрологии Птолемея (ок. 90 – ок. 160). Вероятно, лишь отдельные элементы знаний волхвов соответствовали идеям этих систем.

Что собой представляли древнерусские тексты астрологического характера? Древнейшие произведения астрологического характера на древнерусском языке содержатся в «Изборнике Святослава» 1073 г. (с изображением знаков зодиака). Наиболее изученным и ясным является небольшой диетогигиенический текст. Здесь по каждому месяцу даются диетические и гигиенические рекомендации для сохранения здоровья: какую пищу есть или не есть, что пить и сколько, когда воздерживаться от половых отношений и пр. Текст статьи краток: «1. Марта 31 день. Сладко яждь и пей. 2. Априля 30. Репы не яжь. 3. Майя 31. Поросята не яждь. 4. Иуня 30. В час вѣторый пей воды мало. 5. Иулия 31. Въздържиси от афродисни. 6. Аугуста 31. Слеза не яждь. 7. Сетемвра 30. Млека не яждь. 8. Октября 31. Не яждь оцѣтяна. 9. Октября 30. Не мыися чясто. 10. Декабря 31. Капусты не яждь. 11. Иенуара 31. В час 2 пей вина цела мало. 12. Феуаря 28. Сеукла не яжь». (5, л. 251 а-в). Астрологическая подоплека рекомендаций состоит в следующем. Астрология формировалась как комплекс представлений о влиянии небесных объектов на здоровье, жизнь, характер, деятельность людей. Лечение человека с использованием данных о расположении звезд и планет входило в задачу врачебной астрологии, которая устанавливала благоприятное время для лечения, сбора лекарственных трав, приготовления лекарств и

проведения хирургических операций, главным образом кровопусканий. Понятия полезности и вредности в астрологическом смысле могли охватывать и более длительные периоды времени, например, месяцы. В таком случае рекомендации были достаточно общими, связанными в основном с диетическими и гигиеническими вопросами, наподобие тех, которые приводятся в «Изборнике Святослава» 1073 г.

В случае врачебных (дието-гигиенических) рекомендаций важную роль играло понятие календарного времени, умение его правильно измерить. Это счет дням и более длительным периодам. Так, в древнерусском дието-гигиеническом тексте четко и грамотно отражена средневековая традиция греко-римского календаря: мартовский стиль (все месяцы занумерованы по порядку, начиная с марта), названия месяцев (сохраняющие основу звучания до сих пор в русском языке), длительность месяцев в днях (ту же длительность они имеют и по сей день).

В то же время «Изборник Святослава» 1073 г. — наиболее древнее из сохранившихся древнерусских произведений, где со ссылкой на авторитет отцов церкви осуждаются люди, интересующиеся астрологией: «в астрологии от халдеи почьтенеи... бжъствьных словес оучения преабидеша».

Астрологический сюжет имеется в «Хронике Георгия Амартола», как считается, переведенной или отредактированной на Руси в XI в. Здесь говорится: «... От них же (вавилонян, персов. — Р. С.) еллини рождъстьноеи влшвение навькше, начешэ рождаемых под звездным двизанием принашати небо звездочтиие и звездословиеже...» (31, с. 106, примеч.). Рождественное волшебство есть предсказание судьбы родившегося человека на основе астрологии. Представляет интерес, насколько был понятен на Руси воспроизведенный отрывок и как его смысл соотносился с идеей сакрализации рождения человека, отразившейся в языческом культе Рода и Роже(а)ниц.

На основе известия, приводящегося в одном древнерусском памятнике, С. М. Соловьев пришел к выводу, что «поклонение роду и рожаницам сменило поклонение упырям и берегиням; переменялось название, значение осталось одно и то же, упырь соответствует роду, берегиня — рожанице; но известно, что упырь есть мертвец. Из этого же известия видно, что треба, прокорм, жертва преимущественно назначалась для душ умерших людей и что от обычая прокорма упырям и берегиням перешли к жертве Перуну... От рода, праотца известного рода, естественное восхож-

дение к роду родов, к первому обоготворенному человеку; „То ти не род, сидя на воздухе, мечет на землю груды (камни) и в том рождаются дети“» (30, с. 282).

Здесь же С. М. Соловьев отмечает, что «хорутане верят, что всякий человек как только родится, получает на небе свою звезду, а на земле свою рожаницу». Отсюда следует, что славяне издревле могли вкладывать в культ Рода и Рожаниц если не астрологический, то астральный смысл. Однако заключение об этом как об историческом факте неправомерно из-за ограниченного распространения указанного верования только у хорутанских словенцев и по причине позднего происхождения информации о нем (32, с. 107). Поэтому важно установить, в какое время культ Рода и Рожаниц в древнерусских памятниках начинает истолковываться в астрально-астрологическом смысле.

На основе изучения И. И. Срезневским древнерусских памятников переводного характера: Паремейника, Златоуста, Цветника, Сборников различного содержания можно заключить, что: 1) в первоначальных еврейских, греческих и латинских текстах на месте Рода и Рожениц стоят слова, в которых идея судьбы «соединялась с понятием об изменчивости, непостоянстве» (32, с. 110); 2) речь всюду идет о трапезах, на которых вкушали и пили от жертвенных приношений и пели в честь Рода и Рожениц вне связи со звездами и астрологией. Аналогично отношение к этому культу в оригинальных древнерусских произведениях, отражающих реальную жизнь. В «Вопрошании» Кирика XII в. осуждается языческое поклонение Роду и Роженице жертвенным вкушанием хлеба, сыра и меда; в «Слове Даниила Заточника» (XII–XIII вв.) под именем Рода разумеется дух. В обоих случаях нет связи с астральностью.

Астрально-астрологическое толкование культа Рода и Рожениц появляется в древнерусских произведениях не ранее XVI в. — в «Домострое» и «Азбуковнике». Анонимный автор статьи «О борьбе христианства с язычеством в России», напечатанной в «Православном собеседнике» (Казань, 1865, ч. 2), запечатлел, что «уже в XVI веке вера в Рожаниц слилась с астрологическими суевериями, с гаданиями по звездам» (с. 254).

Поэтому нет оснований считать, что астрологический смысл выдержки из «Хроники Георгия Амартола» в XI в. соответствовал содержанию языческого культа о Роде и Роженицах у восточных славян. Это согласуется с тем, что в фрагменте о «рождественном волшвении», прямо связанном с астрологией, в славянском пере-

воде «Хроники Георгия Амартола» не использовались имена Рода и Рожениц. Очевидно, это древнее славянское верование до XVI в. не включало в себя астральный аспект. Идеи об астрологических предсказаниях, связанных с рождением человека, подобные отраженному в «Хронике Георгия Амартола», по-видимому, не имели реалий в древнерусской жизни XI–XIV вв. и не воспринимались адекватно, т. е. в астрологическом аспекте.

Следующим по времени текстом, который некоторые авторы считают астрологическим (1, с. 75), является раздел об «обновлениях», входящий в «Учение им же ведати человеку числа всех лет», написанное Кириком Новгородцем в 1136 г. В нем речь идет об «обновлении» неба через 80 лет, земли через 40 лет, моря через 60 лет и воды через 70 лет (7, с. 182–185). Советский историк древнерусской культуры М. Ф. Мурьянов полагает, что этот материал восходит к античным мировоззренческим взглядам пифагорейской школы о круговой модели движения времени, соответствующей характеру видимого перемещения небесных светил (17, с. 12–17).

Недавно советский историк и археограф А. А. Турилов убедительно доказал, что «Учению» Кирика предшествовали календарно-математические тексты, известные под названием «семитысячников», восходящие к старославянской (глаголической) литературной традиции последней трети IX – первой половины XI вв. и получившие известность на Руси в XI в. В отдельных списках «семитысячников» изложены данные об «обновлениях», совпадающие с приводимыми Кириком и дополняющие их «ветряным» и «звездным» кругами «обновлений». По мнению А. А. Турилова, «семитысячники» послужили Кирику образцом и схемой для собственных вычислений календарного характера. В «Учении» он хотел дать исправленное календарно-математическое руководство, свободное от огрехов, накопившихся в «семитысячниках» (35, с. 27–36).

«Учение» Кирика представляет собой трактат, посвященный единицам счета времени (год, месяц, неделя, день, час) и основным понятиям юлианского календаря, принятого в качестве государственного и церковного на Руси. «Обновления» выглядят среди конкретных календарных и арифметических данных «Учения» инородным материалом по причине их несвязанности с системой понятий юлианского календаря. Кирик был просвещенным писателем и ученым (28). По-видимому, он знал о критическом отношении авторитетнейших византийских богословов и

проповедников к астрологии. Даже не будучи знакомым с существом этого учения, он должен был иметь представление о том, что астрологи связывают человеческие судьбы с атмосферными и космическими телами и процессами. Поэтому, чтобы остаться в рамках взглядов добропорядочного христианина, Кирик мог опустить сведения, которые казались ему сомнительными — о ветряных и звездных «обновлениях», которые содержались в «семитысячниках». Можно дать и другие объяснения, — что Кирик ориентировался на текст, в котором уже отсутствовали эти виды «обновлений». Однако пока не найден вариант «семитысячника», точно совпадающий с соответствующим местом «Учения». В научном обороте имеются лишь тексты с «обновлениями», которые в лучшем случае «весьма близки» к трактовке Кирика (35, с. 30–31; 3, с. 191–192).

Из другого произведения Кирика — «Вопрошения» (середина XII в.) — следует, что в Новгороде было известно определенного рода суеверие, имеющее астрологическую подоплеку. «Вопрошение» — это собрание вопросов, которые Кирик задавал церковным иерархам, и их ответов. Значительную часть этого произведения составляли беседы Кирика с главой новгородской церкви архиепископом Нифонтом. Кирик спрашивал владыку о казусах, которые ему как священнику встречались в процессе исповедания людей, а также обращался за разъяснением непонятных или сомнительных мест, которые ему попадались в книгах. Причем Кирик интересовался и запрещенной церковью литературой, как в случае упомянутого суеверия. Кирик процитировал Нифонту текст казуса из неканонического («худого») «номоканунца», т. е. сборника церковных правил и наказаний за определенные проступки. Суть суеверия состояла в трехкратном вступлении в половую связь в определенной последовательности дней недели: сперва в воскресенье, затем в субботу и последний раз — в пятницу, в результате чего якобы должно произойти зачатие ребенка, который впоследствии «боудеть любо тать, любо разбойник, любо блудник, любо трепетав» (27, столб. 44). Православная церковь боролась с такими суевериями, поэтому Нифонт, выслушав Кирика, осудил приведенное правило, а сам сборник посчитал заслуживающим сожжения.

Астрологическая основа данного суеверия, по-видимому, состоит в следующем. Каждому дню недели соответствует определенный небесный хронократор — «управляющий» объект (из числа пяти планет, Солнца и Луны) следующим образом: воскресенье

«управляется» Солнцем, понедельник — Луной, вторник — Марсом, среда — Меркурием, четверг — Юпитером, пятница — Венерой, суббота — Сатурном. При этом влияние Юпитера, Венеры и Луны считается благоприятным; Сатурна и Марса — неблагоприятным, а Солнца и Меркурия — как тем, так и другим, смотря по обстоятельствам (14, с. 160–162). В нашем случае центральным является зловещее действие Сатурна (суббота). В паре с ним Солнце (воскресенье) также сулит неблагоприятное. Венера (пятница) благоприятствует зачатию.

По этому вопросу высказывались Ф. П. Керенский и Н. Н. Кононов. Первый писал: «Еще черноризец Кирик в XII в. коснулся поверья, связанного с астрологией: он осудил веровавших в счастливые и несчастливые дни по отреченным книгам» (6, № 3, с. 71). Второй ему возразил: «Но в словах Кирика осуждаются не астрологические приметы по злым и добрым дням, а „худые номоканунцы“» (10, с. 5). Если быть точным, то Кирик в рассматриваемой ситуации держался индифферентно, а с осуждением выступал Нифонт. Формально прав Н. Н. Кононов, но по существу вопроса — Ф. П. Керенский. Нифонт осудил принесенную Кириком книгу, исходя не из названия, а по ее содержанию, т. е. в конце концов неприятие им «худого номоканунца» обусловилось отрицательным отношением к суеверию определенного рода. Но чрезмерным считать, что Кирику и Нифонту было ясно астрологическое существо осуждаемого суеверия. Для такого вывода нет оснований.

По мнению историка философии В. Ф. Пустернакова, Климент Смолятич (ум. после 1164 г.), занимавший в 1147–1155 гг. Киевскую митрополию кафедру, приводил в своем «Послании» доводы в пользу «божественного промысла», противопоставляемого «фаталистическому учению астрологии о судьбе» (23, с. 22). Однако сюжет об астрологии попал в «Послание» Климента позже, при дополнении произведения редактором в XIII в. В первоначальном варианте «Послания», написанного самим Климентом, астрологические мотивы отсутствовали (21, с. 282–283, 658–659).

От XII в. сохранилось сведение об интересе к элементам астрологии епископа Ростовского Федора (Федорца), который при поддержке князя Андрея Боголюбского добился независимости ростовской епархии от Киевской митрополии. По данным историка философии В. В. Милькова, учение Федора соединяло в себе ворожбу, родопочитание, фантастическое представление о миропорядке и «астрологию» (16, с. 14). Что собой представляли элементы астрологии в воззрениях Федорца, доподлинно неизвестно.

В 1867 г. академик И. И. Срезневский опубликовал календарные приписки к тексту Ассеманиева евангелия, одной из древнейших славянских книг, написанных глаголицей в X–XI вв. Календарные дополнения были сделаны другим видом славянского письма — кириллицей (33, с. 65). Приписки произведены в «месяцесловной» части Ассеманиева евангелия в разных местах на полях. Например, по л. 121: «Листопон имат дней 31, ден имат годин 11, а нош 13, ден зол 8 ин 20». Первое слово — это вариант древнеславянского названия месяца октября, далее следует указание числа дней в нем — 31. Затем приводится средняя длительность дня и ночи в этом месяце — 11 и 13 часов. В заключение даются два «злых дня» — 8 и 20 октября. «Злые дни» в приписках Ассеманиева евангелия казались ученым загадкой. Видный русский славист академик М. Н. Сперанский написал специальное исследование, в котором исследовал эту проблему в контексте сведений о магии, мантике и астрологии с древности до XX в. Он установил, что понятие «злого дня» было распространено с древности во всем мире, находилось в «тесной связи с народными, не церковными, верованиями, с фольклором», что «эти дни, в отличие от остальных, должны быть заранее известны человеку, чтобы он мог себя предохранить от разного рода неудач и опасностей» (31, с. 45).

По вопросу датировки приписок Ассеманиева евангелия среди ученых имеются расхождения. И. И. Срезневский датировал их XIII в. М. Н. Сперанский полагал, что «считать их моложе XII–XIII в. нет оснований», склоняясь в сторону XII в.

В результате изучения приписок М. Н. Сперанский ответил на вопрос, который тогда особенно волновал ученых, — как могли появиться приписки суеверного характера в основном богослужебном тексте — евангелии. «Это объясняться может прежде всего, разумеется, тем невысоким уровнем в культурном отношении той среды, где вращалось Ассеманово евангелие, не ощущавшей противоречия между евангельским и суеверным текстом». Но дело было не только в этом, а также, «по-видимому, в том, что верование в существование добрых и дурных дней, особенно последних, когда не следует якобы предпринимать тех или иных или вообще никаких дел, это верование в средние века не было уделом только низших в культурном отношении слоев общества: вера во всякие предсказания, гадания наравне с астрологией наполняет собой обильную литературу вплоть до литературы высших по образованию классов не только Византии, но и запада даже и в эпоху Возрождения» (31, с. 52).

Даты «злых дней» попали в Ассеманиево ев. в XII–XIII вв. на территории Македонии и свидетельствуют о вере в них славянского населения этой территории. Эта вера была распространена повсеместно, как указывал М. Н. Сперанский. Были с нею знакомы в XII в. и на Руси, о чем свидетельствует разобранный выше суеверие, обсуждавшееся Кириком и Нифонтом. Однако неизвестно о существовании на Руси в этот период перечней злых дней, наподобие приписок в Ассеманиево ев., они встречаются в русских памятниках, кажется, не раньше XV в.

Сложность изучения астрологии на Руси в XI–XII вв. заключается в отсутствии достаточного числа сохранившихся памятников указанного периода. Почти все, что имеется, учтено в настоящей главе. Однако в действительности их было больше. Об этом может свидетельствовать, например, встречающаяся в старинных епитимийниках «Заповедь святых отец», из которой, как считал один из комментаторов «Вопрошения» Кирика, последний узнал о рассмотренном выше правиле о злых днях, обсуждавшемся с Нифонтом и вызвавшим у него резкую отповедь. Текст воспроизведен Н. С. Тихонравовым (34, с. 302–303). Однако список поздний, поэтому невозможно заключить, что Кирик в XII в. держал в руках книгу именно такого состава, а не другого. Поэтому историкам приходится очень осмотрительно использовать памятники, сохранившиеся в поздних списках, для характеристики уровня астрологии более раннего времени. Имеющиеся ранние славянские источники более скромно, но зато и надежно позволяют осветить состояние астрологических представлений на Руси в XI–XII вв.

Основным содержанием «народной» астрологии этого периода была вера в добрые и, особенно, злые дни, в которые не следовало предпринимать ответственных шагов. Вывод о широком распространении в народном общественном сознании славян веры в добрые и злые дни подтверждается материалом не только южных и восточных славян, о чем говорилось, но также западных. Так, существует свидетельство середины XII в. о том, что западные славяне соблюдали определенные дни и часы для созыва собраний и совершения других общих дел (11, с. 498). Распространение веры в добрые и злые дни в народе, очевидно, прямо не связывалось с астрологией.

Надежных документальных данных об астрологии на Руси в XIII–XIV вв. еще меньше, чем от предыдущего периода. В «Житии» княгини XIII в. Евфросинии Суздальской говорится, что она знала «числа и кругом обхождение» (9, с. 86). На этом основании

советский историк И. И. Полосин заключил, что она занималась астрологией (20, с. 39). Историк науки В. К. Кузаков дополнил эту характеристику: Евфросинья знала «астрономию и астрологию» (12, с. 107). Поскольку «Житие» Евфросиньи было написано монахом суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Григорием спустя 300 лет после ее жизни, то уже одно это заставляет усомниться в достоверности сообщаемых Григорием сведений. Его творческая деятельность приходилась на вторую четверть XVI в. В это время в церковных кругах с осуждением астрологии выступали такие авторитеты, как Максим Грек и Филофей. Постановления Стоглавого собора 1551 г. грозили занимающимся астрологией, гаданиями и колдовством царской опалой и отлучением от церкви. В такой ситуации навряд ли монах Григорий стал бы приписывать княгине в качестве благого дела занятие астрологией. Что же мог иметь в виду Григорий, говоря, что Евфросинья знала «числа и кругом обхождение»? Словами «число», «число церковное» назывались таблицы «буквенной» нумерации, с помощью которых на Руси записывались числа. Поэтому то, что Евфросинья знала «числа», очевидно, говорит о ее умении их записывать. Труднее понять, что надо разумеать под словами «кругом обхождение». Возможно, здесь имеется в виду «обхождение летом неконечное сълагание»: так назывался трехтабличный «вечный календарь» для юлианского летоисчисления (29, с. 93–94). В его состав входила таблица солнечных эпакт, именуемая «кругом». Например, «Круг лет: рука Иоанна Богослова». Фрагменты этой таблицы встречаются в XIII в. в Киеве и Старой Рязани. Причем последняя появилась «вероятно, для тренировки в процессе обучения» (15, с. 254). Можно предположить, что слова «кругом обхождение» относятся к умению Евфросиньи пользоваться в календарных целях таблицей солнечных эпакт или полным трехтабличным юлианским «вечным календарем». Не отрицая возможности занятий кн. Евфросиньей в XIII в. астрологией, следует заключить, что такой вывод не вытекает из одних только слов Григория, что она знала «числа и кругом обхождение». Вероятнее всего, в них речь идет об умении производить календарные расчеты.

К XIII веку относится прибавление к «Посланию» Климента Смолятича (XII в.) одной притчи с астрологическим сюжетом. Академиком Н. К. Никольским был поставлен вопрос о включении этой вставки монахом Афанасием, жившим не позже середины XIII в. (18, с. 49, 62). Изложение притчи совпадает с текстом древнейшего сохранившегося списка 1263 г. «Шестоднева», со-

ставленного Иоанном экзархом Болгарским в X в. (2, лист 170 об.). В добавке к «Посланию» рассказывается о некоем морском существе по названию «ехион» (ехин, ехисон), которое подает сигналы мореходам о приближающейся буре. Далее поясняется, что ехион «наперед узнает имеющее быть от ветра волнение» благодаря провидению божьему, а не от астрологии: «Никакой же астролог и халдей, предсказывающий погоду через наблюдение восхода звезд воздушных, не научил сего ехиона, но Тот, кто есть Владыка моря и ветров, сему невзрачному животному вложил истинное понимание своей великой премудрости» (13, с. 102). Противопоставление «божественного промысла» астрологии, представленное в этом фрагменте, учитывается в советской истории философии, о чем говорилось выше. Однако в стороне оставался вопрос об отношении средневекового автора к астрологии, каковое является одобрительным, а не осудительным. Ехион приобретает через бога способность предвидеть бурю не потому, что астрологи могут это делать недостаточно хорошо, а потому, что человек принципиально неспособен передать свои знания животному. То, что недоступно человеку, по силам богу. В этом заключается смысл притчи, воздействие которой на сознание людей тем сильнее, чем значимее для них деятельность астрологов как предсказателей погоды. Их труд выступает своего рода эталоном предсказательской деятельности, доступной людям, с которыми соизмеряется способность к предвидению бури, переданная богом ехиону. Через притчу древнерусские люди усваивали, что астрологи не только приносят пользу, предсказывая по звездам погоду, но их деятельность связана с областью, где бог проявляет свою чудодейственность. Авторитет астрологии в глазах читателей притчи о ехионе не падал из-за того, что «божественный промысел» оказывался выше, а укреплялся, т. к. предсказательная деятельность в таком сопоставлении приобретала характер богоугодного деяния, астрология как бы вписывалась в боговдохновенное христианское мировоззрение, а не выталкивалась из него. Значит, несмотря на известность по древнерусским переводам осуждения византийскими отцами церкви астрологии, на Руси общественное сознание допускало ее понимание и в качестве положительного учения.

Церковные деятели Византии составляли и утверждали в качестве официальных списки книг, которые запрещались для чтения. На Руси такие списки уже имеются в «Изборнике Святослава» 1073 г. Эти списки были переводными, и поэтому неиз-

вестно, как их запретительный смысл вписывался в контекст древнерусской церковной жизни. Указанный вопрос был поставлен А. Н. Пыпиным в 1862 г. и до сих пор не является окончательно решенным. Исследование А. Н. Пыпина выявило, что для русской церкви в XIV в. борьба с отреченными книгами была актуальной. Об этом говорит факт внесения высшим иерархом русской церкви митрополитом Киприаном (ок. 1330–1406) в свой молитвенник списка запрещенных книг и знаний. В нем на первом месте стоит астрология («Мартолой», вариант — «Фартолог», «рекше Остролог»). Комментарии к этому списку свидетельствуют об осознании русскими церковниками вредности отреченных книг для христиан: «А се есть мудрование тех, ими же отводят от Бога и приводят к бесам в пагубу», «Книги еретические, их же не подобает чести православным» (24, с. 32–33, 42, 53). Однако, надо думать, даже осознание несправедности для христианина знакомства с отреченной астрологией не снижало интереса к ней. Возможно, наоборот способствовало стремлению разобраться, узнать больше о запретном предмете. Этим можно объяснить увеличение числа и разнообразия литературы по «народной» астрологии с XV в.

В указанном отношении примечательным является рукописный сборник 1-й четверти XV в., составленный и переписанный выдающимся деятелем духовной культуры Кириллом Белозерским (1337–1427), основателем и игуменом Кирилло-Белозерского Успенского монастыря. Он также известен как владелец древнейшей дошедшей до нашего времени русской личной библиотеки.

В названном сборнике, хранящемся ныне в РНБ (Кирилло-Белозерское собрание, № XII), имеется древнейшее сочинение на русском языке, сочетающее советы по врачебной астрологии с вопросами сельского хозяйства и гигиены — «Сказание известно луннымъ годомъ: когда сеати и садити и врачевати человека». Содержание его таково (в упрощенной орфографии и с заменой древнерусских «буквенных» цифр современными): «Наставшаго месяца небесного в 1 день до 9-го часа сеати и садити и кровь пушати, и власы стрищи. 2, 3 день — год сухъ, а не чръвень — отрасли резати: а кровь пушай о полудни. 4 день порану кровь пушай, а от 6-го часа въсе строити добро, 5, 6, 7 — год растучъ, но чръвень — а кровь въ два дни порану пушай, а в 7-м весь (день) пушай. 8 — ни сух, ни сирь — ни на что не строить; а кровь о полудни пушай. 9-го третиаго часа сеати и садити и винограды

отребляти, и ино вѣсе строити добро; но крѣви не пушай. 10, 11, 12, 13, 14, 15 — лес сечи и крѣвь пушати. 16 — на вѣсе строинь, и крѣвь пушати. 17, 18 — год ядрен скоти бити; а крѣви не пушай. 19 — годь ядрень скот бити, а крѣви не пушай. 20, 21, 22, 23 — сеати и садити, крѣвь пушати, но когда небо чисто. 21 — от крови брани. 24, 25 — ни что не строинь, токмо крѣвь вечере пушай. 26, 27 — год сух вельми — отрасли неть, а крѣвь весь день пушай. 28 — сух велми, а крѣвь вечере пушай. 29, 30 — тыя дни на все строини; а крѣвь в 29 порану пушай, а в 30 брани весь день» (22, с. 66).

Астрологическое значение «Сказания» состоит в следующем. С древности в астрологии существует учение о благоприятствовании протекания определенных процессов, действий и проч. в зависимости от нахождения Луны в том или ином знаке зодиака. В древнерусских книгах благоприятными называются знаки Овна, Близнецов, Девы и Рыб, неблагоприятными — Рака, Льва, Козерога, средними — Тельца, Весов, Стрельца, Водолея и Скорпиона, причем последнее созвездие характеризуется как «злейшее от средних» (34, т. II, с. 386–387). Учение о благоприятствовании в указанном смысле применительно к «Сказанию» отразилось следующим образом. В начале говорится: «Наставшего месяца небесного в 1 день до 9 часа сеати и садити и крѣвь пушати, и власы стрищи». Значит, Луна в первый день находилась в некоем благоприятном знаке до 9 часов. Поэтому и рекомендовалось пускать кровь, стричь волосы и заниматься сельским хозяйством только до этого времени.

Следует иметь в виду, что в астрологии свойство благоприятствования не для каждого знака является одинаковым, например, знак зодиака, благоприятный для пускания крови, может быть неблагоприятным для произрастания злаков и пр. Это свойство учтено в «Сказании». Так, для 26 и 27 дней лунного месяца рекомендуется пускать кровь, но не сажать растений. Надо понимать, что в эти дни Луна находилась в благоприятных для лечения людей, но «засушливых» знаках зодиака Овна или Близнецов, т. е. пагубных для растений. Возвращаясь к первому дню, можно предположить, что Луна тогда находилась в знаке Рыб, продуктивном также и для роста растений.

Анализируемое «Сказание» не требовало знакомства с официальным календарем, в нем счет дням велся для лунного месяца. Сейчас человеку трудно установить по форме диска Луны ее «возраст» в днях. Не так было прежде. Простые люди восполняли отсутствие «книжных» знаний о календаре умением вести счет

времени в лунных днях. Дореволюционный ученый Н. В. Степанов, занимавшийся историей древнерусского календаря, в одном из писем к академику А. А. Шахматову указывал как на несомненный факт на умение новгородцев XII в. по виду диска Луны определять день лунного месяца (19, с. 317). Универсальность восприятия данных о благоприятных и неблагоприятных днях в «Сказании» и др. текстах по «народной» астрологии состояла в том, что рекомендации для некоего месяца распространялись на остальные 11. Это неверно не только с позиции астрологии, но и здравого смысла. Например, сейчас официально указываются несколько дней для каждого месяца, в которые происходят магнитные бури на Солнце, с целью своевременного принятия мер людьми с неустойчивым здоровьем. Эта информация свидетельствует, что в идее «злых» дней имеется вполне рациональное содержание. Другое дело, как реализовалась эта идея. Никому сейчас не придет в голову данные о магнитных бурях, например, на июнь распространять на июль, а тем более — на все месяцы года. Не таким было обыденное сознание средневекового человека. Оно стремилось к универсальности, что входило в противоречие с требованиями научного знания — руководствоваться анализом явления природы и причинно-следственными связями в нем.

Когда производился расчет благоприятного и неблагоприятного времени для рассмотренных в «Сказании» действий — пускания крови, проведения сельхозработ и пр., — то имелся в виду определенный месяц определенного года. Для другого месяца и другого года расчеты уже не годились, т. к. картина звездного неба изменялась. Воспроизведенный расчет для лунного месяца толкуется в «Сказании» как универсальный в том смысле, что, например, в первый день любого лунного месяца благоприятным будет время до 9 часов. Это, конечно, не так с позиции не только «научной» астрологии, но и здравого смысла.

Астрологические «народные» произведения, подобные описанному, в русских рукописных книгах XV–XVIII вв. встречаются во многих вариантах. Ни одно из них не содержит указания, для какого временного периода (месяца определенного года) они составлены, т. е. выступают в качестве универсальных. А таковыми они в действительности не являются. Этого не осознавали далекие от «научной» астрологии люди. Оторванность от времени, для которого произведения предназначались, служит типичным признаком их принадлежности к «народной» астрологии.

Такое заключение относится и к другим статьям астрологического характера, включенным Кириллом Белозерским в тот же сборник № 12. Это идущий за «Сказанием» перечень злых дней — по два в каждом месяце, — озаглавленный «Ино сказание днем, от них же достоить хранитися врачевания человеком и скотом, ни крови пущати, но блюстися их всегда». Даты отличаются от указываемых в приписках Ассеманиева ев., в частности, тем, что среди них нет ни одной, приходящейся на 2-й день месяца. За перечнем злых дней в сборнике Кирилла следуют две статьи по врачебной астрологии — о сроках пускания крови (первая) и о месте насечек в зависимости от болезни (вторая), причем сроки в статьях «не стыкуются». Так, в первой статье говорится: «А пущай от 25 марта до 13 маия; а от 13 маия до 20-го не пущай». Во второй статье советуется пускать кровь 15 мая, т. е. в день, который не рекомендуется первой статьёй. То же самое о сроке 15 августа, рекомендуемом второй статьёй и не рекомендуемом первой.

Дело здесь не в ошибке переписчиков, а в том, что статьи составлялись в разное время и предназначались для разных лет. Каждый год меняется картина звездного неба, поэтому рекомендации по врачебной астрологии, составленные по данным нахождения Луны в знаках зодиака в какой-то определенный момент, не будут совпадать с рекомендациями, составленными в другой год, когда Луна находится в других знаках зодиака. Поэтому для одного года 15 мая и 15 августа будут благоприятными для кровопусканий, а для другого — нет.

Объединяя в одном месте противоречащие друг другу рекомендации, Кирилл Белозерский мог заметить, что использовать их в медицинской практике невозможно. Для чего же он их собирал? Прямого ответа он не оставил. Можно полагать, что ему была ясна общность их природы (а не сама астрологическая природа — думать, что он ее понимал, оснований нет). Он привел переводы статей, связанных с врачебной астрологией, авторы которых ориентировались на древнегреческого врача Гиппократ и древнеримского ученого Галена, т. к. их авторитет был высок в Византии. Эти сочинения переписывались и переводились на другие языки, в том числе и на славянские. Аналогичные рассмотренным статьи встречаются в древнерусских рукописях под названием, недвусмысленно указывающим на автора или образец — «Галиново на Ипократа».

Соответствующий, но по другому названный, текст есть и в сборнике Кирилла, помещенный спустя примерно 30 листов

после подборки материалов о благоприятных и неблагоприятных периодах жизнедеятельности. В состав текста «Галиново на Ипократа» (этих имен в заголовке соответствующей статьи у Кирилла нет) входят дието-гигиенические рекомендации на разные времена года. Например, для осени: «24 септевериа начинается осень, — до 24 декевриа. Подобаает бежати от въкушения многих овощей и студеных водь, и множество вина, и утръных студений, и не съвлачити себе, аще и задушно будет, и храните себе от гнева и ярости, и от въсеких сънедей множества. Пущати же кровь и очищати утробу от яда (пищи) воифимою, умаливши-ся Луне» (22, с. 65).

Интерес представляет, как имеющая отношение к астрологии, последняя фраза, в которой рекомендуется производить флеботомию и очищать желудок при убывающей Луне. Чтобы рассчитать, например, на месяц или на год вперед соответствующие периоды, надо располагать таблицей фаз Луны. Такая таблица есть в сборнике Кирилла № XII, она содержит данные о днях и часах ущерба и рождении новой Луны в течение 19-летнего лунного цикла, начиная с января каждого года. Здесь же указываются лунные и солнечные затмения. Как правильно заметил Г. М. Прохоров, статьи о добрых и злых днях, о врачебной астрологии и пр. нужно рассматривать в совокупности с этой таблицей, идущей непосредственно перед ними.

Если они являются мертвым материалом, не имеющим живого астрологического смысла, то таблица, напротив, относится ко времени 1390–1408 гг., когда здравствовал Кирилл и работал над сборником. Можно предположить, что с помощью этой таблицы он хотел «вдохнуть жизнь» в идущие далее материалы, но точно не знал, как это сделать. Может быть, он намеренно не хотел давать разъяснений по этическим соображениям или опасаясь церковного преследования. Будучи просвещенным и глубоко верующим человеком, Кирилл мог встать перед этически сложной проблемой отношения к осуждаемым церковью знаниям. О понимании Кириллом их запретности церковными сферами не может быть сомнений, т. к. он включил в свой тот же сборник № XII статью «Правило о верующих в гады и звери и часов имущих дни овы добры, овы злы», в которой вера в добрые и злые дни приравнивалась к вере в гадов и зверей, считавшейся для христиан еретической, сулящей церковное проклятие. Поэтому Кирилл о методах прогностических расчетов на основе таблиц «лунного течения» мог знать больше, чем сказано в его сборнике.

В указанной связи заслуживают внимания приписываемые Кириллу Белозерскому предостерегающие предсказания: они приводятся в том же его сборнике № XII в изложении пасхалии 6936 (1427–1428) и 6967 (1458–1459). Первое, по-видимому, адресовано монастырской братии: «Блюдете убо, о братие, известно и разумне: зде нужда». Кирилл умер в отмеченном 1427 году. Его смерть, разумеется, была скорбным событием для основанного им монастыря. Но не этот факт, думается, заботил Кирилла. Известно, что он умер «во время эпидемической болезни» (8, с. 657). Возможно, предостережение — 1427–1428 гг. — относилось к эпидемии, которая унесла игумена, а угрожала всей братии. Поэтому Кирилл, предвидя беду, но не полностью представляя о ее содержании, призывал к бдительности, осторожности, внимательности и разумности во всем, однако сам не уберёгся.

Второе предостережение — 1458–1459 гг. — виделось Кириллу более общественно значимым, что выразилось в его размере почти в целую страницу и в устрашающем начале «Зде страх, зде скръбь, зде беда велика...» Первыми словами этой же формулы начинается, например, предречение конца света 1492 г. в одной «прогностической» пасхалии, вероятнее всего, созданной на Балканах в середине XIV в. и получившей вскоре распространение на Руси (35, с. 33). Второму предсказанию Кирилла 1458–1459 гг., также как и предречению конца света в 1492 г., не было суждено сбыться.

Если учесть атрибутирование Кириллу Белозерскому обоих предсказаний — 1427–1428 и 1458–1459 гг., — то дополнительное освещение приобретает его интерес к статьям астрологического характера и связанной с ними таблице «лунного течения». Как производил предсказания Кирилл, данных никаких нет. Он должен был сознавать, судя по материалам сборника № XII, что за той или иной прогностической рекомендацией или цифрой лежит некий расчет, выполненный по определенной методике. Возможно, и он познакомился с какой-то методикой (или сам ее разработал), на основе которой рассчитал время двух неблагоприятных событий, о чем записал в своей пасхалии. На чем могли быть основаны данные этих предполагаемых расчетов? Обсуждая этот вопрос, нельзя оставить в стороне таблицу лунных фаз и затмений, единственный научный инструментарий, связанный с прогностическими материалами его сборника. Возможно, Кирилл, производя прогностические расчеты, опирался на какие-то данные этой таблицы. Если исходить из такой

возможности, то нельзя исключить, что его прогностические расчеты производились в рамках астрологии – «настоящей» или своей «домощренной». Во всяком случае Кириллу Белозерскому можно сказать, не в пример его предшественникам, что он, по-видимому, сознавал связь между прогнозированием некоторых событий и положением Луны, т. е. объективно ему не были чужды идеи астрологии. Однако остается неясным объем его знаний в этой области и даже неизвестно, знал ли он, что в круг его интересов отреченными знаниями входят именно элементы астрологии. Он должен был испытывать этический дискомфорт как правоверный христианин, т. к. жал, что привлекающие его вопросы осуждаются церковью. Это, возможно, обусловило таинственность вокруг предсказаний неблагоприятных событий 1427–1428 и 1458–1459 гг., каковые в действительности могли быть им сделаны с использованием некоторых элементов астрологии.

Астрологические «народные» произведения, собранные Кириллом Белозерским, известны в русских рукописных книгах XV–XVIII вв. во многих вариантах. Кроме них имеется всякого рода астрологические руководства, изложенные не всегда вразумительно. Весь корпус русских «народных» астрологических текстов в комплексе не изучен. Исследованы лишь отдельные произведения или их группы, например, см. (6); (10); (34). Работа по выявлению, библиографированию, публикации и анализу текстов на русском языке, базирующихся на астрологии, магии и мантике, активизировалась в последнее время, — см. статьи В. К. Былинина, А. А. Турилова, А. В. Чернецова, И. И. Мажевой, А. П. Богданова, Р. А. Симонова, В. К. Кузакова, О. Р. Хромова в (4).

По-видимому, первоначально, до XV в., на Руси не было четкого понимания, что такое астрология. Вместе с тем суеверия о добрых и злых днях и связанные с ними рекомендации гигиенического, медицинского, сельскохозяйственного и хозяйственного характера имели достаточно широкое распространение. Это поддерживалось, в частности, посредством «народной» литературы по астрологии. Однако потребители такой литературы, очевидно, не знали об астрологической природе этих произведений, не ведали, что, разделяя некоторые суеверия, они оказываются в «лоне» астрологии. Даже выступая с осуждением этих суеверий, церковные деятели, как Нифонт, или, как Кирилл Белозерский, живо интересуясь запретными знаниями, могли не подозревать об их астрологической природе.

Список литературы

1. *Адамантов Д.* Краткая история развития математических наук с древнейших времен и история первоначального их развития в России. Киев, 1904.
2. [Бодянский О. М.] Шестоднев, составленный Иоанном экзерхом Болгарским. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки 1263 г., слово в слово и буква в букву // Чтения имп. Общества истории и древностей российских, кн. III. М., 1879.
3. *Гаврюшин Н. К.* Космологический трактат XV века как памятник древнерусского естествознания // Памятники науки и техники. 1981. М., 1981.
4. Естественнаучные представления Древней Руси / Отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1988.
5. Изборник Святослава 1073 г. Кн. I: Факсимильное изд. М., 1983.
6. *Керенский Ф. П.* Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса. Журнал Министерства народного просвещения. № 3–5. М., 1874.
7. *Кирик Новгородец.* Учение им же ведати человеку числа всех лет // Историко-математ. исслед. Вып. VI. М., 1953.
8. Кирилл Белозерский // Русский биографический словарь. Ибак-Ключарев. СПб., 1897.
9. *Колобанов В. А.* Владимиро-суздальская литература XIV–XVI вв. М., 1978. Вып. 3.
10. *Кононов Н. Н.* Из области астрологии: обзор статей Планитника, Звездотца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная Тайных, Лечебника и пр. рукописей XVIII в. А. Г. Первухина // Древности. Труды славянск. комисс. имп. Московск. археолог. общ-ва. Т. 4. Вып. 1. М., 1907.
11. *Кристанов Цв., Дуйчев Ив.* Естествознанието в средновековна България. София, 1954.
12. *Кузаков В. К.* Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М.: Наука, 1976.
13. *Лавровский Л. Я.* Послание митрополита Климента Смолятича Фоме, пресвитеру Смоленскому, как историко-литературный памятник XII века. Смоленск, 1894.
14. *Леманн [А.]* Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. М., 1901.
15. *Медынцева А. А.* Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988.
16. *Мильков В. В.* Мировоззренческие проблемы раннесредневековых ересей на Руси (XI–XIV вв.). Автореф. дисс. на уч. степень канд. философск. наук. М., 1981.
17. *Мурьянов М. Ф.* О космологии Кирика Новгородца // Вопросы истории астрономии: Сб. 3. М., 1974.

18. *Никольский Н. К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.
19. *Пашиков А. М., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец в письмах Н. В. Степанова к А. А. Шахматову // Историко-астрономические исследования. Вып. XIX. М., 1987.
20. *Полосин Н. И.* О челобитных Пересветова // Ученые записки МППИ им. В. И. Ленина. Т. XXXV. Вып. II. М., 1946.
21. Послание Климента Смолятича / Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980.
22. *Прохоров Г. М.* Книги Кирилла Белозерского // Труды Отд. древнерусск. лит. Ин-та русск. лит. АН СССР. Т. 36. Л., 1981.
23. *Пустернаков В. Ф.* Проблема познания в философской мысли Киевской Руси // Становление философской мысли в Киевской Руси. М., 1984.
24. *Пыпин А. Н.* Для объяснения статей о ложных книгах // Летопись занятий археографической комиссии. 1861 год. Вып. 1-й, СПб., 1862.
25. *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964.
26. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
27. Се иесть въпрошание Кюриково // Русская историч. биб-ка. Т. 6. СПб., 1880.
28. *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980.
29. *Симонов Р. А.* Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтыри // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982.
30. *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга I. М., 1988.
31. *Сперанский М. Н.* «Злые дни» в приписках Ассеманова евангелия // Македонски преглед. София, 1932, кн. I.
32. *Срезневский И. И.* Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. Кн. II, половина первая. М., 1855.
33. *Срезневский И. И.* Сведения о малоизвестных и неизвестных памятниках. II. Глаголическая книга Евангельских чтений, Ватиканская: выписки из нее и описание // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. Том I. № 6–9. СПб., 1867.
34. *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы: В 2 т. М., 1863.
35. *Турилов А. А.* О датировке и месте создания календарно-математических текстов — «семи тысячников» // Естественнонаучн. представления Древней Руси. М., 1988.

Глава 2

Расчетная астрология на Руси в XV в.

Вера у славян в добрые и злые дни, другие благоприятные и неблагоприятные периоды жизнедеятельности на каком-то этапе «обогадилась» астрологическим понятием хронократора, т. е. светила-покровителя, который «управлял» каждым часом суток.

Судя по источнику XV в., среди польских гадателей были «часогусяжи», т. е. гадатели «по часам», которые определяли, какие дни и часы будут добрые, а какие — злые для различных целей: заключения торговых сделок и браков, собирания трав, отправления в путь или возвращения и пр. (13, с. 498–499).

Данные о наличии у русских подобных гадателей «по часам» отсутствуют. Может быть, поэтому оставались неизученными древнерусские источники XV в., которые представляют собой своеобразные пособия для определения добрых, злых и средних часов, основывающиеся на астрологическом учении о хронократорах. Таковым является статья «Часы на семь дни: добры и средни и злы» в полууставном сборнике XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 22/1099). Сборник, в котором находится статья, переписан известным древнерусским книжником Ефросином и относится к периоду 1450–1470 годов (12, с. 7). Ефросин был математически грамотным человеком, о чем говорит вышедшая из-под его пера обработка «семитысячников», требовавших знаний в области календаря и развитой вычислительной культуры (32, с. 31).

Впервые рассматриваемая статья была опубликована Н. С. Тихонравовым (31, 382–384), его публикация воспроизведена (с раскрытием титула) Цв. Кристановым и Ив. Дуйчевым (13, с. 502–505). Ни Н. С. Тихонравов, ни болгарские авторы «не касались существа памятника, если не считать косвенной оценки, выразившейся в помещении его последним в раздел „Астрологические тексты о добрых и плохих днях и часах“».

Начинается произведение так: «В нед(еле) (воскресенье. — Р. С.) час 1-й добр, час 2-й добр, час 3-й зол, час 4-й (с)редни, час 5-й добр, час 6-й зол, час 7-й средни, час 8-й добр...»¹. Последова-

---

¹ В источнике цифры древнерусские, т. е. «буквенные».

тельно характеристика воскресных суток проводится до 24-го часа. Затем характеризуются суточные часы понедельника, вторника, среды, четверга, пятницы и субботы, т. е. полностью часы всех суток недели, чему соответствует начало заголовка «Часы на семь дни...». Содержание документа можно передать в виде таблицы с заменой словесных характеристик первыми буквами соответствующих слов: д — «добр», з — «зол», с — «средний» (см. табл. 1).

Рассматриваемый документ связан с представлениями древних астрологов о семи светилах — «руководителях», «владыках» или «покровителях» суток и суточных часов.

Таблица 1

дни	часы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
воскресенье		д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з
понедельник		с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з
вторник		с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д
среда		з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д
четверг		з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с
пятница		д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с
суббота		д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з

Как уже говорилось в 1-й главе, хронократором воскресенья было Солнце, понедельника — Луна, вторника — Марс, среды — Меркурий, четверга — Юпитер, пятницы — Венера, субботы — Сатурн. Суточные часы «управлялись» теми же светилами в порядке их удаления от Земли. Наиболее удаленный — Сатурн, хронократор субботы — был «покровителем» и первого часа субботы. Следующий по удаленности — Юпитер — был хронократором второго часа субботы. Третий по удаленности от Земли, как считали древние наблюдатели, Марс, «управлял» 3-м часом субботы. Солнце — четвертое по удаленности от Земли — «управляло» 4-м часом субботы. Пятая по удаленности от Земли — Венера — «управляла» 5-м часом субботы. Шестой — Меркурий — «управлял» 6-м часом субботы. Седьмая по удаленности от Земли, но первая по близости —

Луна, — «управляла» седьмым часом субботы. Затем цикл повторялся. Сатурн, кроме 1-го часа, «управлял» также 8-м, 15-м и 22-м часами субботы. Юпитер, кроме 2-го часа, «управлял» также 9-м, 16-м и 23-м часами субботы. Марс, кроме 3-го часа, «управлял» также 10-м, 17-м и 24-м часами субботы. Солнце, кроме 4-го часа, «управляло» также 1-м, 18-м часами и 25-м часом, который являлся 1-м часом следующих суток — воскресенья. Выше говорилось, что Солнце — хронократор воскресенья, но без расчетного обоснования этого. Теперь понятно, почему Солнце — «покровитель» воскресенья. Это получается автоматически, если исходить из предпосылки, что за основу счета берется принцип удаленности семи светил от Земли, а в качестве хронократора субботы принимается наиболее удаленная планета — Сатурн. Тогда при «прокатке» планетарного цикла по суточным часам хронократорами 25-го часа, т. е. первого часа следующих суток, а с ними «руководителями» дней недели, следовательно, будут: «покровителем» воскресенья — Солнце, понедельника — Луна и т. д. Эта числовая магия была придумана, как считают историки науки, древними вавилонянами (11, с. 41).

Через греков и римлян она получила распространение в христианских странах, но была известна и на мусульманском Востоке. Чтобы убедиться в этом, дадим слово Бируни (973–1048): «Какое разделение дней по планетам? Первый час первого дня, то есть воскресенья, относится к светилу, являющемуся причиной дня и ночи, то есть к Солнцу. Второй час относится к планете, которая следует а ним по порядку сверху вниз, то есть к Венере, третий час — к Меркурию, четвертый — к Луне, пятый — к Сатурну, шестой — к Юпитеру, седьмой — к Марсу, восьмой — снова к Солнцу, и в том порядке до второго дня, то есть до понедельника, первый час которого относится к Луне, второй к Сатурну, и по этому образцу до следующего воскресенья, первый час которого снова относится к Солнцу. Так определяются владыки часов каждого дня, являющиеся светилами, к которым относятся эти часы, и владыки дней — владыки их первых часов» (4, с. 182).

Обозначая светила первой или двумя первыми буквами: Солнце — со, Луна — л, Марс — ма, Меркурий — ме, Юпитер — ю, Венера — в, Сатурн — са, составим таблицу хронократоров суточных часов дней недели (см. табл. 2).

Сопоставим между собой таблицы 1 и 2. Первая будет таблицей «качеств» хронократоров-светил при выполнении двух условий. Во-первых, должны совпадать характеристики семи идущих

подряд светил, взятых в любом месте таблиц. Во-вторых, эти характеристики должны соответствовать принятым в астрологической литературе. Первое условие выполняется. Чтобы убедиться в этом, возьмем в качестве базовых характеристики светил, «руководящих» первыми семью часами воскресенья. Соответствующие хронократоры в табл. 2 (первые семь значений 1-й строки) идут в такой последовательности: со — Солнце, в — Венера, ме — Меркурий, л — Луна, са — Сатурн, ю — Юпитер, ма — Марс.

Таблица 2

дни	часы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
воскресенье		со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме
понедельник		л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю
вторник		ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в
среда		ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са
четверг		ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со
пятница		в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л
суббота		са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма	со	в	ме	л	са	ю	ма

«Качества» на таком же месте табл. 1 (первые семь значений 1-й строки) так характеризуют эти светила: Солнце — д(оброе), Венера — д(обрая), Меркурий — з(лой), Луна — с(редняя), Сатурн — д(обрый), Юпитер — з(лой), Марс — с(редний). Для выполнения первого условия необходимо, чтобы семь любых идущих подряд светил табл. 2 имели «качества» базовых характеристик. Например, хронократоры дней недели (первые знаки вертикального ряда табл. 2) будут иметь следующие характеристики (первые знаки вертикального ряда табл. 1): воскресенье — Солнце — д(оброе), понедельник — Луна — с(редняя), вторник — Марс — с(редний), среда — Меркурий — з(лой), четверг — Юпитер — з(лой), пятница — Венера — д(обрая), суббота — Сатурн — д(обрый). Характеристики «качеств» светил совпадают. Этот вывод справедлив для любого ряда последовательных значений, взятых в любом месте табл. 2 и сопоставленных с точно таким же участком табл. 1. Таким образом, первое условие выполняется.

Второе условие не выполняется. «Качества» хроникаторов, которые получаются при сопоставлении таблиц 1 и 2, не совпадают с каноническими характеристиками, принятыми в астрологии. Наиболее раннее описание «качеств» семи светил известно по труду Птолемея, где приводятся следующие характеристики: Юпитер, Венера и Луна — добрые («благотворные»), Сатурн и Марс — злые («неблаготворные»); Солнце и Меркурий — средние (15, с. 161–162). Бируни указывает те же «качества» семи светил, но сообщает, что у индийцев существует еще иная шкала оценки: Юпитер и Венера — добрые («всегда благоприятные»); Сатурн и Солнце — злые («всегда зловещие»), Меркурий и Луна — средние (4, с. 180).

Характеристики светил в рассматриваемом древнерусском тексте отличаются как от птолемеевской, так и от индийской трактовки. Однако есть памятник, с которым существует заметное сходство в оценке хроникаторов. Это древнерусская рукопись «Псалтырь с воследованием» конца XV — начала XVI в. (ОР РНБ, Ф. 354, № 14) (1). На последней листе рукописи приводится комплекс таблиц, озаглавленный «По сему часы разумети дневные и ночные». В составе комплекса имеется таблица характеризующая следующим образом «качества» хроникаторов: Сатурн — д(обр), Юпитер — с(редний), Марс — з(ол), Солнце — д(оро), Венера — д(обра), Меркурий — з(ол), Луна — с(редняя).

Таблица 3

	Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна
Птолемей	з	д	з	с	д	с	д
Индийцы	з	д	з	з	д	с	с
Ефросин(?)	д	з	с	д	д	з	с
“Псалтырь с воследованием”	д	с	з	д	д	з	с

Сравнивая характеристики светил (птолемеевскую, индийскую и двух русских) (см. табл. 3), заключаем, что птолемеевская и индийская оценки совпадают в пяти случаях из семи: для Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры и Сатурна. «Качества» хроникаторов в русских рукописях также совпадают в 5 случаях из 7, но для другого набора светил: Солнца, Луны, Меркурия, Венеры и Сатурна.

Причем несовпадение характеристик Марса и Юпитера в русских источниках, Солнца и Луны у Птолемея и индийцев качественно иные: у Птолемея и индийцев разница могла быть обусловлена принципиальными мотивами, а в русских списках — случайной инверсией (перестановкой) знаков.

Отличная от птолемеевской характеристика индийцами обусловлена пониманием астрологической «природы» светил, как ее характеризует Бируни: «Сатурн и Марс — зловещие всегда, Сатурн больше, Марс меньше. Юпитер и Венера — благоприятные всегда, Юпитер больше, Венера меньше... Солнце бывает благоприятным, когда оно в аспекте и далеко, и зловещим, когда оно в соединении и близко. Меркурий также может быть зловещим и благоприятным... Луна по природе благоприятна, но ее положение по отношению к другим светилам быстро меняется вследствие ее движения» (4, с. 179–180). По мнению индийцев, Солнце всегда зловеще, наряду с Сатурном и Марсом. «Зловещесть» Солнца не отрицается и Бируни, выступающего последователем Птолемея; только она проявляется в особом положении Солнца по отношению к другому светилу: они должны находиться на одной линии, проходящей через Землю. Луна, по словам Бируни, по своей природе благоприятна, но может приобретать и другие качества, т. е. отличается неопределенностью «поведения». Это согласуется с ее оценкой индийцами как благоприятной или неблагоприятной в зависимости от положения на небосводе. Таким образом, характеристика индийцами Солнца и Луны не противоречит птолемеевской, но отражает не основное «качество» светил, а дополнительное, обусловленное их особым расположением по отношению к другим светилам.

Как птолемеевская традиция, сторонником которой выступает Бируни, так и индийцы выделяют светила, которые не меняют своих «качеств». Это Сатурн и Марс — как всегда злые, и Юпитер и Венера — как всегда добрые. Нарушение этого канона можно рассматривать как астрологическое «инакомыслие», каковым отличаются обе древнерусские характеристики хронократоров. Особенно в них примечательной является оценка зловещего Сатурна как доброго светила (см. табл. 3).

Чем обусловлено астрологическое «инакомыслие» древнерусских текстов? Не претендуя на окончательное решение вопроса, рассмотрим ситуацию, при которой в процессе расчета «качеств» хронократоров суточных часов могла появиться оригинальная характеристика семи светил, отличная от птолемеевской.

Перед Ефросином, если он был автором соответствующих расчетов, стояла примерно такая же задача, как при составлении табл. 1. Надо семь знаков (с, д, с, д, з, д, з), характеризующих «качества» Солнца, Венеры, Меркурия, Луны, Сатурна, Юпитера и Марса, последовательно откладывать в горизонтальных рядах (для 24 часов), начиная с воскресенья. Получится каноническая (птолемеевская) таблица «качеств» хронократоров суточных часов для дней недели (см. табл. 4).

Располагая такой таблицей, Ефросин или кто-то другой мог приступить к расписанию «часов на семь дни: добрых и средних и злых». В соответствии с началом сохранившейся статьи XV в. он написал бы: «В неделе (воскресенье) час 1-й средний, час 2-й добр, час 3-й средний, час 4-й добр, час 5-й зол, час 6-й добр, час 7-й зол, час 8-й средний...» (см. первые восемь знаков верхнего горизонтального ряда табл. 4). Такой текст соответствовал бы птолемеевской традиции, но коренным образом отличался от представленного в рассматриваемой древнерусской рукописи.

Таблица 4

дни	часы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
воскресенье		с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с
понедельник		д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д
вторник		з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д
среда		с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з
четверг		д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с
пятница		д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д
суббота		з	д	з	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д	с	д	з	д	з	с	д

При составлении табл. 4, за основу положен цикл светил по их удаленности от Земли, начиная с ближайшей — Луны, как того требует древневавилонская астрологическая традиция. Но существует еще один цикл светил — по дням недели, начиная с воскресенья; их «качества» образуют такую последовательность: с, д, з, с, д, д, з. Ефросин мог спутать циклы, вместо первого употре-

бить второй. Действительно, как видно из табл. 1, ряд понедельника начинается этими семью значениями, которые далее «прогоняются» по всей таблице. При этом воскресные значения ее будут замыкать (см. табл. 5).

Почему за начало отсчета взят понедельник, а не воскресенье? Древнерусские наименования дней недели структурно обуславливают такой счет. То, что понедельник должен идти на первом месте, определяется названием следующего за ним вторника, а также четвергом и пятницей, идущими соответственно на 4-м и 5-м местах (см. табл. 5). Суббота и воскресенье («неделя») не содержат в своих названиях характеристик порядка следования. Ее содержит название понедельника, как следующего после воскресенья, по-древнерусски «недели», отсюда — понедельник. Однако и при счете дней, когда воскресенье идет на седьмом месте, понедельник следующей недели идет за воскресеньем. Поэтому название «понедельник» не противоречит недельному счету дней с воскресеньем на седьмом месте. Явный след недельного счета с воскресенья как будто бы отражает среда как название дня, находящегося точно посередине недели — на 4-м месте, начиная с воскресенья. Но и здесь нет окончательной ясности, т. к. серединой недели можно считать три центральных дня, а они как раз начинаются со среды при недельном счете с понедельника. Возможно, древняя народная привычка вести счет с понедельника (а не с воскресенья) отражается в современной традиции счета дней недели с понедельника: например, в расписаниях Аэрофлота дни недели передаются цифрами: 1 — понедельник, 2 — вторник, ... 7 — воскресенье.

Ефросин или кто-то другой мог исходить из представления, что первым днем недели является понедельник, и отсчет «качеств» хронократоров поэтому начал с этого дня, как в табл. 5. Таблица 5 — это модель расчетов, лежащих в основе статьи «Часы на семь дни...». При ее окончательном оформлении на первое место было переставлено воскресенье, как того требовала византийская традиция. Текст поэтому стал начинаться словами: «В неделе час 1-й добр, час 2-й добр, час третий — зол» и т. д. — в соответствии с последним рядом значений табл. 5 (для воскресенья). В окончательном виде статья «Часы на семь дни...» моделируется табл. 1, которая отличается от табл. 5 только тем, что воскресный ряд суточных «качеств» хронократоров перенесен с последнего места на первое.

Таким образом мог появиться оригинальный ряд «качеств» хронократоров дней недели: Солнце (воскресенье) — доброе, Луна (понедельник) — средняя, Марс (вторник) — средний, Меркурий (среда) — злой, Юпитер (четверг) — злой, Венера (пятница) — добрая, Сатурн (суббота) — добрый. Глубокой традиции, как, например, птолемеевская, этот набор значений не имел. Поэтому при его воспроизведении могли возникать «осечки» в виде перестановки местами символических обозначений «качеств» светил. Так, в упомянутой таблице в рукописи «Псалтырь с воследованием» конца XV – начала XVI вв. (1) Марс имеет характеристику злого, а Юпитер — среднего светила (в статье «Часы на семь дней...» наоборот). Марс и Юпитер расположены в таблице по соседству, после Сатурна, т. е. в порядке удаленности от Земли. Не исключено, что перестановка «качеств» хронократоров здесь появилась в результате случайной оплошности писца при копировании памятника, спутавшего характеристики двух соседних «планит» (см. табл. 3).

Таблица 5

дни	часы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
понедельник		с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з
вторник		с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д
среда		з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з
четверг		з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з
пятница		д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д
суббота		д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д
воскресенье		д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д	д	з	с	д

Предложенное объяснение оригинальных характеристик хронократоров в древнерусских текстах предполагает недостаточно уверенное владение календарно-астрологическими знаниями их составителями. В XV в. на Руси интерес к астрологии не поддерживался и не развивался представлениями западноевропейской науки, как это стало в XVI–XVII вв., когда у российских

государей появились придворные астрологи (27, с. 76–84). В более ранний период астрология на Руси могла разрабатываться «любителями» (а не профессионалами) типа Кирилла Белозерского (см. 1-ю главу) или Ефросина. Поэтому нет ничего удивительного, что при этом происходили «сбои» в расчетах, которые обуславливались недостаточно глубоким знанием элементов астрологии, что и породило оригинальные характеристики хронократоров. Если справедлива предложенная трактовка рассматриваемого астрологического текста XV в., несмотря на его отклонение от птолемеевой традиции, он должен рассматриваться как важное явление древнерусской культуры. Астрологические произведения русской письменной традиции XI–XIV вв. представляют собой переводы и переработки с греческого и др. языков. Статья «Часы на семь дней» является русской версией астрологического учения о хронократорах. Ее происхождение связано с Кирилло-Белозерским монастырем, иеромонахом которого был Ефросин, переписавший или рассчитавший астрологические характеристики часов всех дней недели. Родоначальник монастыря Кирилл Белозерский, как известно, проявлял значительный интерес к сокровенным знаниям, делал предсказания, возможно, опираясь на данные о фазах Луны и даты затмений, т. е. на элементы астрологии. Можно предположить, что занятия сокровенными знаниями, в том числе астрологией, в монастыре не заглохли после смерти Кирилла Белозерского в 1427 г. Эстафету подхватили его ученики и ученики учеников, одним из которых мог быть Ефросин. Возможно, что он не был автором статьи «Часы на семь дней», а просто ее переписал. Автором мог быть сам Кирилл Белозерский или кто-то из его учеников и последователей. Во всяком случае, Кирилло-Белозерский монастырь и после смерти его основателя оставался местом переписки «отреченной» литературы, а из-под пера Ефросина вышло первое русское астрологическое произведение, содержащее расчет свойств характеров для часов дней недели — «Часы на семь дней: добры и средни и злы».

Как говорилось выше, источники не сохранили сведений о древнерусских гадателях «по часам», каковые, например, существовали в Польше. Однако, опираясь на текст статьи «Часы на семь дней», можно реконструировать процесс гадания «по часам», который мог осуществлять все тот же Ефросин.

Как использовалась статья «Часы на семь дней», можно показать на следующем придуманном мною, но согласующемся с источниками примере. Об иеромонахе Кирилло-Белозерского мона-

стыря Ефросине, жившем во 2-й половине XV в., была окрест слава как о человеке начитанном не только в богословских трудах, но и владевшем сокровенными знаниями — о предсказании погоды и урожая по грому, о лечении людей и пр. Пришел к нему купец и попросил совета о том, каким человеком будет его внук, родившийся в прошлое воскресенье. Ефросин взял книгу (которая теперь хранится в РНБ, Кир.-Бел. собр., № 22/1095), нашел в ней статью «Часы на семь дней» и посмотрел, какие часы для воскресенья в ней характеризуются как добрые, средние и злые. Спросил купца: «В какое время дня или ночи родился твой внук». «Утром, сразу после рассвета», — ответил купец. «Можешь не беспокоиться, — сказал ему Ефросин, — первые два часа воскресного дня добрые, кто родится в это время окажется хорошим человеком, ему будет сопутствовать удача, достаток и умрет он в старости. Вот если бы твой внук родился в 3-м часу, то судьбу бы имел плохую, т. к. это злой час». Поблагодарил купец и продолжал беседу: «Сноха родила, а дочь только собирается. Беспокоюсь я о судьбе будущего внука или внучки. Скажи, святой отец, есть ли способ, чтобы предстоящие роды пришлись на добрый час?» «Способ есть, — сказал Ефросин, — надо знать ко времени родов расписание добрых и злых часов и постараться, чтобы сами роды произошли в добрый час, а не в злой. Это трудно, но достижимо. Аналогичный случай описан в повести, посвященной знаменитому царю Александру Македонскому». Ефросин достал книгу (которая теперь также хранится в РНБ, Кир.-Бел. собр. № 11/1088), вкратце пересказал купцу притчу о рождении Александра по «Сербской александрии» (3). «Говорят, что он был сыном официального мужа своей матери Олимпиады — царя Филиппа. В действительности он незаконнорожденный сын египетского царя Нектонава. Перед отъездом на войну царь Филипп сказал своей жене, чтобы к его возвращению она родила сына. Опечалилась Олимпиада, т. к. не могла раньше забеременеть от Филиппа. Ей посоветовали обратиться к Нектонову, который слыл великим врачом и мудрым волшебником. Пригласила царица к себе Нектонава и все ему рассказала. Влюбился египетский царь в Олимпиаду и решил ею овладеть. С этой целью он принял облик бога Амона, в нем же к ней с мечтанием прииде, и совокупился с нею, изыде паки». Забеременевшей Олимпиаде Нектонав сказал, чтобы позвала его, когда наступят роды. «Часу же рождения приспевшу, приступивши Нектонову, рече ко царицы: „Держи в себе, царице, не родити, дондеже благорастворен час прииде, дондеже

небеснии планити станут на уставех и стихие. Тогда царь царем породится, велеума человек храбра Александра». Продолжал Ефросин: «Нектонав три родах присутствовал, зная какой час благоприятен, а какой – нет. Наступил момент, когда могла царица родить, но Нектонав сказал, чтоб повременила. Женщине это трудно, но Олимпиада смогла и родила в наиболее благоприятный момент для рождения многоумного и храброго человека, каким и стал Александр. Когда будет рожать твоя дочь, позовешь меня. Если сделает как царица Олимпиада: сдержит роды в неблагоприятный, а разрешится в добрый час, какой я укажу, то будет у тебя внук или внучка счастливыми».

Купец обрадовался словам Ефросина, отблагодарил Кирилловский монастырь подарками. Мудрый же старец, когда купец ушел, задумался: «Располагай Нектонав лишь таблицей „Часы на семь дней“, как у меня, не смог был так подробно судить о судьбе новорожденного Александра, т. к. по таблице этой можно лишь установить, будет ли человеку благоприятна или неблагоприятна судьба — в зависимости от доброго или злого часа рождения. В то же время качества часов зависят от их светил-покровителей. Например, родившийся в воскресенье внук купца будет иметь хорошую судьбу, но нрав иной — в случае рождения в 1-м или 2-м утреннем часу. Оба эти часа добрые, но первым руководит Солнце, а вторым — Венера. Помнится, что толмач воеводы, который недавно с отрядом останавливался в монастыре, оставил перевод выписок из восточной мудрой книги о планитах. Здесь о свойствах человека, родившегося в час Солнца, говорится так: „Умный, знающий, понимающий, терпеливый, целомудренный, но чувственный, гордый, ладный к знаниям, власти и победам, любящий восхваления, общительный с людьми, подчиняющий их, быстро гневающийся и быстро овладевающий собой“. Качества человека, родившегося в час Венеры, другие: „С хорошим характером и красивым лицом, склонная к любви и чувственности, любящая музыку и игру, щедрая, гордая, с сильным телом и слабым сердцем, хвастливая, радостная, любезная, искренняя, доверчивая, любящая детей и всех людей“» (4, с. 192-193).

Ефросин продолжал размышлять: «Для внука купца больше подходит характеристика человека, родившегося в 1-й час (Солнца), а если бы родилась девочка, то — характеристика родившегося во 2-й час (Венеры). Надо подготовиться к рождению второго внука или внучки купца, дополнить таблицу „Часы на семь дней“ сведениями о светилах-покровителях. Кроме того, таблица о часах

рассчитана на недельный интервал, по ней трудно делать прогноз на большие сроки. Надо попробовать составить более универсальную таблицу по типу «вечного» календаря». Так размышляя, Ефросин вынул календарную таблицу солнечных эпакт в виде «руки Богословлей» с таблицей солнечных регуляров («месячных чисел») и стал обдумывать, как на их основе разработать астрологический «вечный» календарь для определения светил-покровителей каждого часа любой даты в юлианском летоисчислении. Ставил ли перед собой Ефросин в действительности такую задачу, источники умалчивают. Но что он или кто-то другой не только мог ее поставить, но и успешно решить, свидетельствует подлинный документ. В рукописи «Псалтырь с воследованием» (кон. XV – нач. XVI вв.) РГБ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 14(1), на листе 663 содержится комплекс таблиц, который в литературе не рассматривался. Его изучение приводит к выводу, что это своего рода астрологический «вечный» календарь, по которому определяется хронократор, т. е. светило-покровитель или владыка любого часа дня или ночи дат в юлианском летоисчислении.

Составляющие документа таковы (см. схему 1).

Таблицы.

I. Две таблицы, образующие «вечный» календарь для определения дня недели даты в юлианском летоисчислении.

II. Две таблицы, образующие «вечный» календарь для определения дневного «покровителя» юлианских дат.

III. Таблица, дополняющая II; служит для определения ночного «покровителя» юлианских дат.

IV. Таблицы с астрологическими характеристиками «планит» (светил) в последовательности «покровительства» часам.

Надписи.

1. Литица (т. е. азбука) Иоан(на) Бго(слова).

2. О седми планитах.

3. Наставает мартом.

4. Дни (и) 365 и 6 часов. О мсцах о книж(ных) коли настан, м(арт) 31, а(прель) 30, м(ай) 31, и(юнь) 30, и(юль) 31, а(вгуст) 31, с(ентябрь) 30, о(ктябрь) 31, н(оябрь) 30, д(екабрь) 31, г(енварь) 31, ф(евраль) 28.

5. По сему часы разумети дневные и ночные.

Под надписью 5 расположены две календарные таблицы в виде «рук». На левой «руке» написано: «Говение жидом», а на

правой: «Рука: Паска жидом законная». Правая «рука» — это известная таблица пасхальных полнолуний. Между «руками» имеется следующая запись: Ведомо будий сей. Яко всегда бывает евреом мяс(о) пус(т) великы(й) мсца марта в 10-е число по синоксарю.

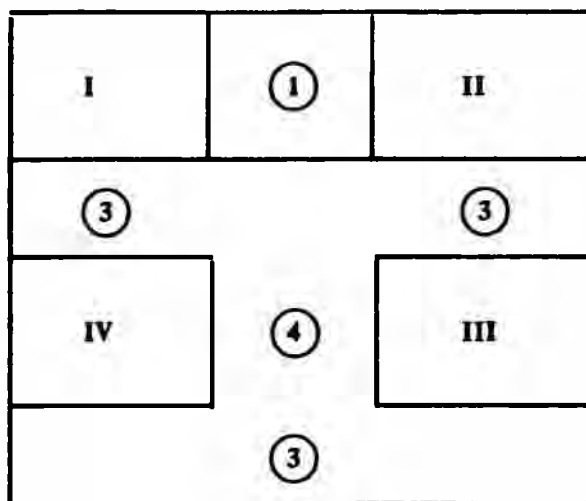

Схема 1

Мясопустные материалы генетически не связаны с астрологическим документом. Однако их помещение на одном листе свидетельствует о том, что древнерусским книжникам был ясен расчетно-календарный характер объединенных на одном листе материалов. Соединение разнородных календарных текстов в виде таблиц в одном месте достаточно типично для древнерусских рукописей — примерно с XIV в. Одной из древних рукописей, где календарные сведения в виде таблиц приводятся компактно на нескольких страницах, является «Служебник» XIV в. из собрания РНБ, Ф. п. I., № 73 (2). Типичной особенностью таких календарных материалов является отсутствие разъяснений, как ими пользоваться.

Смысл таблиц I достаточно ясен. При замене «буквенных» цифр современными они принимают более удобный для анализа облик (см. схему 2).

«Выбор» знаков из таблицы однозначных чисел начинается с единицы, обведенной кружком (в подлиннике «аз» в кружке). Получается такая последовательность: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 1, 3, 4, 5, 6, 1, 2, 3, 4, 6, 7, 1, 2, 4, 5, 6, 7, 2, 3, 4, 5, 7.

3	4	5	6	M5
5	6	7	1	A1
7	①	2	3	M3
2	3	4	5	И6
4	5	6	7	И1
6	7	1	2	A4
1	2	3	4	C7
Ф6	Г3	Д7	Н5	O2

Схема 2

Историкам науки эти числа известны как «солнечные эпакты». Они связаны с календарным циклом в 28 лет, получившим название «солнечного круга». Последовательность чисел отражает ритм смены дней недели в юлианском календаре. Значение чисел таблицы таково: 1 — воскресенье, 2 — понедельник, 3 — вторник, 4 — среда, 5 — четверг, 6 — пятница, 7 — суббота (11, с. 94).

Вторая таблица в комплексе I примыкает к таблице солнечных эпакт справа и снизу, состоит из парных знаков, которые расшифровываются так (сверху вниз и справа налево): м(арт) 5, а(прель) 1, м(ай) 3, и(юнь) 6, и(юль) 1, а(вгуст) 4, с(ентябрь) 7, о(ктябрь) 2, н(оябрь) 5, д(екабрь) 7, г(енварь) 3, ф(евраль) 6. Историкам науки эти значения известны как «солнечные регуляры». Прибавляя их к солнечным эпактам, получаем день недели на 1-е число месяца (11, с. 97, 278). Зная день недели начала месяцев легко найти день недели любой даты. Следовательно, комплекс таблиц I это один из «вечных» календарей в системе юлианского летоисчисления.

В Древней Руси такого типа «вечный» календарь употреблялся уже в домонгольский период. Подлинные документальные свидетельства — таблица солнечных эпакт и ее фрагмент — сохранились в виде надписей в храмах конца XII — 1-й трети XIII вв. (Старая Рязань) (18, с. 249, 252–254) и XIII в. (Киев) (6, с. 201–205).

Солнечные эпакты на Руси были известны как «числа Богослови руки». Так, соответствующая таблица в упомянутом выше «Служебнике» XIV в. (2) выполнена в виде «руки», на которой написано: Крук лет: Рук (а) Иоа(нна) Бъгслов(а). Солнечные регуляры на Руси именовались, в частности, «мисячными числами». Они нередко располагались под «рукой» солнечных эпакт.

В «Служебнике» XIV в. они имеют вид парных знаков, как и в рассматриваемом астрологическом документе, т. е. с указанием одной первой буквы названия месяца. Сохранился древнерусский текст, из которого следует, что таблицы правильно понимались как средство установления дня недели начала месяцев (28, с. 310–314).

Рассмотрим на примере, как с помощью таблиц I можно найти день недели юлианской даты. Известно, что 22 марта 1136 г. было воскресеньем: это следует из «Учения» Кирика Новгородца, который правильно указал день пасхального воскресенья для этого года — 22 марта (10, с. 190–191). Переведем 1136 г. в эру «от сотворения мира»: $1136 + 5508 = 6644$. Разделив последнее число на 28, получим в остатке 8, что дает величину «солнечного круга» этого года. Далее применим формулу $A = |(X + Y + Z - 1) : 7|$. Вертикальные черточки обозначают остаток от деления на семь. Здесь X — рассматриваемая дата (в нашем случае $X = 22$). Y — солнечная эпакта (в нашем случае на 8-м месте в ряду эпакт стоит 3, $Y = 3$), Z — солнечный регуляр (для марта — 5, $Z = 5$). Остатками будут числа от 1 до 6; если $A = 1$, то соответствующая дата приходится на воскресенье; если $A = 2$, то на понедельник; если $A = 3$, то на вторник; если $A = 4$, то на среду; если $A = 5$, то на четверг; если $A = 6$, то на пятницу. Если $A = 0$, т. е. число в круглых скобках кратно 7, то соответствующая дата приходится на субботу. Зная, что 22 марта 1136 г. было воскресенье, можно предположить, что число в круглых скобках при делении на 7 даст в остатке 1.

Проверка показывает: $|(X + Y + Z - 1) : 7| - |(22 + 3 + 5 - 1) : 7| = |29 : 7| = 1$, т. е. расчетный результат соответствует действительному.

Подробное изложение «работы» с данными табличного комплекса I обусловлено тем, что расшифровка комплексов II и III будет производиться по той же методике. Хотя она описана в работах автора настоящей статьи и подтверждена историком астрономии (24, с. 86–88; 25, с. 93–100; 11, с. 277–280), ограничиться отсылкой читателя к этим работам недостаточно, т. к. ее применение к специфическим таблично-астрологическим текстам требует определенных подробностей, без которых рассматриваемый уникальный документ «не заговорит».

Для удобства анализа комплекса таблиц II заменим «буквенные» цифры современными (см. схему 3). Как и в случае таблиц I, здесь имеется 28 однозначных чисел и 12 клеток с парными зна-

ками, расположенными слева и снизу, т. е. симметрично таблицам I (сравните схемы 2 и 3). Первые буквы в парных знаках совпадают в обоих случаях. В отличие от I, в II не выделен кружком знак, с которого надо начинать «выбор» из таблицы чисел. По аналогии возьмем в комплексе II за начало отсчета ту же клетку, которая указана в I. На схеме 3 соответствующий знак обведен пунктирным кружком (его нет в подлиннике). Ряд «извлеченных» чисел, начиная с кружка, будет таким: 6, 7, 8, 3, 4, 5, 6, 8, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 2, 4, 5, 6, 7, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 2, 3, 5. По аналогии с I назовем эти числа «новыми эпактами».

М7	8	2	3	4
А3	3	4	5	6
М5	5	6	7	8
И8	7	8	2	3
И3	2	3	4	5
А6	4	5	6	7
С9	6	7	8	2
О4	Н7 Д9 Г5 Ф8			

Схема 3

Полагая, что первые буквы в парных знаках обозначают начала месяцев, расшифруем их так: м(арт) 7, а(прель) 3, м(ай) 5, и(юнь) 8, и(юль) 3, а(вгуст) 6, с(ентябрь) 9, о(ктябрь) 4, н(оябрь) 7, д(екабрь) 9, г(енварь) 5, ф(евраль) 8. По аналогии с I эти значения можно назвать «новыми регулярами». Теперь проверим, будет ли для «новых эпакт» и «новых регуляров» справедлива формула $A = |(X + Y + Z - 1) : 7|$. Для установления того, что 22 марта 1136 г. было воскресеньем, нужно получить в остатке 1 при делении на 7 числа, получающегося в круглых скобках. В нашем случае X — рассматриваемая дата ($X = 22$), Y — «новая эпакта» (т. к. солнечный круг 1136 года равен 8, а в ряду «новых эпакт» на 8-м месте также стоит 8, то $Y = 8$), Z — «новый регулятор» (для марта — 7, $Z = 7$). Подставляем значения в формулу $X + Y + Z - 1 = 22 + 8 + 7 - 1 = 36$. При делении 36 на 7, в остатке получаем 1, т. е. 22 марта 1136 г. — воскресенье. Получили результат, на основе которого можно сделать предположение, что II также является юлианским «вечным» календарем, как и I. Единство их содержания подтверждается не

только симметричной композицией таблиц, но и общим названием: Литица (азбука) Иоанна Богослова. Чтобы понять, для чего понадобился второй «вечный» календарь, необходимо рассмотреть таблицы III и IV.

Как и в предыдущих случаях, заменим в таблице III буквенные цифры на современные (см. схему 4).

6	7	8	9
4	5	6	7
9	3	4	5
7	8	9	3
5	6	7	8
3	4	5	6
8	9	3	4

Схема 4

Здесь так же, как в II, не выделен кружком знак, с которого надо начинать «выбор» из таблицы чисел. Поступим как в случае II, взяв за начало отсчета ту же клетку, которая указана в I. На схеме 4 соответствующий знак обведен пунктирным кружком (его нет в подлиннике). «Выбранный» ряд чисел будет таким: 3, 4, 5, 7, 8, 9, 3, 5, 6, 7, 8, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 4, 5, 6, 7, 9. Назовем эти числа «ночными эпактами». Название чисел и «работа» с ними будут понятны после расшифровки таблицы IV.

Таблица IV состоит из четырех рядов по горизонтали и семи — по вертикали (см. схему 5).

С (суббота)	Д	♄	Крон (Сатурн)
Ч (четверг)	С	♃	Зеус (Юпитер)
В (вторник)	З	♂	Аррис (Марс)
Н (воскресенье)	Д	☉	Илиос (Солнце)
Т (пятница)	Д	♀	Афродит (Венера)
Р (среда)	З	☿	Ермис (Меркурий)
П (понедельник)	С	♁	Селени (Луна)

Схема 5

В первом слева вертикальном ряду указываются обозначения для дней недели — первыми или другими буквами соответствующих русских названий. А именно (сверху вниз): С — суббота, Ч — четверг, В — вторник, Н — неделя (воскресенье), Т — пятница, Р — среда, П — понедельник. Во втором вертикальном ряду проставлены три буквы: Д (3 раза), С (два), З(два); это обозначения начал слов: д — добрый, С — средний, З — злой. В третьем ряду воспроизводятся знаки «планит», а в четвертом ряду их греческие названия в такой последовательности (сверху вниз): «Крон», т. е. Сатурн; «Зеоус», т. е. Юпитер; «Аррис», т. е. Марс; «Илиос», т. е. Солнце; «Афродит» — Венера; «Ермис» — Меркурий; «Селени» — Луна.

Указанный порядок светил соответствует представлению древних вавилонян о степени их удаленности от Земли. Этот порядок лежит в основе (о чем говорилось выше) учения о светилах-покровителях для часов и дней недели: «Разделив сутки на 24 часа, древнеавилонские астрологи составили представление, будто каждый час находится под покровительством определенной планеты, которая как бы управляет им. Счет часов был начат с субботы: первым ее часом „управлял“ Сатурн, вторым — Юпитер, третьим — Марс, четвертым — Солнце, пятым — Венера, шестым — Меркурий и седьмым — Луна. После этого цикл снова повторялся, так что 8-м, 15-м и 22-м часами „управлял“ Сатурн; 9-м, 16-м и 23-м — Юпитер и т. д. В итоге получалось, что первым часом следующего дня, воскресенья, „управляло“ Солнце, первым часом третьего дня — Луна, четвертого — Марс, пятого — Меркурий, шестого — Юпитер и седьмого — Венера. Соответственно этому и получали свои названия дни недели» (11, с. 41).

В свете изложенного можно заключить, что в таблице IV расположение «планит» (сверху вниз) отражает представление астрологов о порядке, в котором шли светила-покровители, «управлявшие» суточными часами. Обозначения первого и четвертого вертикальных рядов таблицы IV отражают представление астрологов о светилах-покровителях дней недели.

Как известно, светила-покровители делились астрологами на три категории: злых, добрых и средних. При совершении каких-либо дел астрология советовала выбирать соответствующий день и час, которые «управлялись» подходящими для него светилами. Например, считалось совершенно правильным, если при заключении контракта с подрядчиком избирался час Меркурия, а для написания любовного письма час Венеры, и наоборот — считалось совершенно неблагоприятным предпринимать что-либо в

час Марса или Сатурна (8, с. 72). Поскольку в таблице IV «плани-ты» разделяются на категории добрых, злых и средних, то можно предположить, что предыдущие таблицы служили практическим нуждам расчета благоприятных (неблагоприятных) дней и часов. Действительно, комплекс таблиц I позволяет находить день недели для дат юлианского календаря. Так, узнав по I, что 22 марта 1136 г. — воскресенье, по таблице IV устанавливаем в качестве светила-покровителя этого дня Солнце и выясняем его благоприятность для дел, судя по букве Д, т. е. «добрый» (см. схему 5).

Можно высказать мнение, что таблицы II и III служили для определения светил-покровителей суточных часов. Греческое именование «планит» наводит на мысль, что в этом вопросе надо учитывать греческую астрологическую традицию. В Древней Греции, а также у других народов, наряду с системой часов постоянной длительности употреблялись часы переменной длительности («косые» часы) — отдельно для дня и отдельно для ночи. Светлое время суток делилось на 12 равных частей, каждая часть — дневной час. Темное время суток также делилось на 12 равных частей, каждая из них — ночной час. Всего часов в сутках получалось 24; только по длительности они, как правило, были разные. Летом дневные часы были длиннее ночных, а зимой — наоборот. Два раза в году часы дневные практически равнялись ночным — в дни весеннего и осеннего равноденствия. В связи с этой системой времясчисления греческие астрологи вели отдельный «учет» светил-покровителей для дневных и ночных часов. В качестве светила-покровителя дневных часов (дня) брался «управитель» первого часа суток. В качестве светила-покровителя ночных часов (ночи) брался управитель 13-го часа суток. Каждому «покровителю» дня будет соответствовать один определенный «покровитель» ночи (см. схему 6) (34, с. 480).

«покровитель» дня	«покровитель» ночи
Солнце Луна Марс Меркурий Юпитер Венера Сатурн	Юпитер Венера Сатурн Солнце Луна Марс Меркурий

Схема 6

Из таблицы I было установлено, что на 22 марта 1136 г. приходилось воскресенье, т. е. светило-покровитель этого дня — Солнце (что следует из табл. IV). По комплексу II устанавливается тот же результат. Смысл дублирования будет понятен в том случае, если принять, что II «действует» в паре с III. Если II позволяет определить «покровителя» дня, то III будет тем же расчетным методом давать «покровителя» ночи той же даты. Проверим это. В случае II бралась формула $A = |(X + Y + Z - 1) : 7|$. В X подставлялась рассматриваемая дата, X — 22; в качестве Y бралась «новая эпакта», в качестве Z — «новый регуляр». При делении на 7 в остатке получалось 1, что соответствует воскресенью и Солнцу как светилу-покровителю. Если предположение о назначении таблицы III справедливо, то по указанной формуле можно определить «покровителя» ночи той же даты — 22 марта 1136 г. Причем X и Z будут теми же: X = 22, Z = 7, а в качестве Y нужно взять «ночную эпакту», извлеченную из III. Так как «солнечный круг» 1136 г. равен 8, а в ряду «ночных эпакт» на 8-м месте находится 5, то Y = 5. Подставив в формулу числовые значения, найдем: $X + Y + Z - 1 = 22 + 5 + 7 - 1 = 33$. При делении 33 на 7 в остатке получается 5, что соответствует четвергу и Юпитеру как планете покровительнице (см. схему 5). По расчетам на основе таблиц II и III получается, что дневным «покровителем» даты 22 марта 1136 г. было Солнце, а ночным — Юпитер. Этот результат совпадает с ожидаемым: действительно, по астрологическим представлениям греков, если Солнце — дневной «покровитель» некоей даты, то ночным ее «покровителем» будет Юпитер (см. схему 6).

Таким образом, наше предположение подтвердилось — таблица III служит для определения ночного «покровителя» юлианской даты. Для убедительности рассмотрим еще несколько примеров.

Известно, что 13 мая 1467 г. была среда (30, с. 302), а ее дневным «покровителем» был Меркурий (см. схему 5). Переведем год в эру «от сотворения мира»: $1467 + 5508 = 6975$. Разделив последнее число на 28, найдем «солнечный круг» года — 3. Определим составляющие формулы: $A = |(X + Y + Z - 1) : 7|$ для установления ночного «покровителя» даты. В качестве X берется значение даты, т. е. X = 13, Y — «ночная эпакта» (т. к. «солнечный круг» равен 3, а в ряду «ночных эпакт» на 3-м месте стоит 5, то Y = 5), Z — «новый регуляр» (по табл. II для мая он равен 5, т. е. Z = 5). Подставляем значения в формулу $X + Y + Z - 1 = 13 + 5 + 5 - 1 = 22$.

При делении 22 на 7 получаем в остатке 1. Значит ночным «покровителем» даты 13 мая 1467 г. будет Солнце. Этот результат

совпадает с ожидаемым, т. к. по астрологическим представлениям греков «дневному» Меркурию соответствует «ночное» Солнце (см. схему 6).

Известно, что 12 июля 1552 г. был вторник (30, с. 304), а значит, дневным «покровителем» даты был Марс (см. схему 5). Переведем год в эру «от сотворения мира»: $1552 + 5508 = 7060$. Разделив последнее число на 28, найдем «солнечный круг» года — 4. Определим составляющие формулы для установления ночного «покровителя» даты. В качестве X берется значение даты, т. е. $X = 12$, Y — «ночная эпакта» (т. к. «солнечный круг» равен 4, а в ряду «ночных эпакт» на 4-м месте стоит 7, то $Y = 7$), Z — «новый регуляр» (по табл. II для июля он равен 3, т. е. $Z = 3$). Подставляем значения в формулу: $X + Y + Z - 1 = 12 + 7 + 3 - 1 = 21$. Число 21 кратно 7, значит ночным «покровителем» даты 12 июля 1552 г. будет Сатурн. Этот результат совпадает с ожидаемым, т. к. по астрологическим представлениям греков, «дневному» Марсу соответствует «ночной» Сатурн (см. схему 6).

Определив дневного и ночного «покровителя», можно было найти «управителя» любого часа суток с помощью табл. IV (схема 5). В этом смысле древнерусский книжник передал существо рассматриваемого астрологического текста словами: «По зему часы разумети дневные и ношные» (надпись 5, см. схему I).

Для того, чтобы правильно оценить проанализированный документ, важно установить время его появления на русской почве. Многие указывают на XV в. Так, «солнечные эпакты», которые «вытягиваются» в ряд из комплекса таблиц I, если вести счет от знака в кружке, связаны с русским календарным понятием «вруцелето», которое было введено около XV в. (23, с. 155).

Анализируемый документ рассчитан на употребление «косях» часов. В 1404 г. Лазарем Сербином в Московском Кремле были установлены механические часы, которые отбивали «часы ночные и дневные» и, судя по их изображению на миниатюре Лицевого летописного свода XVI в., имели на циферблате шкалу, рассчитанную на 12 часов. По мнению специалистов, не исключена возможность применения в них «косого» часа. Вскоре механические часы с «косым» часом стали отмирать из-за сложности конструкции как в Западной Европе, так и в России. Уже в XV в., в 1436 г. в Новгороде и в 1476 г. в Пскове, часы строились для равных часов (отдельно дневных и ночных) (20, с. 12–17). Ряд других данных (26, с. 41–52) также говорит о том, что XV век — время, когда в России в ходу был «косой» час, и его использование тогда в

астролого-календарном тексте в качестве практического счета времени выглядит естественным.

Палеография знаков небесных светил в рассматриваемом документе (в схеме 5 они для удобства заменены современными начертаниями) соответствует той графике, которая сложилась к концу XV в., более всего (за исключением знака Марса) она совпадает с серией знаков из «Сборника» конца XV в. (ГБЛ. Троицк, собр. Ф.204. № 177. Л. 255 – об. 256), воспроизведенных А. В. Чернецовым (33, с. 4–5). На основе изложенного, вероятнее всего, рассматриваемый астрологический документ появился на Руси в XV в.

XV в. в истории западноевропейской астрологии характерен процесс размежевания «естественнонаучной», или «натуральной», астрологии от «народной». «Естественнонаучная» астрология концентрировалась в университетах. Так, будущие дипломированные медики должны были опираться на астрологию в практической деятельности. Астрология была сферой «обкатки» философских концепций, в которых идея свободы выбора в сочетании с представлением о космической предопределенности приводила к уподоблению человека богу. По мнению итальянского ученого Э. Гарэна, астрология и магия выступали средством гуманистического возвышения человека до уровня бога, что способствовало замещению средневекового стиля мышления — возрожденческим. В эпоху Возрождения проходили оживленные дискуссии «вокруг проблем истинной и ложной магии, истинной и ложной астрологии, истинной и ложной алхимии, чувствуется, что здесь пролегает путь, который обеспечит человеку власть над природой. И именно это желание подключиться к тому, с чем боролась вся средневековая теология, показывает еще раз — пусть в этом и нет необходимости — глубину возрожденческого перелома» (7, с. 334 и др.).

Аналогичный процесс размежевания между «народной» и «натуральной» астрологией наметился в XV в. на Руси. Он проявлялся в своеобразной антиподности рассмотренного астрологического «вечного» календаря по отношению к произведениям «народной» астрологии. Дело даже не в том, что в его основе лежит достаточно сложная календарно-вычислительная традиция, не присущая упрощенным произведениям «народной» астрологии, а в принципиально ином подходе к знанию. Данные о злых и добрых днях в народных текстах не вооружают человека методом их получения. Сегодняшние сведения о магнитных бурях того же порядка. Широкие читательские круги, для которых они предназначены, из этих сообщений (в газетах, по радио и пр.) не могут

научиться, как рассчитывать соответствующие даты. Этому и нельзя научиться «книжно», необходимо располагать сложными приборами, которые «улавливают» соответствующие процессы на Солнце. Древнерусский табличный документ вооружает расчетным методом определения злых и добрых дней (ночей) и часов — относительно любой даты юлианского календаря. С точки зрения «естественнонаучной» астрологии такое рассчитывание злых и добрых дней и часов на основе таблиц сопоставимо с современным получением дат магнитных бурь научными методами.

Как отмечалось, древнерусский астрологический «вечный» календарь содержит отличную от птолемеевской трактовку хронократоров. Произведенное выше сравнение «оценок» светил у Птолемея и Бируни с одной стороны и в древнерусском календарно-астрологическом тексте — с другой обнаружило значительные расхождения между ними (см. табл. 3). Из семи случаев совпадают лишь два: Марс — «злой», Венера — «добрая», остальные расцениваются по-другому, и, что удивительно, — Сатурн как «добрый». Ясно, что указанные в древнерусской рукописи отличные от птолемеевских характеристики качеств светил не могут быть результатом описок, тем более что в других таблицах рукописи никаких описок нет. Как говорилось выше, аналогичная трактовка качеств хронократоров лежит в основе статьи «Часы на семь дней». Поэтому речь может идти о существовании самостоятельной древнерусской редакции учения о хронократорах в XV в. Анализируя доклад Ю. М. Лотмана «Семиотика и кризисные состояния культуры», В. В. Иванов и Ю. А. Шрейдер отметили его мысль, что наука Возрождения, обладавшая чертами магии, «рассматривалась как особое умение „посвященных“ проникать вглубь вещей, а не как механизм постижения простых истин, в принципе доступных каждому. Фауст, покоривший стихию, — вот тип ренессансного ученого, заставляющего природу делать то, что она не хочет» (9, с. 129). В свете характеристики Ю. М. Лотмана автор рассматриваемого древнерусского документа поступил как ренессансный ученый русского Предвозрождения. Он взял за основу планетарную магию, аналогичную отраженной в статье «Часы на семь дней», и разработал для нее «вечный» календарь, т. е. заставил научный способ счета времени делать то, что не обусловлено его предназначением для отображения объективных законов природы, — заставил его «работать» на астрологию. Такой «вечный» календарь — это не механизм постижения простых истин, доступных каждому, чем отличалась «народная» астрология.

Это, по существу, проникновение в глубину таблично-календарных структур, показывающее дополнительные возможности лежащего в их основе научного метода.

Комплекс таблиц, являющийся астрологическим «вечным» календарем для определения хронократоров дневных и отдельно ночных часов любой даты юлианского летоисчисления, мог появиться в результате творческой календарно-математической работы. Вместе с тем ничто не противоречило в нем расчетно-календарной традиции, существовавшей на Руси с XII–XIII вв. Новым было использование идеи хронократоров, каковая «уводила» поиски источника за русские пределы. Теперь можно заключить, что астрологический «вечный» календарь в списке конца XV – нач. XVI в. использует оригинальную шкалу качеств хронократоров, близкую к воплощенной в статье «Часы на семь дней» сер. XV в. Вместе оба памятника — статья о часах и астрологический «вечный» календарь — свидетельствуют о том, что на Руси в XV в. произошел своеобразный «всплеск» творческой мысли в области календарно-расчетной деятельности, обусловленный интересом к астрологии.

До сих пор появление интереса на Руси к вычислительной астрологии связывалось с деятельностью еретиков — «жидовствующих» в конце XV – начале XVI вв. Сохранились астролого-астрономические таблицы — «Шестокрыл», — по которым, как считается, представители новгородско-московской ереси — «жидовствующие» — вычисляли время наступления солнечных затмений, что тогда входило в прерогативу астрологии, а церковью осуждалось, т. к. подрывало ее установку на затмения как непредсказуемые знамения божьей кары. В историографии высоко оценивается уровень расчетных методов «жидовствующих». Так, известный советский историк науки Т. И. Райнов писал, что и «в XVII в. мы не найдем ничего ровного математическим методам „жидовствующих“ ни в астрономии, ни в какой бы то ни было другой области естествознания» (21, с. 278).

В свете изложенных новых данных необходимо пересмотреть вопрос о начале вычислительной астрологии на Руси. Ее элементы появились до распространения ереси «жидовствующих», были связаны с исконным у славян интересом к благоприятным и неблагоприятным периодам жизнедеятельности (более узко — злым и добрым дням и часам) и опирались на научную базу «вечного» юлианского календаря, основывающегося на таблицах солнечных эпакт и солнечных регуляров.

Занятия вычислительной астрологией «жидовствующих» заслуживают более подробного освещения. Об использовании ими «Шестокрыла» говорится в посланиях новгородского архиепископа Геннадия (ум. 1505 г.) епископу Прохору Сарскому (1487 г.) и архиепископу Иоасафу Ростовскому (1489 г.). Целью Геннадия было убедить церковных иерархов решительно и беспощадно расправиться с еретиками. Касаясь знаний «жидовствующих», он осуждал не их занятия астрономией, а применение этих знаний в целях предсказаний. Ближайшим соратником Геннадия по борьбе с новгородско-московской ересью был известный церковный деятель и публицист Иосиф Волоцкий (ум. 1515 г.). В его произведениях еретики обвиняются в том, что «звездозаконию бо прилежаху и многым баснотворением и астролога и чародейству и чернокнижию», что «они звездам смотрят рождение и житие человека». Иосиф называет в качестве родоначальника брожений некоего Схарию (19, с. 49–52). По-видимому, это историческое лицо «евреинян» Захария Скара, с которым в 80-х гг. XV в. состоял в переписке великий князь Московский и всея Руси Иван III, предлагая перейти к нему на службу. Причина приглашения связывается с тем, что Иван III «был склонен к астрологии», «не желал, очевидно, лишать себя самой возможности прибегать к астрологии» (5, с. 34).

Церковным Собором 1490 г. новгородские еретики были осуждены и отлучены от церкви, однако «жидовствующие» в Москве продолжали свою деятельность.

Иван III до 1502–1503 гг. оказывал им явное покровительство — особенно московскому еретическому кружку посольского дьяка Ф. В. Курицина. Геннадий Новгородский, Иосиф Волоцкий последнего обвиняли в занятиях астрологией (29, с. 41, прим. 2). По мнению Б. А. Воронцова-Вельяминова, Ф. В. Курицин убедил Ивана III «в отсутствии ереси и доказывал, что все дело только в астрономических занятиях». Влияние Курицина на великого князя сохранялось во всяком случае до 1499–1500 гг. В 1504 г. церковный собор осудил новгородских и московских еретиков, отправив наиболее видных из них на костер. Они были всенародно сожжены в клетках через два месяца после смерти Ивана III (5, с. 34).

О содержании астрологических занятий «жидовствующих» можно судить по крайне тенденциозным сочинениям противников ереси и ограниченному числу источников, принадлежащих еретикам или им приписываемым. К таковым относится упомянутый «Шестокрыл». Это произведение позволяет сделать до-

вольно обоснованное заключение о характере вычислительной астрологии «жидовствующих». Отрывки из текста «Шестокрыла» по сборнику XVI в. Холмского братства опубликованы (29, с. 413–417). Время появления памятника в еврейской письменной традиции относят к 1365 г. В русском переводе сохранены еврейские названия знаков зодиака. Содержание шести глав (крыл) календарно-расчетное с таблицами. Руководствуясь ими, можно было предвычислять определенные фазы Луны и наступление затмений. «Шестокрыл» не имеет гадательно-толковательных статей, его содержание чисто вычислительное.

Между русской магической вычислительной астрологией XV в. и традицией «Шестокрыла» существует определенная методическая общность. В обоих случаях вычисления базируются на использовании таблиц. Из них следует, что как астрологический «вечный» календарь, так и «Шестокрыл» имеют общей целью предвычисления. «Вечный» календарь предназначен для определения хронократора конкретного часа (дневного или ночного) любой наперед заданной даты (день, месяц, год) в юлианском летоисчислении. «Шестокрыл» ориентирован на установление предстоящего астрономического события (например, новолуния, полнолуния, затмений Луны, Солнца) в еврейском летоисчислении (22, с. 74). Были они едины и в способе получения искомого результата. С помощью астрологического «вечного» календаря итог достигался путем арифметических действий с данными, полученными из таблиц, о чем подробно говорилось выше. Подобная же методика предусматривалась при использовании «Шестокрыла», о чем свидетельствуют даваемые в нем разъяснения. Так, для расчета наступления новолуний и полнолуний надо было выписать из таблицы первого «крыла» числовые значения «против того месяца, што ты ищешь», а для получения итога подвести черту и сложить их («протягни под теми чертку, да избери их») (22, с. 68).

Исследователям казался удивительным факт использования и распространения на Руси в XV в. произведений типа «Шестокрыла». Историк астрономии Д. О. Святский писал об этом так: «Просматривая текст комментариев „Шестокрыла“ и его таблицы, с одной стороны, нельзя не удивляться тому, что у нас уже в XV в. возможен был факт обращения и широкого распространения подобных сочинений» (22, с. 68). Если же учесть, что до «жидовствующих» на Руси уже существовала традиция вычислительной астрологии, то удивляться будет нечему. Методика расчетов, при-

менявшаяся в «Шестокрыле», не была в новинку русским вычислителям, а опиралась на календарную культуру, которая была достаточно развитой еще в XII в., представителем которой был Кирик Новгородец (24).

Правда, мнение Д. О. Святского оспаривалось советским историком науки В. К. Кузановым, который высказывал сомнения по поводу содержащегося в нем оптимизма: «Мы не имеем свидетельств подобной популярности „Шестокрыла“ в последующие времена, а историки неоднократно отмечали, что математический аппарат „Шестокрыла“ был превзойден лишь в XVII в., хотя и не отрицали возможность знакомства с ним отдельных лиц» (14, с. 80). В свете новых данных вопрос о соответствии содержания «Шестокрыла» астрономо-астрологическому уровню знаний на Руси XV в. допускает дополнительное толкование. Следует различать методическую и теоретическую сторону вопроса. По-видимому, в методическом отношении расчетный уровень «Шестокрыла» не представлял особых трудностей для древнерусских вычислителей, поэтому был им доступен. В теоретическом отношении это произведение было шагом вперед по сравнению с русской магической вычислительной астрологией XV в. «Шестокрыл» характеризует уровень «научной» астрологии, каким он стал в XIV–XV вв. в Западной Европе и какового русская астрология достигла во 2-й половине XVII в., о чем речь пойдет далее.

По времени русская вычислительная астрология почти совпадает с деятельностью «жидовствующих». Так, сборник Ефросина № 22/1099 (1), в котором содержится статья «Часы на семь дни», датируется периодом 1450–1470 гг., а появление предполагаемого родоначальника ереси Захария Скары в Новгороде относится к 1471 г. Хронологическая близость наводит на мысль о возможности определенной роли ереси «жидовствующих» в возникновении вычислительной астрологии на Руси в XV в. Известен один деятель, творчество которого связано с вычислительной астрологией, — Ефросин, переписавший статью «Часы на семь дни». Поэтому интересен вопрос, как оставленное им книжное наследие согласуется с новгородско-московской ересью. Таким вопросом задавался и Я. С. Лурье, а отвечал на него отрицательно: «Никаких черт „жидовства“ не обнаруживаем мы и в других текстах ефросиновских сборников» (17, с. 146).

По-видимому, в XV в. на Руси возникли два очага вычислительной астрологии. Один был связан с русской «народной» астрологией, с ее добрыми и злыми днями (часами) и вычислительной

календарной традицией, восходящей к XII в. (Кирик Новгородец). Второй обусловлен распространением ереси «жидовствующих» с элементами «научной» астрологии, включающей предвычисление астрономических явлений — определенных лунных фаз, солнечных и лунных затмений — по «Шестокрылу». Последователи новгородско-московской ереси, по характеристике академика Д. С. Лихачева, будучи носителями возрожденческих идей, «больше тянулись к светским знаниям, усиленно занимались астрологией и логикой» (16, с. 152). Очевидно, общим стимулом для обоих очагов вычислительной астрологии на Руси была, пользуясь формулой Д. С. Лихачева, «устремленность к Ренессансу, проявившаяся еще во второй половине XV в.» (16, с. 161).

Список литературы

1. Псалтырь с воследованием. Рукопись кон. XV – нач. XVI в. Отдел рукописей. РГБ, фонд 354. № 14.
2. Служебник. Рукопись XIV в. Отдел рукописей РНБ, шифр Ф.п. I. № 73.
3. Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965.
4. Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. VI. Ташкент, 1975.
5. Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России. М., 1956.
6. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
7. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения: Избр. работы. М., 1986.
8. Гурев Г. А. История одного заблуждения. Астрология перед судом науки. Л., 1970.
9. Иванов Вяч. Вс., Шрейдер Ю. А. Сознание и культура. Программа исследования и возможные подходы // Вестник Академии наук СССР, 1987. № 9.
10. Кирик Новгородец. Учение им же ведати человеку числа всех лет // Историко-математические исследования. Вып. VI. М., 1953.
11. Климишин И. А. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985.
12. Коган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980.
13. Кристанов Цв., Дуйчев Ив. Естествознание в средновековна България. София, 1954.
14. Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в XI–XVII вв. М., 1976.
15. Леманн [А.] Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. М., 1901.
16. Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989.

17. *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. Т. 17. Л., 1961.
18. *Медынцева И. А.* Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988.
19. *Мильков В. В.* Религиозно-философские проблемы в еретичестве конца XV – начала XVI вв. // Философская мысль на Руси в позднее средневековье. М., 1985.
20. *Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М.* Развитие хронометрии в России / Отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1977.
21. *Райнов Т. И.* Наука в России в XI–XVII вв. М.; Л., 1940.
22. *Святский Д. О.* Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. VIII. М., 1962.
23. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М., 1970.
24. *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980.
25. *Симонов Р. А.* Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтыри // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982.
26. *Симонов Р. А.* Древнерусский источник о применении «косого» (переменного) часа на Руси // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985.
27. *Симонов Р. А.* Российские придворные «математики» XVI–XVII веков // Вопросы истории, 1986. № 1.
28. *Симонов Р. А.* «Месячные числа» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
29. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.
30. *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969.
31. *Тихонравов Н. [С.]* Памятники отреченной русской литературы. Т. П. М., 1863.
32. *Турилов А. А.* О датировке и месте создания календарно-математических текстов — «семитысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
33. *Чернецов А. В.* Древнерусские знаки небесных светил // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 187. М., 1985.
34. *Bouche-Leclercq A.* L'astrologie grecque. Paris, 1899.

Глава 3

Астрология под покровом «математики» в XV–XVII вв.

В «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского — произведении второй половины IX — первой трети X вв. — встречается слово «математики» (множ. число от «математик») в смысле, отличном от современного. Оно употребляется в качестве названия людей, которые занимаются вопросами влияния планет на жизнь человека. Иоанн экзарх Болгарский считал это учение ложным: «О них же всех погонити и поведовати иже суть изволиле завоими математици, бляди (лжи. — Р. С.) тех и потрания, а не на успех суща учения» (5, л. 118 об.). Как упоминалось выше, древнейший список этого «Шестоднева» (сербской редакции) относится к 1263 г. и хранится в ГИМе. Русские переводы «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского известны от XV в., древнейший — 1414 г. — хранится в ГИМе. Следовательно, через перевод «Шестоднева» математики представляли перед русскими людьми XV в. в качестве астрологов, которые делали ложные выводы на базе наблюдения небесных объектов.

Ну, а как в действительности понимали цитируемый текст читатели XV в.? Все ли в нем было ясно? Можно сказать с уверенностью, неясно было в первую очередь само слово «математики». Об этом свидетельствует то, что даже переводчики или переписчики его не всегда правильно воспринимали как отдельное слово, так как разделяли точкой на две части: «мати. математици» (6, л. 112).

Вторым произведением, в котором русские встречались в XV в. с понятием «математика», было одно из посланий Псевдо-Дионисия Ареопагита. Точнее, это слово находилось в одном из комментариев византийского писателя XII в. Максима Исповедника к указанному посланию. Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита с комментариями Максима Исповедника были переведены на славянский язык в 1371 г. Их древнерусский извод возник в конце XIV — начале XV вв. В тексте, где встречается слово «математика», речь идет о «любопремудрствии» (философии). Поясняя, в чем заключается «эмпирическая философия», Максим Исповедник

приводит в качестве примера астрономию и математику («Посреде же зрительного, еже в присносущих и чювственных, еже есть звездозаконное и мафиматико»). Причем греческое *ἄστρονομικόν* переведено древнерусским термином «звездозаконное», а слово *μαθηματικόν* оставлено фактически без перевода, лишь произведена в нем замена греческих букв на соответствующие русские (4, л. 416).

Отсюда можно прийти к выводу, подтверждающему наблюдения, сделанные на основе «Шестоднева»: слово «математика» не совсем было понятно русским переводчикам и переписчикам сочинений Псевдо-Дионисия Ареопажита. Из текста, где встречается соответствующее понятие, нельзя установить, что такое «мафиматико». Однако ничто в нем и не противоречит тому астрологическому смыслу слова «матиматици», который вытекал из «Шестоднева». Таким образом, «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского и комментарий Максима Исповедника к посланию Псевдо-Дионисия Ареопажита показывают, что встречающиеся здесь слова «математик» (во множ. числе «матиматици») и «математика» (в форме среднего рода — «мафиматико») могли в XV в. пониматься в астрологическом смысле. Но только могли. А понимались ли так в действительности, об этом пока судить нельзя из-за отсутствия необходимых сведений. Имеющиеся же данные, свидетельствующие о затруднениях в переводе и письменной передаче соответствующих слов, говорят о том, что их смысл в XV в. русским людям, скорее всего, не был понятен.

В Западной Европе в это время словом «математик» называли врачей и советников-астрологов, которые подвизались при дворах феодалов различных рангов. В Московской Руси с деятельностью такого «математика» соприкоснулись в 1471 г. в связи с приездом в Новгород из Киева князя Михаила Олельковича. В его свите находился в качестве «придворного астролога» упомянутый выше (во 2-й главе) Захария Скара, считающийся родоначальником новгородско-московской ереси «жидовствующих». Иосиф Волоцкий говорил о нем: «Сей бяше диаволов сосуд и изучен всякому злодейскому изобретению, чародейству же и чернокужию, звездозаконию же и со астрологии живый во граде, нарицаемом Киев». Князь Михаил пробыл в Новгороде четыре месяца, затем через некоторое время отправился в Крым; Скара, по-видимому, уехал вместе с ним. К 1487–1488 гг. относится переписка Ивана III, как сообщает Д. О. Святский, «с Таманским князем евреиняном Захарией Скаррой (Гуйгурейсом), просившим

разрешения переселиться в Москву. Е. Е. Голубинский и другие думали, что это и есть тот самый Схария, который был в Киеве, а затем в Новгороде» (66, с. 75). Захария Скара писал великому князю Московскому: «Аще осподарствие твое восхощет прияти единого слугу, аки мне, есмь хотящъ и готов токмо слышанья ради великих доброт и хвалу, юже имеши ино всей земли». На что Иван III отвечал: «А как будешь у нас, ож даст бог, наше жалованье к себе увидишь. А похочешь нам служити, и мы тебя жаловати хотим, а не похочешь у нас быти, а восхочешь опять в свою землю поехать, и мы тебя отпустим добровольно, не удержав». Из приведенных слов нельзя заключить, что должно было входить в обязанности Захарии Скары. По мнению Д. О. Святского, «речь шла о службе придворного врача и астролога, к которым так были падки московские цари» (66, с. 75). Иван III трижды приглашал Захария Скару. Все меры к этому принял русский посол в Крыму Д. В. Шеин. Специальный охранный отряд из татар ждал Захария Скару до мая 1491 г. Отряд снаряжался, по-видимому, в связи с сетованием ученого еврея в одном из писем Ивану III «о неудаче первой своей поездки из Кафы вследствие нападения в пути Волошского воеводы Степана», который мучил его «только что не до конца» и «ограбил начисто». Несмотря на выделение отряда Захария Скара, «ссылаясь на обремененность семьею, в конце концов отказался» (66, с. 76–79).

По-видимому, в XV в. в русском языке еще не употреблялся термин «математические книги», хотя был известен объект, который так стал именоваться позже. Об этом свидетельствует послание архиепископа Геннадия Новгородского 1487 г. епископу Прохору Сарскому. Здесь говорится следующее о классическом квадривии: «...А христианстии учителя тому были велми горазди — Иоан Златауст, Василий Кессарийский, Григорий Богослов. А в Григориеве житии Акраганском писано: дондеже де арифметику и кгеометрию и музику и астрономию всю до конца извыче» (20, с. 311).

Белорусский первопечатник и просветитель Франциск Скорина (ок. 1490 — не позднее 1551) в предисловии к напечатанной им книге «Бивлия руска» (1517–1519) кратко характеризует предметы, составляющие классический тривий (грамматику, логику¹, риторику) и квадривий (музыку, арифметику, геометрию, астрономию), заключая: «А то суть седм наук вызволенных», т. е. сво-

¹ В составе тривия логика обычно именовалась «диалектикой».

бодных. Совокупность предметов квадривия он не именует отдельным словом, а для дисциплин тривия указывает общее название: «А то суть три науки словесные» (69, с. 62–63). Следовательно, по библии Франциска Скорины восточно-славянской читатель начала XVI в. не мог узнать, существовало ли наименование для обозначения всех частей квадривия, какое появилось в русском языке позже в форме «математические книги».

Большое значение в распространении в России слов «математик», «математика», «математические книги» имеет творчество видного русского публициста и ученого Максима Грека (ок. 1470–1555). Просвещенный грек Михаил Триволис, принявший при пострижении в монахи имя Максим, выехал с Афона в Россию в 1516 г., где стал заниматься переводом церковных книг и написанием оригинальных сочинений по вопросам богословия, философии, грамматики и пр. Дважды он подвергался осуждению (1525 и 1531 гг.) и заключению на длительный срок в монастырях по обвинению в ереси и якобы в порче богослужебных книг.

Корреспондентами Максима Грека были политические и общественные деятели России первой половины XVI в. Его произведения общим числом свыше 150 сыграли заметную роль в истории русской общественно-политической мысли. Неоднократно Максим Грек выступал против астрологии. В одном из посланий известному политическому деятелю Ф. И. Карпову, датированном 1523–1524 гг. (68, с. 8), Максим Грек подробно разрабатывает вопрос о содержании указанных выше трех понятий.

Первый раз Максим Грек говорит о математике, объясняя Ф. И. Карпову, что первые цари в древности не нуждались в советах астрологов, иначе бы они законодательно не запрещали изучение математики («Законом заповедоше тииже не учити яве мафематикию» (39, с. 360; 40, с. 215)). Трактовка математики в астрологическом, а не современном смысле подтверждается тем, что здесь она противопоставляется геометрии. Поясняя упомянутый закон, Максим Грек пишет: «Царский закон говорит об этом такими словами: геометрия открыто пусть преподается, а математика осуждается как вещь запрещенная» («Глаголет бо сие речми закон царский: геометрия убо учима яве бывает, а мафематика осуждается яко возбранена» (39, с. 360; 40, с. 215)).

Очевидно, Максим Грек ведет речь о кодексе законов византийского императора Юстиниана (ок. 482 или 483–565), в котором запрещалось «совещаться с гадателем или математиком». Под «математиком» здесь разумелся астролог, пользовавшийся вычис-

лениями, и гадатель на числах. В кодексе Юстиниана отличаются от вышеназванных настоящие в нашем понимании математики, именуемые «геометрами» (81, с. 62–63).

Вторично Максим Грек разъясняет Ф. И. Карпову, чем занимаются представители математики, ссылаясь на авторитет византийского писателя XIV в. Матфея Властаря: «Последователи математики суть те, которые мудрствуют, что небесные тела имеют владычество над всею тварию, и что от их движения зависят наши дела; астрологи же суть те, которые при содействии бесовском, посредством звезд угадывают и верят им, как богам» (39, с. 360–361; 40, с. 215). Далее Максим Грек патетически спрашивает: «Поняли ли Вы из сих немногих слов, какому беззаконию научаются те, которые следуют математике?» («Егда уразумели есте малыми сими, каковому беззаконию научаются, иже мафиматикии прилежит?» (39, с. 361; 40, с. 215)). По изложенной Максимом Греком византийской церковной концепции, математики говорят о наличии связи между небесными телами и жизнью на Земле, утверждают, что от звезд зависят дела людей. Астрологи — те, кто занимается прогнозированием событий по обожествляемым ими звездам, опираясь на демонические, магические (бесовские) действия, что вызывало особенное недовольство церковников.

Еще раз касается Максим Грек математической тематики, рассуждая о «математических книгах»: «Относительно же мафиматикийских книг — сколько их и каковы они — об этом говорит тот же Матфей так: так называемых мафиматикийских книг — четыре: арифмитикия, мусикия, геометрия и астрономия. Не книги эти правилом запрещено читать, а то, чтобы пользоваться ими превратно и веровать, что наши обстоятельства зависят от движения небесных тел, и пытаться узнать что-либо будущее, как имеющее непременно совершиться по причине такого-то и такого движения звезд» (39, с. 362–363; 40, с. 216). Из этих слов можно заключить, что перечисленные четыре «мафиматикийския книги» читать не запрещалось, а возбранялось пользоваться ими в астрологических целях.

Последний раз говорит Максим Грек о математике следующее: «...И установлен благочестивыми царями закон, по которому воспрещено было преподавать народу часть математики, называемую астрологией, в которой излагается учение о гаданиях при рождении, как воспрещенную святыми отцами» (40, с. 218). Из сказанного можно заключить, что, по Максиму Греку, первона-

чально математика имела вид некоего общего учения (знания), в состав которого входила астрология.

Суждения Максима Грека о математике отражают историческое развитие астрологии и отношение к ней общественной мысли, включая идеологию православия. Первоначально в составе математики — некоем всеобщем знании — астрология развивалась в виде концепции, в которой влиянием космических объектов объяснялось все происходящее и могущее совершиться в жизни человека. Средством познания этого влияния выступала магия как совокупность актов, подчиняющих управляющую звездами демоническую силу избранным лицам (жрецам, магам, волшебникам, чародеям, волхвам, кудесникам, чернокнижникам, ведунам и пр.).

Однако в «математике» этого, так сказать, донаучного периода развивались и позитивные знания. К числу таковых принадлежала геометрия. Необходимость ее отделения от астрологии создалась уже первыми византийскими царями, как замечает Максим, запрещавшими поэтому математику, но позволявшими изучать геометрию.

В XV–XVI вв. математика как всеобщее знание, включающее в себя астрологию, стала другой за счет развития арифметики, геометрии, и особенно астрономии. Астролог указанного времени — это широкообразованный ученый, владеющий всем комплексом точных знаний, входящих в курс тогдашнего университетского образования, умеющий производить трудоемкие вычисления и точные астрономические наблюдения. «Математика», по мнению А. Паннекука, значила тогда то же, что «астрология» (47, с. 1–13). В качестве астрологов, внесших большой вклад в развитие точных наук, можно назвать таких видных ученых, как Джероламо Кардано (1501–1576), Тихо Браге (1546–1601), Иоганн Кеплер (1571–1630) и др.

Астрологию, какой она тогда стала, условно можно назвать «натуральной», «естественнонаучной». В лоне «естественнонаучной» астрологии интенсивно стала развиваться ястроматематика, т. е. медицинская или врачебная астрология. Дипломированный врач был в той или иной степени ястроматематиком, что нашло отражение в бытовавшем тогда афоризме: «Если анатомия — правое око медицины, то астрология — ее левое око» (16, с. 23). В силу исторических изменений в астрологии понятие математики приобрело новое значение, как бы эквивалентное содержанию «естественнонаучной» астрологии.

И. М. Рабинович, полемизируя с А. Паннекуком, писал: «Но, может быть, „математик“ значило в те времена то же, что „астролог“? Такого мнения, например, придерживается историк астрономии А. Паннекук... Изменение назначения астрологии привело, возможно, к различению „астрологов“ и „математиков“. Последние занимались астрологией в той мере, в какой это требовалось для медицинской практики...» (60, с. 226). Указанное различие в толковании термина «математика» теряет остроту, если учесть, что А. Паннекук говорил фактически о «естественнонаучной» астрологии (не применяя этого термина), проявлением которой была ястроматематика. Поэтому из отождествления «естественнонаучной» астрологии с «математикой» как логическое следствие вытекает близость терминов «ястроматематика» и «математика».

У Максима Грека представлено двойственное отношение к слову «математика». Это и название некоей всеобщей научной дисциплины, возникшей в древности и включавшей в себя астрологию; и наименование части астрологической деятельности, существующей параллельно с традиционной астрологией и отличающейся от нее изучением «всей твари» (природы и человека) на основе «математических книг». Судя по критике Максима Грека, существовал интерес к астрологии в придворных кругах, русские апологеты «естественнонаучной» астрологии (Николай Булев, Ф. И. Карпов и др.), по-видимому, выделяли в ней некое положительное содержание, связываемое с развитием естественнонаучного фундамента (арифметики, геометрии и астрономии). Максим Грек «мафиматикийские книги» противопоставляет как «математике» («естественнонаучной» астрологии), так и традиционной астрологии, считая, что оба направления в астрологии заслуживают порицания, особенно второе. Хотя критика Максимом дается с христианских позиций, она, как заметил А. А. Зимин, содержит «передовую для своего времени мысль о необходимости отличать астрономические знания от астрологических заблуждений» (25, с. 356).

В 1524 г., т. е. почти в то же самое время, когда Максим Грек готовил ответ Ф. И. Карпову, о математиках писал другой видный публицист — монах Псковского Елеазарова монастыря Филофей, знаменитый тем, что в его произведениях наиболее четко и последовательно изложена теория «Москва — третий Рим». О математиках Филофей говорит в послании «К некоему вельможе, в мире живущему», где сурово осуждается «мудрование астрологов, и астрономов, и участвых мармении, и мафиматов». «Мафиматы»

стоят после непонятного теперь сочетания слов — «участые мариинии», которое было истолковано В. Малининым как гадание на основе астрологии об участии, судьбе, счастье (из греческого $\eta \epsilon \iota \mu \alpha \rho \mu \epsilon \nu \eta$ — рок, судьба). «Мафиматы», по В. Малинину, — это астрологи (41, с. 249). Аналогично толковал это слово историк астрономии Д. О. Святский: «Под „мафиматами“ также разумелась астрология» (65, с. 51).

Послание, в котором Филофей ругал «мафиматов», было направлено в первую очередь против Николая Булева (25, с. 340). Николай Булев (сер. XV в. — 1548 г.) приехал в Россию к концу XV в., позднее стал придворным врачом великого князя Василия III — отца Ивана Грозного (24, с. 78–96). Николай Булев известен также как астролог, против которого выступали с обличениями Филофей, Максим Грек и др. В литературе работы Николая Булева как врача и его астрологическая деятельность обычно рассматриваются независимо друг от друга. По-видимому, это не совсем верно, если учесть, что в Западной Европе, где получил университетское образование Николай Булев, медицина, как упоминалось выше, составляла с астрологией единство — медицинскую или врачебную астрологию, которая имела специальное название «ятроматематика».

Взгляды Николая Булева подвергались критике со стороны церковников как сами по себе, так и по причине их распространения среди придворных Василия III (не исключая самого великого князя). Например, интерес к идеям Николая Булева проявлял упомянутый выше Ф. И. Карпов. В послании Максима Грека (1523–1524 гг.), где он высказывается о математиках, есть глухое свидетельство о том, что в несохранившемся письме Ф. И. Карпова, на которое Максим отвечал, речь шла о ятроматематике. Это следует из замечания, что он не преследует цели отвести Ф. И. Карпова «от врачества», а хочет предостеречь от представлений, согласно которым надо уповать не на бога, а на звезды (39, с. 371–372). Возможно, здесь Максим Грек осуждает методы врачевания по положению небесных тел, т. е. ятроматематику.

В 1513 и 1518 гг. в Венеции был издан астрологический «Новый альманах» И. Штофлера и Я. Плауме, в котором делалось предсказание всемирного катаклизма 1524 г. По мнению А. Л. Гольдберга, Николай Булев «разослал перевод этого предсказания различным лицам, в том числе Мисюрю-Мунехину (видному деятелю администрации Василия III. — Р. С.), переславшему его „Философии речи“ Филофею» (18, с. 70). Филофей ответил Мисюрю-

Мунехину «Посланием на звездочетцев» (до 1524 г.), в котором отвергал «кошуну и басни латинов» о влиянии звезд на людские судьбы. По-видимому, свое сочинение он направлял и другим людям, о чем свидетельствует заголовок — «Послание Филофея к Ивану Киндеевичу о злых днях и часах». В большем числе сохранились списки с укороченным названием «Послание о злых днях и часах». Поскольку текст с таким названием полностью повторяет содержание «Послания на звездочетцев», то можно заключить, что Филофей осознавал астрологическую природу злых (и добрых) дней и часов. Конкретно он говорил о них в следующем контексте: «А о седми планитах. и о двенадесет зодях. и о прочих звездах. и о злых часех. и о рождении члчтем в которую звезду. или час зол, или добр и получаа счастьем. и богатству и нищете. и в рождении добродетелем. и злобам и долголетству жития, и сокращения смртию. сия вся кошуну сут, и басни» («О семи планетах. и о двенадцати зодиях. и о прочих звездах. и о злых часах. и о рождении человеческого — в которую звезду [здесь это светило-хронократор, отсюда:] час добрый или злой, и [как следствие] получая счастье и/или богатство и/или нищету и/или обретая добродетель и/или злобу и долголетие жизни и/или ее укорочение смертью — все это суть кошунство и басни») (41, с. 39, Приложения).

Филофей злые часы рассматривает наряду с объектами астрологии: семью «планитами», 12 знаками зодиака и «прочими звездами». Далее он говорит о рождении человека «в которую звезду или час зол, или добр». Здесь под звездой угадывается светило-хронократор, характеризующее судьбу родившегося человека по принципу добро-зло: быть ли ему счастливым и добродетельным или злым, жить ли в богатстве или нищете, быть ли долгоживущим или скоро умрущим. Все это Филофей считает ложью. Он заявляет, что люди, «верующе в злыя дни и часы», «с еретики осужены будут». При этом он приводит довольно тонкий аргумент: «Аще бо злыя дни и часы сътворил бог, по что грешных мучити ему. Бог имать винен быти, яко зла члка народил» (41, с. 40). Историки церкви неоднократно отмечали этот момент. К. Голоскевич комментировал его так: «Если бы действительно злые дни и часы сотворил Бог, продолжает Филофей, то за что стал бы Он мучить грешных? Бог сам был бы несправедлив, если бы сотворил человека злым, а потом наказывал бы его за то» (19, с. 19). Аналогичную оценку давал В. Малинин: «Филофей также проводит мысль, что допущение добрых и злых дней и влияние их на жизнь

людей неизбежно ведет к признанию человека неменяемым и к признанию Бога несправедливым, когда он мучит грешников» (41, с. 306).

Филофей злые и добрые часы в качестве астрологического показателя соотносит только с рождением человека. С другими явлениями или ситуациями (например, моментом отъезда, началом похода, временем заключения торговой сделки и пр.) он их не связывает. Из этого можно заключить, что в русском обществе 20-х гг. XVI в. из различных «выходов» астрологии в жизнь наибольшую популярность имели хронократорные трактовки добрых и злых дней и часов, причем преимущественно для установления судьбы новорожденного. Это не случайно. У славян издавна существовала вера в добрые и злые дни, а также в судьбу, предсказываемую своего рода феями — роженицами. Однако оба поверья существовали, очевидно, независимо от астрологии. Их соединение с нею произошло, по-видимому, под воздействием идей «естественнонаучной» астрологии и появлением в XV в. астрологического «вечного» календаря для определения хронократоров, о чем говорилось во 2-й главе.

Сказанное подтверждается подготовительными материалами к «Домострою», не вошедшими в текст при его окончательном редактировании, которые приписывают священнику Благовещенского Кремлевского собора Сильвестру (ум. до 1577 г.). Когда бы ни были написаны отдельные части «Домостроя», в конечном счете он восходит к середине XVI в. (11, с. 323-333). В материале, не вошедшем в текст «Домостроя», осуждаются люди, которые «веруют и в родословии: рекше — в рожаницы, и в обаяния, по звездословию...» Д. П. Голохвостов, воспроизведший этот фрагмент, считал его восходящим к 61-му правилу Шестого Вселенского собора (17, с. 43). В этом правиле сходное место таково: подвергаются шестилетней епитимии те, кто «соединяя обман с безумием, произносят гадания о щастии, о судьбе, о родословии и множество других подобных толков». Толкование 61-го правила в Славянской кормчей содержит дополнение: «И иже в получай веруют и в родословие; рекше в рожаницы, и во обаяния» (57, с. 180, 185). «Рожаниц» нет в греческом тексте 61-го правила. Рожаницы, появляющиеся в Славянской кормчей, не связаны со звездословием, т. е. астрологией. Слияние веры в рожаниц с астрологией, по мнению анонимного автора середины прошлого века, произошло «уже в XVI веке» (44, с. 254). Подготовительный материал «Домостроя» отражает факт такого слияния, каковое

могло действительно произойти во 2-й половине XV - 1-й половине XVI в.

Как упоминалось выше, составной частью «естественнонаучной» астрологии была ятроматематика. В чем конкретно она заключалась, русский читатель мог узнать из астрологического календаря «Алманака», перевод которого ок. 1524 г. с немецкого языка приписывался Николаю Булеву. В «Алманак» наряду с общеастрологическими приводились сведения по астрологической медицине. Так, здесь сообщалось о расположении звезд и планет, наиболее благоприятных для кровопусканий (астрологическая хирургия), приема лекарств (астрологическая фармакология), пищи и осуществления других действий в быту и семейной жизни (астрологическая гигиена). Указывалось, какими частями тела «ведает» те или иные зодиакальные созвездия (астрологическая анатомия). Например, созвездие Близнецов «держит мышки и руки», Весов — «пуп и вся нижняя брюхо, чрево до срамного уда и гузно» (61, с. SO).

Поэтому не исключено, что Филофей в 1524 г. отождествлял «мафиматов» не с астрологами вообще, а с ятроматематиками, т. е. врачами-астрологами, одним из которых как раз и был Николай Булев. Ему относят кроме «Алманака» перевод в 1534 г. «Травника». Н.А.Богоявленский высказал мнение, что при его переводе Н. Булеву помогал митрополит Даниил (9, с. 46-47; 59, с. 10). В «Травнике» наряду с данными о лечебных свойствах растений приводятся ятроматематические сведения: о зодиакальных созвездиях, о расположении небесных тел, благоприятном для кровопусканий, и пр. (26, с. 35-36).

Не исключено, что в России первой половины XVI в. кроме Н. Булева были другие профессиональные ятроматематики. Так, сохранились смутные сведения о царском враче Феофиле (Готлибе), которому дореволюционные историки отдавали предпочтение как автору перевода «Травника» (1534), а не Н. Булеву (14, с. 33; 41, с. 263).

Новая роль астрологии отразилась в творчестве дворянского публициста и писателя-гуманиста XVI в. И. С. Пересветова, выходца из Западной (Литовской) Руси. Есть данные, что он служил у венгерского и польского королей, у молдавского господаря Петра IV Рареша, затем приехал в Москву. В своих произведениях и челобитных, поданных Ивану FV в конце 40-х гг. XVI в., Пересветов, в частности, проводит мысль, что в зарубежных странах делали предсказание судьбы русского царя «мудрые философы греческие

И дохтуры латинские». Молдавский господарь, кстати свойственник русского царя, также в этом участвовал: «Сам воевода Петр ученый философ и дохтур мудрый был, и ему служили мудрые люди и мудрые философы и дохтуры». Господарь Петр якобы предсказал русскому царю: «Быти тебе государю великому, и покорит бог недуги твои тебе, государю, и божию помошию дочиися в книгах, что обладати государю многими царьствы». Осуществлялось прорицание по «знамению небесному» и «мудрым книгам» «видоцеям» (23, с.402, прим. 491). Советский историк И.И.Полосин полагал, что это слово, а также его разновидности «войдоцея», «ойдоцея», «ввидоца» значат «астрономическая книга» и происходят от латинского «аддицио» — первое действие арифметики, сложение (55, с. 36).

Из такого объяснения непонятно, как могли «философы и дохтуры» делать предсказания по астрономической книге. Например, современный астрономический учебник для этого непригоден. Предсказания можно делать, пользуясь астрологическим текстом или произведением сложного состава, включающим арифметику (давшую название всей книги), астрономию и астрологию. Такие произведения сложного состава известны. Одно из них в русской редакции XVII в. хранится в Отделе рукописей РГБ и называется «Старинная арифметика, астрономия и астрология» (3). По-видимому, «видоцея» — нечто подобное.

В произведениях Пересветова отражена его идеология, в которой гуманистические представления сочетаются с верой в предсказания на основе астрологии. По-видимому, он знал или слышал о составлении в Молдавии, Венгрии или Польше гороскопа Ивана Грозного. И. И. Полосин не сомневался в этом: «Челобитная... отчетливо различает гороскоп, астрологические предсказания» (55, с. 36). Более того, он считал, что для передачи понятия «гороскоп» русские употребляли слово «прирожение», которое широко представлено у Пересветова: «Термин „прирожение" — любимый термин „Сказания" и „Челобитной"» (55, с. 51). Эта догадка И. И. Полосина не подтверждается другими источниками, поэтому кажется сомнительной.

Также И. И. Полосин был убежден, что «у Грозного был свой гороскоп» (55, с. 39), о чем более подробно говорил следующее: «Гороскоп Грозного, а он, конечно, был у Грозного на руках, предсказывал ему его политический путь, путь мудрого государя — воинника. Конечно, гороскоп был благоприятен для Грозного» (55, с. 51). Однако никаких конкретных аргументов в пользу суще-

ствования у Ивана Грозного его гороскопа И. И. Полосин не привел. Его ссылка на то, что «Курбский упрекал Грозного в занятиях астрологией» (55, с. 42) в данном случае несостоятельна. Занятие астрологией не обязательно связано с составлением гороскопа. Сейчас многие интересуются астрологией, но далеко не все располагают настоящим гороскопом со своей натальной картой. Более того, в подлинных словах кн. А. М. Курбского речь идет не о гороскопе. «Чаровников и волхвов от залечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях...» (73, с. 156), — сообщал беглый вельможа царя. «Счастливые дни», очевидно, понятие, характеризующее дни, наиболее благоприятные для жизнедеятельности человека. Как известно из предыдущего изложения, этот аспект астрологии издавна на Руси пользовался популярностью независимо от идеи о гороскопе, закрепившись в русской «народной» астрологии понятиями о добрых (и злых) днях.

Несмотря на то, что И. И. Полосину не удалось обосновать свое предположение, оно сохраняет актуальность. Иван IV, если и не имел в наличии гороскопа, мог знать о его содержании. Однако И. И. Полосин заблуждается в несомненной благоприятности гороскопа Грозного. Даже в апологетическом его изложении Пересветовым имеется отрицательное для царя предречение («укорочение воинству твоему мудрому»). Надо полагать, что соседних государей интересовали не только положительные показания гороскопа русского правителя, но и отрицательные. А если о последних был наслышан Пересветов, то мог знать и Грозный. В таком случае у Ивана IV могла появиться настороженность к этому дворянину, который, как знающий отрицательные характеристики гороскопа, становился опасным в глазах мнительного государя. Не этим ли можно объяснить предполагаемое Я. С. Лурье репрессирование И. С. Пересветова в середине XVI в. (37, с. 81), т. е. вскоре после подачи его послания царю?

Исследователи прошли мимо вопроса о неупотреблении Пересветовым слов «астрология» и «математика», хотя он впервые на Руси ясно говорит в доброжелательном ключе о предсказании судьбы на основании астрологии, причем не кого-нибудь, а самого царствующего монарха. Объяснение может быть таким. После выступления Филофея, и особенно Максима Грека, против астрологов и «мафиматов» эти слова попали в разряд опасных для использования и как бы вышли из употребления. Примерно в то время, когда писал свои сочинения Пересветов, слов «астрология» и «математика» избегал и царь, и составители церковно-государ-

ственных постановлений. Об этом свидетельствуют вопросы Ивана IV церковным иерархам, легшие в основу «Стоглава» 1551 г., где при перечислении запретных знаний и книг встречаются такие слова: «острономии, зодеи, алманах, звездочетьи» (75, с. 188-189). Интересно, как Пересветов вышел из этой терминологической трудности. Он заменил неудобные слова названиями людей, осуществлявших соответствующую деятельность. У него постоянно встречаются парные наименования типа «философы и дохтуры» для обозначения прорицателей, в чем угадываются «астрологи и математики». В правильности такого толкования убеждает более пространное выражение «греческие философы и дохтуры латинские». Здесь традиционной астрологии, разрабатывавшейся древнегреческими мудрецами, соответствуют «греческие философы». Новейшей математике, которую культивировали западноевропейские университеты, где языком науки была латынь, а основными «потребителями» астрологических знаний являлись врачи, — соответствуют «дохтуры латинские». Чтобы «выжить», такая терминология, относящаяся по существу к запретным знаниям, должна была иметь определенную влияние в русских официальных кругах. Такая база в отношении термина «греческие мудрецы» обуславливалась положительной ролью греческих корней в русской церковной культуре и книжности. Положительное отношение к «дохтурам латинским» определялось высоким статусом дипломированных врачей-иностранцев в придворной иерархии Московского двора.

Творчество И. С. Пересветова позволяет точнее понять судьбу астрологического термина «математика». Употребляющееся слово «мафиматы» (Филофей) соответствовало названию придворных астрологов, институт которых был устойчивым с начала XVI в. Негативное отношение к этому термину видных церковных публицистов первой половины XVI в., особенно Максима Грека, сузило сферу его применения до преимущественно переводных произведений. Использование «запятнанного» в глазах официальных лиц (хотя и более адекватного) именованья «мафиматы» вело к снижению репутации придворных астрологов. За ними устанавливалось название «врач», что соответствовало части предмета их деятельности (врачеванию), но не содержанию применявшихся в этом случае методов ятроматематики (врачебной астрологии). Неполностью изучен вопрос о том, чем занимались придворные врачи. В этом отношении повезло Николаю Булеву, проявившему себя астрологом, врачом, публицистом и ученым. Относительно

многих других царских «математиков» можно сказать, что анализировалась их врачебная работа, и не всегда в связи с астрологией. По-видимому, сказывалось психологическое воздействие термина «врач». В случае их именования астрологами или «математиками» направление историографии могло быть другим. Поэтому при изучении астрологической деятельности придворных врачей современный историк наталкивается на заметные трудности.

От периода правления Ивана Грозного имеются сведения о двух «математиках» (кроме Николая Булева), которые служили при его дворе. Что входило в их обязанности, чем они занимались, какой след оставили в памяти народа?

В «Лексиконе» Христиана Иохера (1750 г.) говорится об Арнольде Лензее, что он был «математик и лейб-медик Московитского царя... написал „Введение в элементы геометрии Евклида“ (83,2364). Ссылаясь на русские и иностранные источники, В. Рихтер отмечает, что „он пользовался отменным благоволением царя“» (63, с. 285-286). По Н. М. Карамзину, Арнольд Лензей нашел свой конец в Московском пожаре 1571 г., возникшем в результате нападения войска крымского хана Девлет-Гирея (28, т. 9, с. 178-179).

Н. М. Карамзин также приводит следующий эпизод. Как-то во время трапезы царь Иван IV, обидевшись на шутку князя Осипа Гвоздева, вылил на него блюдо горячей как кипятки еды и ударил ножом, отчего тот вскоре скончался (28, т. 9, с. 162). Засвидетельствовав смерть, Арнольд Лензей якобы сказал Грозному: «Царь и великий князь, будь лишь ты здоров, а тот уже перешел от жизни к смерти; бог и ты, великий государь, могли умертвить его, я же воскресить его не в силах» (15, с. 38-39). Шведский дипломат и историк Петр Петрей, при Борисе Годунове впервые посетивший Россию, этот случай описывает несколько иначе. Вместо конкретного придворного — постельника О. Гвоздева — у него фигурирует «дурак» некий, а вместо Арнольда — «лекари». Однако сам текст заявления Грозному воспроизводится достаточно близко к указанному (51, с. 152-153). По-видимому, он представлялся современникам примечательным, поэтому и сохранился в их памяти, выпав из конкретной событийной канвы.

Прямые данные об астрологических или ятроматематических занятиях А. Лензея отсутствуют, поэтому представляет немаловажную ценность и приведенное свидетельство о его логико-риторических умениях, которые были необходимы средневековому астрологу. Такой вывод соответствует тому положению, которое занимали так называемые «математики» при дворах властителей

XVI в. различных рангов. В то время люди, именуемые математиками, использовались в качестве советников-астрологов, к помощи которых феодалы нередко прибегали, прежде чем принять ответственное решение (48, с. 201). Очевидно, таким советником-астрологом и ятроматематиком был и Арнольд Лензей.

За год до его смерти в Москве появился новый «математик», известный под именем Елисея Бомелия. Это — яркая фигура средневекового авантюриста, так сказать, европейского масштаба. Он оставил заметный след в воспоминаниях современников. Е. Бомелий был выходцем из Вестфалии. Учился медицине в Кембридже. Его широкая и в известной мере скандальная известность в лондонских кругах как астролога и мага вызвала беспокойство церкви. По обвинению в богохульстве он был арестован. Е. Бомелию грозила высылка из Англии. О нем узнал русский посол Андрей Савин, который, договорившись с английскими властями, привез Е. Бомелия в Москву в 1570 г.

Многое говорит о том, что Е. Бомелий заинтересовал русские верха как «математик» в понимании своего времени, т. е. как врач и советник-астролог, каковые функции он, по-видимому, в основном выполнял при царе. Так, по мнению Р. Г. Скрынникова, Е. Бомелий «подвизался при дворе Ивана Грозного в роли придворного медика и политического советника» (70, с. 18). Английский торговый деятель и дипломат Джером Горсей, живший в России в 1572-1591 гг., характеризует Е. Бомелия как «лживого колдуна, получившего звание доктора медицины в Англии, искусного математика, мага и т. д.» (67, с. 100). Кончил Е. Бомелий трагически, будучи обвиненным в попытке бегства из России и участии в заговоре против царя. От последствий жестокой пытки он скончался в темнице в 1575 г. (70, с. 18-21) или в 1579 г. (63, с. 288). Повествуя о гибели Е. Бомелия, Дж. Горсей писал: «Он жил в большой милости у царя и в пышности. Искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр было радо его падению, т. к. он знал о них слишком много» (67, с. 106).

В недавно созданном писателем Ю. М. Кларовым литературном варианте о Елисее Бомелии важная роль отводится волшебным часам, с помощью которых якобы производились прорицания (29, с. 96-151). Ю. М. Кларов использовал часы в качестве художественного символа, аллегорического средства усиления воздействия на читателя. Волшебные часы как атрибут колдовства, очевидно, являются плодом фантазии Ю. М. Кларова. Однако документы

действительно содержат сведения о деятельности Бомелия, связанной с часами. Из них следует, что он умерщвлял людей с помощью яда по приказанию Ивана Грозного, причем несчастные «числом около ста» умерли точно в тот час, который указывал царь. Как это происходило, рассказали лифляндские дворяне Иоган Таубе и Элерт Крузе, попавшие в русский плен и поступившие затем на службу к Ивану IV. Грозный давал Бомелию «письменное приказание, как долго и сколько часов яд должен был иметь свое действие, для одних $1/2$ часа, для других 1, 2, 3, 4 часа днем и ночью и так дальше, как вздумается его тиранскому сердцу» (56, с. 54). При этом Бомелий, конечно, пользовался часами, только не волшебными, а обычными. По ним он мог рассчитывать длительность действия ядов, которые давал своим жертвам. Видимо, Бомелий очень хорошо знал свойства ядовитых веществ, в особенности их, так сказать, временные параметры.

Однако с одним мнением трудно согласиться. В летописи Бомелию приписывается ответственность за злодеяния Ивана Грозного, что якобы по его наущению царь совершал свои чудовищные репрессии против народа и приближенных (15, с. 27-28; 58, с. 262). Е. Бомелий, очевидно, не хотел и не мог препятствовать зловещим замыслам царя. Скорее всего, последний в лице Е. Бомелия нашел удобное орудие для обоснования, а может быть, и осуществления своих жестоких акций. «Математик», изучив обстановку при дворе, характер Ивана IV, его интересы, «предсказывал» то, что царь желал от него услышать.

Р. Г. Скрынников полагает, что Е. Бомелий «впервые познакомил с астрологией» Ивана IV (70, с. 19). Такое утверждение нельзя признать бесспорным по ряду причин. До Е. Бомелия на службе у Грозного находились по крайней мере еще два астролога — Николай Булев и Арнольд Лензей, от которых царь мог получить соответствующую информацию. По-видимому, А. Лензей принадлежал к представителям «естественнонаучной» астрологии, сформировавшейся в связи с развитием точных наук. Косвенно это подтверждается его капитальными знаниями в области геометрии. Е. Бомелий же занимался магией, поэтому не случайно его астрологическая концепция связана с магией чисел. Об этом свидетельствует содержание написанного в Англии труда Е. Бомелия «Полезная астрология», в котором «он доказывает, что через каждые пятьсот лет в каком-нибудь государстве происходят великие перемены» (13, с. 98). Грозный недурно разбирался в якобы магических свойствах драгоценных камней. Дж. Горсей ярко живопи-

сует содержание своеобразной лекции царя, сделанной им незадолго до смерти для приближенных на указанную тему с показом некоторых опытов (67, с. 112). Известны другие «ученые маги» кроме Е. Бомелия, которые были бы в близком окружении царя достаточно долгое время. Поэтому скорее всего Е. Бомелий профессионально познакомил Ивана Грозного именно с магией, а не с астрологией, о которой тот уже мог быть наслышан, например, от Булева или Лензея. Однако это не значит, что Е. Бомелий не участвовал в «астрологическом просвещении» Грозного, — в этом Р. Г. Скрынников прав. Более того, можно представить, что оно шло в направлении «народной» астрологии. Это согласуется с данными Дж. Горсея о проведении по указанию Грозного астрологических действий в 1584 г., в результате которых был предсказан день его смерти. Царь приказал доставить с севера «кудесников и колдуний», которых в числе 60 содержали в Москве под стражей. Оружничий Богдан Вельский ежедневно докладывал Грозному «их ворожбу и предсказания». Царь «был занят теперь лишь оборотами солнца. Чародейки оповестили его (Б. Вельского. — Р. С), что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день». Грозный на это заявил, что «в этот день все они будут сожжены». В обусловленный день Иван Васильевич почувствовал себя лучше, «желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца, тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живыми за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии как никогда. [Колдуны ответили:] „Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится только тогда, когда сядет солнце"» (67, с. 111-113). В тот же день Грозный скончался. По исследованиям В. И. Корецкого, скорее всего, он умер не естественной смертью, а был отравлен и задушен своими приближенными (34, с. 93-103).

Судя по изложенным Дж. Горсеем событиям, в составе 60 кудесников-астрологов женщины, по-видимому, составляли немалую часть, о чем свидетельствуют выражения «чародейки оповестили», «послал к колдуньям». Зная о зависимом положении женщины в то время, можно не сомневаться, что колдуньи и чародейки были неграмотными или малограмотными. Место, где проживали 60 кудесников — север, а точнее пространство между Холмогорами и Лапландией, — ничего общего не имеет с центрами европейского просвещения. Поэтому ни о какой «естественнонаучной» астрологии, требующей подготовки на университет-

ском уровне, здесь не может быть и речи. Кудесники, собранные Иваном Васильевичем, очевидно, были представителями «народной» астрологии, соединявшей в себе черты античной «магической» астрологии и верований в таинственные силы, восходящих к язычеству и каким-то древним культам.

Если не считать суждений, достаточно предположительных, о занятии астрологией (точнее — интереса к ней) Кирилла Белозерского и Ефросина в XV в., то до XVI в. отсутствуют известия о русских астрологах-профессионалах. Недавно советскими учеными А. А. Туриловым и А. В. Чернецовым было открыто новое лицо в истории русской научной мысли — Иван Рыков, псковский писатель 2-й половины XVI в. В 1579 г. он покинул Псков в свите Ивана Грозного, написал календарное сочинение по поручению «российского царства царева книгчия». Ранее он составил для земляков во многом компилятивную, но крупнейшую в древнерусской письменности гадательную астрологическую книгу по геомантике «Рафли» (78, с. 260-344). Кроме того, Иваном Рыковым, возможно, написано произведение по врачебной астрологии (руководство по кровопусканию). В отличие от многих подобных анонимных текстов, этот — авторский, его составитель назван «многогрешным Иваном». Сам текст близок интересам Рыкова, содержит ссылки на астролого-астрономические источники, известные в России: «Шестокрыл», «Лунник». В предисловии автор разъясняет, что «не от себя написах», а от «еллинских и латинских доктор», «якоже римстии и еллинстии астролози знаменуют», однако — их «исправля» (77, с. 88-97). Что случилось с Рыковым, почему больше не упоминалось его имя после отъезда в Москву, нетрудно предугадать, хотя источники об этом молчат. Узнав о его «Рафлях», с ним могли поступить в соответствии с установлением «Стоглава», в котором говорится, что те, кто гадают по этой книге, будут в «великой опале» от царя и в «конечном отлучении» от церкви.

Занятия Ивана Рыкова астрологией и мантикой находились в едином контексте с положительными знаниями «математических книг»: арифметики, геометрии и астрономии. Поэтому творчество Ивана Рыкова, как и других ему подобных древнерусских ученых, для блюстителей церковной и государственной установки на борьбу с отреченными книгами могло служить основанием для вывода, что с целью искоренения ереси сокровенных знаний необходимо бороться с их базой — математическими книгами, распространив и на них церковную и царскую «опалу». Возможно, это подтверждают «Азбуковники», где впервые осуждаются

«мафиматикийские книги», тогда как прежде, судя по цитируемому выше посланию архиеп. Геннадия (1487 г.), они одобрялись (не будучи объединены общим названием). «Азбуковники» — древнерусские «словари-сокровищницы», своеобразные произведения, возникшие во 2-й половине XVI в., но продолжавшие развиваться на протяжении всего XVII в. Все типы «Азбуковников», составленные в XVI в., по всей вероятности, делались при направляющем участии высшей церковной власти (33, с. 10-20). «Азбуковники» создавались под воздействием суждений Максима Грека (31, с. 329). Так, в них отразилось его предостережение относительно четырех «мафиматикийских книг»: арифметики, музыки, геометрии и астрономии. Однако авторы «Азбуковников» «усилили» мысль Максима о том, что не сами книги вредны, а их применение в астрологии, отождествив «мафиматикийские книги» с астрологией и характеризуя их поэтому как заведомо вредные. В «Азбуковниках» четыре «мафиматикийских книги» назывались черными, т.е. колдовскими. Они характеризовались как отреченные, т.е. запрещаемые церковью («вся сия четыре книги предреченны прокляты суть святыми отцы и отречены»). В более поздних «Азбуковниках» содержание «мафиматикийских книг» определяется как астрологическое: «В них же пишет, яко планитным движениям вся яз на земли строится», а математика — как астрология: «Математикию наричется зодии и планеты, и всяк веруай звездочетию и планитам и всякому чернокнижию проклят есть святыми отцы» (32, с. 48-49).

В этих источниках усилена вплоть до искажения истины обличительная направленность против математических книг. Например, как указывал В. Малинин, в составе «мафиматикийских книг» вместо геометрии в отдельных списках «Азбуковников» необоснованно значится астрологическая «мармения». Здесь также неверно отнесены к отреченным все четыре «мафиматикийские книги»; в действительности в списки отреченных книг входили только две — геометрия и астрономия (41, с. 252-254).

Представленное в «Азбуковниках» отрицательное отношение к «мафиматикийским книгам» является шагом назад по сравнению с взглядами Максима Грека, который отличал полезность содержащихся в них знаний от астрологических заблуждений. В «Азбуковниках» нет и намека на разделение архаичной астрологии от новой европейской астрологии естественнонаучного характера («математики»). Здесь «математика» — это просто астрология в ее любых проявлениях. Такое искаженное представление

О «математике», вероятно, сложилось под влиянием тех деятелей этой профессии, в первую очередь Е. Бомелия, которые при дворе Ивана Грозного выступали подручными в жестоких царских расправах. Ошибочному пониманию того, что такое математика, способствовало и оживление «народной» астрологии в конце жизни Ивана IV и роковая роль предсказателей его смерти.

От периода правления царя Федора Ивановича и Бориса Годунова сохранились сведения о попытке приглашения зарубежного «математика» приехать в Россию. По данным Н. М. Карамзина, Борис Годунов «всячески убеждал славного английского математика Ди приехать в Москву» (27, с. 313).

Документально это подтверждается письмом, переданным Джону Ди посетившим Москву ок. 1586 г. английским купцом Эдвардом Гарландом. В этом послании сформулировано предложение Джону Ди работать в России в качестве советника при царе. В письме объясняется, почему выбор пал именно на Дж.Ди: «Давно уже наслышались они много о Вашей мудрости и учености, а также о Вашем умении подавать советы государям. А потому и передаю Вам сильное пожелание Его величества и вместе просьбу взять на себя труд пожаловать в город Москву, ко двору Его величества, так как он очень желает с Вами познакомиться и имеет нужду воспользоваться Вашими советами в некоторых делах» (7, с. 233). Несмотря на огромное ежегодное жалование, которое ему посулили (2000 фунтов стерлингов от царя и 1000 руб. от «попечителя земли Русской» Бориса Годунова, не считая бесплатного продовольствия от царской кухни), Дж. Ди отказался от предлагаемой должности. Н. М. Карамзин писал, что Джон Ди как бы угадал с помощью астрологии неблагоприятную для себя ситуацию, которая должна была возникнуть в России в ближайшие годы (28, т. 10, с. 238). Но, возможно, была и другая причина: астролог опасался, что его примут за алхимика, т. е. «не за того», и заставят заниматься «не тем», не видя разницы между «математиками» и представителями магии. Так, Фр.Аделунг писал со ссылкой на Н.М.Карамзина, что «известность алхимиста... возвышала в глазах людей невежественных славу математика. Но Ди, который только в воображении имел страсть к мнимому золоту философского камня, отблагодарил царя, и в гордом сознании своего достоинства отклонил предложение...» (7, с. 232-233; 28, т. 10, с. 238).

Интересные сведения об отношении к волхвам и предсказаниям содержат русские повести начала XVII в. Приводящиеся в

НИХ данные, по-видимому, могут пролить некоторый свет и на то, какое отражение в сознании русских людей получила деятельность профессиональных «математиков» XVI - нач. XVII вв., подвизавшихся в качестве врачей и советников-астрологов при русских царях. Так, фабула «Повести некоего боголюбивого мужа» сводится к развенчанию безымянного волхва, первоначально имевшего пагубное влияние на анонимного царя, который с божьей помощью «прозрел» и жестоко расправился с прорицателем (52, с. 246-249). Первоначально исследователи отождествляли волхва с Е. Бомелием, царя — с Иваном Грозным, а создание повести относили ко времени его правления. Впоследствии появились другие точки зрения, например, что волхв — это русский политический деятель и писатель Сильвестр (ум. до 1577 г.) и пр. Достаточно обоснованными являются выводы Р.П. Дмитриевой, сделанные на основе обобщенного анализа источников, что повесть написана в начале XVII в., а не во время Ивана Грозного (21, с. 278-283).

Ф. И. Буслаев обратил внимание на то, что в «Повести» слова «врачевати», «врачевание» употребляются не в медицинском, а в магическом смысле: «ворожить, колдовать, ворожба, колдовство». Это он объяснял тем, что слово «врач» значило «и лекарь и колдун», т. е. по-народному знахарь, под именем которого разумеют и то, и другое (12, стлб. 882). В целом правильная догадка Ф. И. Буслаева не находила полного подтверждения в славянской и древнерусской лексикографии. Это первоначальное значение слова «врач», которое примерно так же истолковывается и теперь (79, с. 361), сложившись в старославянском, имело положительный оттенок, затем оно приобрело преимущественное значение «лекарь» и в русский язык перешло уже в таком качестве (35, с. 38-39; 38, с. 153). Тем интереснее, что из всех восточнославянских языков только в русском засвидетельствовано употребление слова «врач» в негативном значении — «лжец», «обманщик» (35, с. 38). Именно в таком негативном, а не позитивном смысле употребляются слова типа «врачевание» в «Повести». Значит, одной ссылки на старинное понимание слова «врач», как это сделал Ф. И. Буслаев, недостаточно, чтобы разобраться, почему в отрицательном и немедицинском значении оно используется в «Повести». Нет этому объяснения и в современной историографии. Советские исследователи, давая перевод или переложение на русский язык «Повести некоего боголюбивого мужа», истолковывают в нем слова типа «врачевание» в магическом и прогностическом

значении (ворожба, предсказание, чарование), не останавливаясь на причинах этого (10, с. 218-221; 64, с. 159-161).

Так чем же объяснить, что медицинский термин типа «врачевание» применяется в «Повести» в магическом и прогностическом значении с отрицательной окраской? Объяснение может быть такое. При условии достаточной близости медицинской и прогностической деятельности наименование одной из них могло распространиться на другую. Именно такую ситуацию создавало существование ятроматематики, соединявшей в себе медицину и астрологию. Поэтому употребление слов типа «врачевание» в смысле «ворожба», «предсказание» можно обусловить распространением в начале XVII в. неточного, враждебного отношения к «математике» (врачебной астрологии), ее смешиванием с астрологической прогностикой и магией.

В таком свете «Повесть» выступает важным источником, проясняющим причину применения только в древнерусском языке слова «врач» и в негативном значении «лжец», «обманщик». Это слово было синонимом не привившегося на русской почве термина «мафимат» как обозначения придворных врачей, казавшихся неправыми прорицателями или бывших в действительности кровавыми подручными царя, как Елисей Бомелий.

В другой повести начала XVII в. — «Плаче о пленении и конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства» — осуждаются монархи, принявшие «богоненавистные бесовские козни, волшбу и чарование» (46, стлб. 224).

В повести «Иное сказание», сложившейся между 1620 и 1641 гг. (72, с. 77) упоминаются и астрологи, которые «в большое чаяние и радость вводя его (Бориса Годунова. — Р. С), сказующе ему, яко родился в ту звезду царскую и будешь царь великой Росии» (46, стлб. 10). Смысл сказанного, по-видимому, надо видеть в том, что Борис Годунов появился на свет во время некоего необычного небесного явления: вспышки сверхновой звезды, появления кометы, схождения планет и пр. Проверить это не представляется возможным, т. к. неизвестен точно даже год его рождения (ок. 1551-1552). Встречающиеся в «Ином сказании» выражения типа: «Яко не звездным движением се, но промыслом вседержителя бога каждого нас житие строится», «звездословцы же истлеют и анафема да будут» (46, стлб. 11) говорят о том, что в глазах русских людей 1-й половины XVII в. астролог — это примерно то же, что колдун, от которого ничего хорошего ждать нельзя.

О том, что казалось неприемлемым в астрономии и астрологии русским церковным кругам в первой трети XVII в., говорит диспут, проходивший по поручению патриарха Филарета в феврале 1627 г. между украинско-белорусским просветителем и церковным писателем Лаврентием Зизанием и московскими церковниками — игуменом Ильей и справщиком духовных книг Гришкой в присутствии боярина кн. И. Б. Черкасского и думного дьяка Ф. Лихачева. Этот ученый разговор описан одним из участников, Гришкой-справщиком, и запечатлен на книжной миниатюре XVII в. (54, с. 213-214). Протоирей Лаврентий Зизаний написал катехизис, который представил на просмотр Филарету. Последний усмотрел, что книга содержит отступление от православия, о чем поручил поговорить своим доверенным людям с Зизанием. При этом «говорить велено любовным обычаем и со смирением нрава». Илья и Гришка высказали, в частности, такое замечание: «У тебя в книге написано о кругах небесных, о планетах, о зодиях, о затмении Солнца, о громах и молнии, о тресновении, шибании и перуне, о кометах и прочих звездах: но эти статьи взяты из книги астрологии, а эта книга астрология взята от волхвов еллинских и от идолослужителей, а потому к нашему православию не сходна». Зизаний возражал, что изложенная им информация не является «чисто» астрологической: «Я не написал колеса счастья и рождения человеческого, не говорил, что звезды управляют нашей жизнью; я написал только для знания, пусть человек знает, что все это тварь Божия». Оппоненты не согласились с этим доводом и отвечали, что раз знание взято из астрологии, то поэтому оно является ложным: «Да зачем писал для знания? Зачем из книги астрологии ложные речи и имена звездам выбирал, а иные речи от своего умысления прилагал и неправильно объяснял?» На вопрос Зизания, что именно он неправильно объяснил, ему сообщили: «А разве это правда: говоришь — облака, надувшись, сходятся и ударяются, и от того бывает гром...» (54, с. 214). Русские церковные грамотеи, следовательно, не принимали элементов рациональной метеорологии, входившей в астрономию. По существу они выступали против попыток Зизания дать некоторые начатки астрономических знаний в церковной книге, казавшиеся московскому духовенству столь же опасными, как и астрология. Следовательно, речь должна идти не о бессознательной путанице ими астрологии с астрономией, а о сознательном отрицании астрономии как в части ее рациональных попыток объяснения явлений природы, так и в ее действительной связи с астрологией.

Диспут касался также круга богословских вопросов и закончился, в трактовке Гришки-справщика, признанием Зизанием своей полной неправоты. Что он не был в действительности удовлетворен результатами такого «научного» собеседования, не приходится сомневаться. Известно, что его катехизис не допустили к употреблению, который «может быть, был сожжен патриархом» (22, с. 373).

Выделение из астрономо-астрологического симбиоза астрономических знаний, предпринятое Лаврентием Зизанием, не встретило понимания у московских церковников. Синкретичность средневекового воззрения диктовала восприятие астрономо-астрологических представлений в единстве, что проявлялось в замещении слов «астрономия» и «астрология» друг другом. Так, астрологическое сочинение «Острология солнечному, лунному и звездному течению» (2, лист 13) известно и под названием «Астрономия солнечному...» (3, л. 38). В другой рукописи говорится: «Острологове в князе Острономии о 7 планидах пишут» (1, с. 158), то есть сочинение, называющееся «Острономия», написано астрологами. Кстати, так оно и есть по отношению к упомянутому выше произведению «Астрономия солнечному...», так как это астрологическое сочинение.

Отличить колдунов от астрологов по данным источников 1-й половины XVII в. практически невозможно. Об этом, например, свидетельствует грамота патриарха Филарета 1628 г. в Нижегородский Печерский монастырь. В грамоте речь идет о церковном дьячке Семейке Григорьеве, который держал у себя «тетрати гадальные именуются Рафли». «Рафли» — гадательно-астрологическая книга по геомантике. Однако Рафлями назывались и гадательные тексты с использованием игральной кости, с бросанием зерна и пр., не имевшие отношения к астрологии. Какие Рафли были у Семейки, из патриаршей грамоты установить нельзя. Властям было безразлично, колдун он или астролог, одинаково суровым было наказание и тем и другим. Монастырскому начальству, куда ссылался Семейка, патриарх «веле его сковати в ножные железа и быть в монастырских черных службах год, а как год отойдет и вы б о том отписали к нам к Москве... а причастия ему разве смертного часу до нашего указу давать не велели» (8,259, № 176).

Известно, что Адам Олеарий, которого герцог Голыптейнский Фридрих III сделал «своим математиком и антикварием и принял его в число своих советников» (36, с. XX), во время посещения России при Михаиле Федоровиче неоднократно получал пригла-

шения поступить на царскую службу. Но ему не понравилось, что русские считали его колдуном и говорили: «Вскоре вернется в Москву находившийся в составе голштинского посольства волшебник, умеющий по звездам предсказывать будущее». Так как русские «астрономию и астрологию считали за волшебную науку», то почувствовали, писал А. Олеарий, «ко мне отвращение, и я, узнав о нем, между прочим, по этой причине и воздержался принять предложение» (45, с. 179).

Представленное в «Азбуковниках» отрицательное отношение к математикам и астрологам показывает, что оно было значительным в России первой половины XVII в. и справедливо казалось иностранцам опасным для занятий прогностикой даже на царской службе. Кстати, название «математик», которым А. Олеарий именуется в советских изданиях (71, стлб. 527) сейчас читателями воспринимается в современном смысле, хотя применительно к первой половине XVII в. оно ближе всего к слову «астролог». Здесь, очевидно, имеет место смешение двух различных значений понятия «математик», исторически сменивших друг друга.

Еще с большим основанием это относится к Арнольду Лензею, Елисею Бомелию и Ди, которые в дореволюционной историографии именуются математиками без пояснений, что под этим словом в их время разумелись представители астрологии и ястроматематики.

В годы царствования Алексея Михайловича (1645-1676) отношение к астрологии стало меняться. В 1664 г. в Москве было переведено первое русское астрологическое сочинение, в названии которого в качестве ключевого употреблялось слово «математика»: «Книга, глаголемая математика, новопредложенная с эллинска, и латинска, влосска и польска языков на словенский в Москве в лето... 1664». Б. Е. Райков это произведение характеризовал так: «Название этого отдельного трактатца не соответствует его содержанию. Это не математическое, в узком смысле, сочинение, но та же самая астрология с предсказаниями» (61, с. 51-52). Из этих слов заключаем, что в советское время было забыто употребление на русской почве «математики» в астрологическом значении.

Перелом в отношении к астрологии, по-видимому, связан с полной отменой в 1667 г. постановлений «Стоглава» (1551 г.) («и той собор не в собор, и клятву не в клятву, и ни во что же вменяем, яко же и не бысть») (76, с. 426), среди которых были статьи против астрологии и астрономии, а также магии и др. Перелом в отношении к астрологии в стране отмечали иностранцы. Любо-

пытно мнение Якова Рейтенфельса о математиках в России в начале 70-х гг. XVII в. В это время он жил в Москве, приехав к своему дяде Иоганну Розенбургу, который был врачом царя Алексея Михайловича. Яков Рейтенфельс писал: «Не так давно еще они (т. е. русские. — *P. C.*) не имели ни малейшего понятия об астрологах и математиках... Теперь, впрочем, и те и другие не только терпимы, но даже по приказанию царя ежегодно составляют на московском наречии подробные календари с предсказаниями» (62, с. 159).

Из этих слов вытекает, что в последней трети XVII в. в России математики и астрологи занимались общим делом — составлением календарей типа астрологических альманахов. Я. Рейтенфельс ошибался, что раньше в России «не имели ни малейшего понятия об астрологах и математиках». Эти слова надо понимать так, что в его время наступил в отношении к астрологии заметный перелом, который отмечался и другими. Так, А. Покровский характеризует возросший интерес к астрологии в царствование Алексея Михайловича небывалым ранее масштабом распространения астрологических календарей-альманахов, которые появляются с 60-х гг. XVII в. в переводах с немецкого, а также польского. Чаще всего переводили немецкие календари Фохта — «короля свейского математика» (53, с. XVIII).

В 1672 г. известный писатель, дипломат и ученый Николай Спафарий (1636-1708) совместно с подьячим Петром Долговым написал «Книгу избранную вкратце о девятих мусах и седмих свободных художествах». В этом сочинении дается оригинальный перечень математических книг (художеств) : арифметика, мусика, геометрия и астрология. Причем, здесь не механически заменяется традиционная «астрономия» на «астрологию», а делается попытка создать своеобразный астрономо-астрологический симбиоз, в котором астрономия выступает в роли учения о движении звезд, а «астрология учит о совершенстве звезд и их пользе» (74, с. 45). Геометрия и арифметика образно сравниваются с математическими крыльями астрологов и, по-видимому, географов («землеописателей»): «Геометрия и арифметика суть два крыла мафиматическая, из них астрологи и землеописатели тайная истязуют» (74, с. 41).

У видного ученого и писателя Симеона Полоцкого (1629-1680) в произведении «Обед душевный», изданном в 1681 г., встречается термин «математика», употребляемый в смысле, близком к современному. Он писал: «Мафиматицы смирение писменем

омикрон или цифрой изображают, того ради, яко им же образом цифра в числе сама собою ничтоже есть, ничтоже знаменует, приложенная же письменам арифметическим, в десять крат число писмене умножает» (49, с. 181). Современный русский перевод: математики уничтожение буквой омикрон (греческое название буквы «О». — Р. С.) или нулем изображают, того ради, что нуль как цифра сам по себе есть ничто, ничто означает, приложенный же к цифрам, в десять раз увеличивает число.

Однако следует иметь в виду, что Симеон Полоцкий, именуя математиками людей, оперирующих с цифрами, этим же словом, следуя традиции, должен был называть и геометров, и физиков, и астрономов, и астрологов.

«Математик», по воспроизведенному выше свидетельству Я. Рейтенфельса, в понимании русских людей того времени — также лицо, принимающее участие в составлении или издании календарей-альманахов. Это подтверждают их названия. П. П. Пекарский приводит следующий заголовок астрологического календаря: «Математических хитростных тонкостей календарь на 1697 лето от Р. Х.... сочинен впервые от Павла Галкена, математического художника, учрежденного, письменного и сочинительного мастера града Букшегуда. А переведен с немецкого языка на славенский в государственном Посольском приказе переводчиком Петром Шафировым в нынешнем 205 (1697) году в ноябре месяце» (50, с. 287-288).

Важную роль в издании календарей сыграл известный государственный деятель, сподвижник Петра I, Я. В. Брюс (1670-1735). Благодаря ему с 1709 г. и на протяжении ряда лет стал печататься в России календарь-альманах с предсказаниями, подобные которому до этого известны в рукописях. Фактически исполнителем замысла Я. В. Брюса был В. Киприанов, но за получившим широкую популярность изданием закрепилось название «Брюсова календаря». Современники поэтому имели основание называть Я. В. Брюса «математиком» в астрологическом смысле. Это соответствует сведению, что была «известна репутация Брюса в России XVIII столетия, как чернокнижника и астролога» (50, с. 289).

В советских справочных изданиях Я. В. Брюс именуется «математиком» без каких-либо пояснений (30, с. 91). Можно подумать, что это наименование надо отождествлять со словом «астролог», как в случае с А. Олеарием. Но это будет не совсем верно, т. к. Я. В. Брюс проявил себя как математик и в современном смысле. Он является автором геометрического трактата «О пре-

вращении фигур плоских в иные такого же содержания», изданного в 1708 г. Ему принадлежит перевод на русский язык книги «Геометрия, словенски землемерие» (1708 г.), в повторное издание которой «Приемы циркуля и линейки...» (1709 г.) был включен указанный трактат в виде отдельной главы. Я. В. Брюс также является автором учебника «Геометрия практика» (82, с. 71-73).

Во второй половине XVII в. в России термин «математика» толковался шире термина «астрология». Это проявилось, в частности, в том, что астрология стала рассматриваться одной из «мафиматикийских книг», заняв место астрономии («Книга избранная вкратце...»). В XVII в. центр тяжести внутри широкого термина «математика» перемещался с его астрологической части в сторону арифметико-геометрической. Понятие «математика» приобрело два смысла: широкий (включающий астрологический аспект) и узкий — без учета астрологии. Так, Я. В. Брюс был «математиком» и в широком, и в узком смысле. С освобождением точных наук от астрологии термин «математика» стал восприниматься только в узком, т. е. современном смысле.

Спрашивается, когда в России было осознано, что термин «математика» исторически менял свое содержание и что понимание его в узком смысле связано с переносом названия «математика» с целого объекта всеобщего характера на свою часть? Такое осознание отражено в курсе арифметики и геометрии, прочитанном в Киево-Могилянской академии в 1707 и 1708 годах замечательным мыслителем, впоследствии главой «ученой дружины» Петра I - Феофаном Прокоповичем (1681-1736) (43, с. 19-21).

Здесь он сообщает, что слово «математика» в греческом и латинском языках первоначально имело смысл «наука», «знание». В дальнейшем название «математика» было перенесено на арифметику и геометрию, а также на родственные им науки. В качестве возможных причин такого переноса Феофан Прокопович указывает три: 1) следствие антономасии (вида метонимии, когда часть выступает вместо целого); 2) широкое распространение арифметики, геометрии и родственных им наук у древних народов; 3) то, что доказательства в этих науках наиболее ясны и точны по сравнению со всеми остальными. Феофан Прокопович различает в составе математических наук две части. Первая, исследующая абстрактное количество, охватывает арифметику и геометрию. Вторая, изучающая конкретное количество, — все остальные математические науки, причем арифметика и геометрия частично также рассматривают конкретное количество. Феофан

Прокопович указывает три варианта состава второй части математики, изучающей конкретное количество: 1) музыка, оптика, статика, география, астрономия; 2) музыка, оптика, астрономия; 3. астрономия, оптика, космография, гномоника или скиотерика (последние изучают способы астрономических измерений с помощью тени, отбрасываемой гномоном) (80, т. 3, с. 10-12; 83, с. 452-457).

Астрологию в состав математики Феофан Прокопович не включал, относился к ней скептически (80, т. 2, с. 179), хотя, как отмечает Я. А. Матвеев, приписал мистический смысл появления комет, которые, по его словам, «...предвещают неурожай и заразные болезни» (42, с. 17). Однако при этом Феофан Прокопович стремился дать естественнонаучное объяснение этим невзгодам как возникающим в результате нарушений влагообмена на земле из-за физического взаимодействия кометы с атмосферой (80, т. 2, с. 449).

В курсе лекций по физике, прочитанных Феофаном Прокоповичем в Киево-Могилянской академии в 1708-1709 гг., под математикой понимаются не только арифметика и геометрия, но и астрономия. Например, Коперник и астрономы, пропагандировавшие его гелиоцентрическую систему мира, именуются математиками (42, с. 9; 80, т. 2, с. 287-524).

Итак, в начале XVIII в. астрология в России перестала рассматриваться в качестве математической дисциплины (Феофан Прокопович, 1707-1708 гг., Киево-Могилянская академия). Наступил момент, когда стало уходить в небытие «математическое» именование астрологии в русском языке, и теперь оно забыто.

Библиографический список

Рукописи

1. Арифметика 1684 г. РНБ, Q. IX.50.
2. Острология солнечному, лунному и звездному течению. XVII-XVIII вв. гав, Q. XVII.17.
3. Старинная арифметика, астрономия и астрология, XVII в. РГБ, фонд 256. №12.
4. Творения Днионисия Ареопагита, кон. XIV(?) - нач. XV вв. (не позже 1406 г.) РГБ, ф. 173.1. № 144.
5. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, Отдел рукописей ГИМ, Снн. №345, 1263 г.
6. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского и книга «Небеса» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, рукопись третьей четверти XV в. РГБ, фонд 173.1. № 145.

Литература

7. Аделунг Фр. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений / Перевод с немецкого А. Клеваиова. Ч. I. М., 1864.
8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицею Академии наук. СПб., 1836. Т. 3.
9. Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI-XVII вв. Источники для изучения истории медицины. М.; Л., 1960.
10. Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947.
11. Буланин Д. М. Колесов В. В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.), часть 2. Л., 1989.
12. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.
- 12а. Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
13. Гомель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865.
14. Герман Ф. Л. Врачебный быт допетровской Руси (материалы для истории медицины в России). Вып. 1. Харьков, 1891.
15. Герман Ф. Л. Как лечились Московские цари (медико-исторический очерк). Киев, 1895.
16. Герман Ф. Л. Суеверие в медицине. Харьков, 1895.
17. Голохвостов Д. П. Домострой благовещенского попа Сильвестра // Временник Московского имп. Общества истории и древностей российских. М., 1849, кн. 1.
18. Гольдберг А. Л. Три «послания» Филофея // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ТОДРЛ). Т. 29. Л., 1974.
19. Голоскевич К. Астрология в России в XV-XVI вв. и послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «на звездочетцы и на латыни». Остров, 1897.
20. Грамота архиепископа Геннадия Новгородского владыце Прохору Сарьскому // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XV - начала XVI века. М.; Л., 1955.
21. Дмитриева Р. П. К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа» в литературном развитии XVI-XVII вв. // ТОДРЛ Т. 14. М.; Л., 1958.
22. Здр-в К. Зизаний, Лаврентий // Русский биографический словарь. Жабокритский-Зяловский. П., 1916.
23. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.
24. Зимин А. А. Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961.
25. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
26. Змеев Л. Ф. Русские врачевники. СПб., 1896.
27. Карамзин Н. М. Русская старина // Соч. Т. IX. М., 1814.

28. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 4-е. СПб., 1834. Т. 9, 10.
29. *Кларов Ю. М.* Ларец времени (Легенда о часах) // Поединок. Вып. 9. М., 1983.
30. Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982.
31. *Ковтун Л. С.* Планида — фортуна — šťastливое колесо (к истории русской идиоматики) // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969.
32. *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977.
33. *Ковтун Л. С.* Азбуковники // Словарь книжников и книжности древней 1^й си. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 1. Л., 1988.
34. *Корецкий В. И.* Смерть Грозного царя // Вопросы истории, 1979. № 9.
35. *Лвов А. С.* Из старославянската лексика // Български език, 1957. № 1.
36. *Ловягин А. М.* Введение // *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
37. *Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 2. Л., 1989.
38. *Лвов А. С.* Из наблюдений над лексикой старославянских памятников // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. IX. М., 1954.
39. *Максим Грек.* Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. Казань, 1860.
40. *Максим Грек.* Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 2. Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1910.
41. *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1910.
42. *Матвишин Я. А.* Гелиоцентрическая система мира Коперника в изложении Феофана Прокоповича // Динамические системы и вопросы устойчивости решений дифференциальных уравнений. Киев, 1973.
43. *Матвишин Я. А.* Феофан Прокопович // Киевские математики-педагоги. Киев, 1979.
44. О борьбе христианства с язычеством в России // Православный собеседник. Казань, 1865. Часть П.
45. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
46. Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XII, издание 2-е. СПб., 1909.
47. *Паннекук А.* Астрология и ее влияние на развитие астрономии // Мироведение, 1933. № 1.
48. *Паннекук А.* История астрономии. М., 1965.
49. *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
50. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.

51. *Петрей де Ерлезунд П.* История о великом княжестве Московском... / Перевод А. Н. Шемякина. М., 1867.
52. *Погодин М. П.* Повесть о волхованиях, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного // Москвитянин, 1844. № 1.
53. *Покровский А.* Календари в России. Приложение к кн.: Библиотека Московской Синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск пятый: Календари и святцы. М., 1911.
54. *Полевой Н.* История русской литературы в очерках и биографиях. Ч. 1: Древний период. Изд. 5-е. СПб., 1883.
55. *Полосин И. И.* О челобитных Пересветова // Ученые записки МШИ им. В. И. Ленина, кафедра истории СССР. Т. 35. Вып. 2. М., 1946.
56. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922.
57. Правила святых апостол с толкованиями. Изд. 4-е. М., 1912.
58. Псковские летописи, выпуск второй / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
59. *Пушкарёв Л. Н.* Введение // Редкие источники по истории России / Под ред. А. А. Новосельского и Л. Н. Пушкирева. Часть Г. Древнерусский лечебник. М., 1977.
60. *Рабинович И. М.* О ятроматематиках // Историко-математические исхождения. Вып. 19. М., 1974.
61. *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1937.
62. *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу тосканскому Козьме третьему о Московии. Падуа, 1680 г. / Перевод с лат. А. И. Станкевича. М., 1906.
63. *Рихтер В.* Из истории медицины в России. Ч. I. М., 1814.
64. *Сакулин П. Н.* Русская литература. Социально-синтетический обзор литературных стилей. Часть первая: Литературная старина. М., 1928.
65. *Святский Д. О.* Астролог Николай Любчагин и альманахи на Руси XVI века // Известия Научного института им. П. Ф. Лесгафта. Т. XV. Вып. 1-2. Л., 1929.
66. *Святский Д. О.* Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. 8. М., 1962.
67. *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI - начале XVII веков. (Разновременные свои источники и их хронология) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сборник трудов / Отв. ред. В. Б. Кобрин. М., 1974.
68. *Синицина Н. В.* Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI века. Автореф. канд. дисс. М., 1966.
69. *Скарына Франциск.* Прадмовы і пасляслоў Мінск, 1969.
70. *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории. Л., 1975.
71. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
72. *Солодкин Я. Г.* К истории создания «Иного сказания» // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 13. Л., 1982.

73. *Сочинения князя Курбского*, том первый // РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914.
74. *Спафарий Николай. Эстетические трактаты* / Подготовка текстов и вступительная статья О. А. Белобровой. Л., 1978.
75. *Стоглав: Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах*. М., 1890.
76. *Стоглав* // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 2. Л., 1989.
77. *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Новое имя в истории русской культуры // *Природа*, 1985. №9.
78. *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Отречения книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985.
79. *ФасмерМ.* *Этимологический словарь русского языка*, том. 1. М., 1964.
80. *Феофан Прокопович. Фшософсьи твори*. Т. 2,3. Киев, 1981.
81. *Шереметьевский Б. П.* *Очерки по истории математики* / Под ред. А. П. Юшкевича. М., 1940.
82. *Юшкевич А. П.* *История математики в России до 1917 года*. М., 1968.
83. *focher Ch.-G.* *Allgemeines Gelehrten-Lexicon*, Bd. 2. Leipzig, 1750.

Глава 4

Врачебная астрология в XVII в.

В комплексе медицинских дисциплин, существовавших в западноевропейской университетской науке XVI в. и объединенных словом «ятро» — ятрохимия (врачебная химия), ятрофизика (врачебная физика), яtromатематика (врачебная астрология), — первые две сыграли определенную роль в складывании химии и физики в науку современного облика. С третьей можно генетически связать космобиоритмику или уже — гелиобиологию (17, с. 123-138; 38; 47). Если перенестись в XVI в. и окунуться в мир науки того времени, то астрология предстанет кандидатом в точные науки, как мы их представляем теперь. Ученые, в отличие от современных, были далеки от недоверия к ней. Напротив, их усилиями астрология двигалась в том же направлении, что предшественники химии и физики, с тенденцией превратиться в естественнонаучную дисциплину. Об этом, в частности, свидетельствует публичная лекция знаменитого астронома Тихо Браге «О математических науках», прочитанная в 1574 г. в Копенгагенском университете, которая почти полностью была посвящена восторженной защите астрологии как математической дисциплины (16, с. 93; 34, с. 11).

Есть еще термин, близкий к яtromатематике, это — «ятрософия». По существу, ятрософией была «народная» яtromатематика, т. е. так называлось врачевание на основе «народной» астрологии. Университетская наука того времени считала ятрософию шарлатанством, делом, недостойным настоящего астролога. «Просвещенные» круги вели борьбу с ятрософами, клеймили их и порицали. М. А. Шангин указал на такого рода пример, встречающийся в одной феческой рукописи: «Среди научных астрологических текстов помещается эпиграмма против иатрософов (врачей-астрологов): они обвиняются в шарлатанстве и алчности к деньгам» (49, с. 317).

Об интересе к «научному» содержанию врачебной астрологии в России во второй половине XVII в. свидетельствует трактат «Наука мидическая от математики». Сейчас он известен в четырех списках 70-х гг. XVII - первой трети XVIII вв. (2; 3; 4; 6). В описании сборника (6), в состав которого входит один из списков трактата,

а также в большинстве исследований, рассматривавших древнерусские астрологические и медицинские рукописи, о нем не упоминается (7; 12; 15; 41; 45). Кажется, впервые академик В. Н. Перетц в 1901 г. воспроизвел название трактата и процитировал начальные слова по рукописи «Острология...», т. е. (4). Никакой оценки тексту или каких-либо характеристик он не дал (36, с. 31).

Описал трактат в 1907 г. Н. Н. Кононов: «Среди обширного собрания астрологических статей рукописи Рум. М. № 12 на лл. 165-167 находится „наука медическа от математики хотящим уврачевати болящего человека“. Под математикой, как известно, в старину, между прочим, иногда разумелась и астрология. Вот здесь и говорится, что доброму лекарю (медику, цырульнику) для искусного лечения следует ведать, под которою планетою и зодией родился больной. Это определит свойства болящего, время, когда следует собирать для него лекарственные травы, в какую фазу луны и чем его пользоваться и в какой части тела пускать кровь. Наконец обращение к звездам покажет и смерть больного, что освободит врача от поруганий, коим подвергаются лечащие, не справившись со светилами, выздоровит или умрет пациент. Далее идет обычный способ нахождения зодии или планеты человека: должно сложить власное (= własny) (личное. — *P. C.*) имя болящего и имя его матери, пользуясь „польским абсцахлом“, и затем вычитать известные числа. Из того же наставления есть выдержка в рукописи Уварова № 2072» (21, с. 52).

Из описания Н. Н. Кононовым трактата «Наука медическая от математики» можно заключить, что в него входит своеобразный способ определения светила («планиты») и знака зодиака («зодии»). Из слов, что это «обычный способ», можно сделать вывод о большой распространенности его изложения в астрологических текстах по сравнению с самим трактатом. Здесь же упоминается рукопись Уварова № 2072 как источник, в котором текст об определении «планиты» и «зодии» встречается.

Суть способа определения «планиты» такова: имя человека и его матери надо записать латиницей. Затем, руководствуясь приводящейся в текстах таблицей, выписать числа, соответствующие этим буквам. Сложить найденные числа, а сумму разделить на 7. «Планита» определяется по остатку от деления, соответственно: 1 — Солнце, 2 — Венера, 3 — Меркурий, 4 — Луна, 5 — Сатурн, 6 — Юпитер. Если сумма делилась на 7 без остатка, то «планитой» был Марс. В ряде рукописей в таблицах встречаются неточности, лишаящие изложенный способ расчетного смысла, т. к. для оди-

наковых букв даются различные числовые значения. В качестве делителя наряду с семеркой или кроме нее указывается девятка. «Научного» астрологического, а также реального смысла принцип числовой магии, лежащий в основе этого способа определения «планиты», связанный с придачей буквам числовых значений с последующими арифметическими операциями, не имел. Этот вывод распространяется и на способ определения «зодии» — знака зодиака, под которым родился человек.

Описанный способ определения «планиты» и «зодии» относится к области «народной» астрологии, свидетельствует о «демократизации» астрологических представлений. Первоначально астрология обслуживала различных властителей: императоров, царей, князей и пр. Для их нужд использовались часы различного устройства: водяные, солнечные, масляные; затем — механические. Властители и вельможи разных рангов имели в своем штате служителей, которые вели хронологию событий их личной жизни и политической истории, включая время рождения детей — продолжателей династии и наследников. Поэтому, имея точные данные о моменте своего рождения и рождения детей, этому слою не было необходимости прибегать к магическим способам установления «планиты» и «зодии». Простые люди, которые не знали точной даты своего рождения, оказывались перед ситуацией невозможности пользоваться услугами астрологии. Магические способы, подобные рассмотренному выше, способствовали распространению астрологии среди простых людей, существовали в русле «народной» астрологии.

Средневековые ученые в массе своей считали астрологию рациональной наукой. Некоторые активно отгораживались от магии. Например, таким был Дж. Кардано (1501-1576), внесший известный вклад в область точных наук и конструирования механизмов. Его имя носит карданная передача автомобиля, карданный механизм и пр. Он считал магию проявлением силы демонов, силы неуправляемой и разрушительной. Это делало магию, по убеждению Дж. Кардано, несовместимой с астрологией, изучающей причинные связи звездно-планетарной системы, обусловленные изначальной гармоничностью вселенной. Он писал: «То, что нам кажется случайностью, должно иметь свою известную причину. Демоны не могут это сделать, ибо, если бы они обладали этим могуществом, то они уничтожили бы вселенную; следовательно, это зависит от звезд, ибо мы нигде не находим подобной удивительной стройности» (14, с. 23). Было разным оформление магической и астрологической информации. Магические тексты полны сек-

ретных зашифровок, астрологические — практически не используют тайного письма (30, с. 146).

По существу астрология — скорее псевдорациональное, чем мистическое учение. Она признает причинно-следственные связи, но истолковывает их специфически, в духе традиции, неподдающейся экспериментальной проверке современными научными методами. «Народная» астрология в XV-XVI вв. представляла собой соединение магии с «облегченной» астрологией. Об этом, применительно к литературе на греческом языке, М. А. Шангин писал следующее: «Греческие астрологические рукописи, начиная с половины XV в., отличаются от более ранних тем, что они почти всегда дают памятники народной литературы. Редко встречаются в них „научные“ астрологические трактаты, закрепленные за определенными авторами, но постоянно тут мы имеем дело с упрощением астрологии в народном бытовании и с разнообразными видами астрологической магии: ятрософией, заговорами, хиромантией, онироκριтикой» (48, с. 109).

Чтобы правильно понять назначение трактата «Наука мидическая от математики», необходимо более детально, чем это сделал Н. Н. Кононов, остановиться на его содержании. Таким путем можно выяснить, какому адресату предназначался трактат — просвещенному или недостаточно образованному. Это позволит обосновать, где кончался основной текст трактата, а также, входил ли в него первоначально магический метод определения «планиты» и «зодии».

Адресуется текст «хотящим уврачевати болящего человека». Сообщается, что любую болезнь — «внутреннюю или внешнюю» — можно распознать и вылечить с помощью звезд. Для этого лекарю требуется установить: под какими «планитой» и «зодией» родился больной. Нужно знать время рождения больного, характер его болезни и способ лечения. В зависимости от астрологической «природы» человека устанавливается время сбора лекарственных растений для его лечения («на весну или на лето или в осень или в зиму») и время проведения самого лечения — в определенную фазу Луны. Далее сообщается, что книги, относящиеся к рассматриваемой «науке», позволяют узнать, «в каков час» нужно готовить из лекарственных растений водки, эликсиры, соки, сиропы, соли и пр. составы, используемые для лечения. По знакам зодиака определяются способы лечения: посредством очищения желудка, «врачевания» или пускания крови. Подчеркивается, что самым серьезным нарушением является пускание крови не в со-

ответствии с астрологической природой больного. По «сему сказанию» устанавливается, какими по форме должны быть лекарства и др. лечебные средства: пилюли, мази, пластыри или банки и пр. По светилам познается, нужно ли стимулировать потоотделение, увлажнять больного снаружи или добиваться сухости его тела. Рекомендуются не лечить «к смерти идущего». Тогда врач со своими лекарствами не будет поруган людьми.

Содержание трактата «Наука мидическая от математики» до слов, которые перекликаются с заголовком «да не похулится тобою сие математическое учение и художество», существенно отличается от описания магического метода определения «планиты» и «зодии». Так, в нем нет данных расчетного характера, по нему нельзя научиться каким-либо конкретным врачебно-астрологическим действиям или приемам. В то же время в нем подробно говорится о предмете и методах врачебной астрологии в целом. Этот текст напоминает собой современную статью для энциклопедии, причем предназначенную не для широких слоев, а для специалистов, — например, как бы для средневековой медицинской энциклопедии. Это — ятроматематическое эссе, предполагающее знакомство читателя с часами. Поэтому можно заключить, что собственно трактат «Наука мидическая от математики» кончается словами: «сие математическое учение и художество». Магический метод определения «планиты» и «зодии» человека, не использующего счета времени (в днях, часах), является самостоятельным материалом «народной» астрологии. Он, возможно, был присоединен к основному ятроматематическому трактату в России, но, скорее всего, попал сюда уже в соединенном виде из зарубежного, возможно, польского источника. Так, А.И.Соболевский писал об одном из сборников с «Наукой мидической от математики»: «Еще сборник астрологических статей. — Рум. М. № 12, XVn в. (т. е. источник (6). — *P. C.*). В нем так смешаны статьи старые и новые, переведенные с греческого и переведенные с польского, что мы не в состоянии разобраться» (45, с. 143-144). Он особо не выделил в тексте рукописи трактат «Наука мидическая от математики». Связь концовки трактата с польским, а не греческим языком, например, видна из именованной латиницы «польским абсцахлом», что, как указывалось выше, отмечал Н. Н. Кононов (по материалу этой же рукописи) (21, с. 52).

Для выяснения исторического значения трактата остановимся на астрологических представлениях в медицине в период позднего средневековья в Европе.

Имеется считанное число работ в советской печати, характеризующих место астрологии в историческом процессе познания законов природы. Кроме работ А.Паннекука (34), В.В.Ильина (17), В. К. Кузакова (24) и др., к таковым относятся статьи И. М. Рабиновича, посвященные истории ятроматематики (39; 40). И. М. Рабинович отмечает определенные положительные элементы, которые внесла ятроматематика в западноевропейскую культуру посредством распространения и внедрения в жизнь естественнонаучных знаний. Через ятроматематику астрология из сферы, ранее доступной немногим жрецам средневековой науки, переходила в житейскую практику читающей публики и простых обывателей. Такая трансформация обеспечивалась изданием календарей-ежегодников (альманахов), в которых печатались астрологические прогнозы погоды и врачебно-гигиенические рекомендации на каждый день. Здесь также давались политические и военные прогнозы, предсказания об эпидемиях и др.

Представители ятроматематики таким словом назывались редко. Как отмечал И. М. Рабинович, исходя из данных зарубежных исследований, среди составителей прогностических календарей XVI в. только однажды встречается автор, написавший, что он «ятроматематикус». В число авторов альманахов входили врачи, «физикусы» и математики в современном понимании этого слова. Подписавшихся «астролог» было очень мало: полтора десятка из пятисот. Через календари население европейских стран приобретало элементы знаний из области естественных наук: о планетарном строении мира, о сменах погодных условий, различных необыкновенных метеорологических явлениях (цветных дождях, ураганах, гало и пр.), о предписаниях по приему пищи и др. вопросам личной гигиены, средствах первой помощи при заболеваниях, карантинных мерах при эпидемиях. Из альманахов можно было узнать некоторые сведения по животноводству и сельскому хозяйству, по государственному и политическому устройству стран, а также многие другие факты, тесно или отдаленно связанные с влиянием законов природы на жизнь отдельного человека и общества в целом. Все эти сведения преподносились в астрологической «упаковке». Но хуже ли это было санкционированного официальной церковью наивного освещения вопросов естествознания? Ятроматематическая концепция естествознания выглядит не менее значимой для изучения исторических процессов, чем церковная.

Заслуживает внимания сфера влияния ятроматематики на развитие естественных наук, связанная с научной деятельностью

авторов календарей с предсказаниями (альманахов). Составители альманахов должны были разбираться в астрологии и быть достаточно сведущими людьми в области математики, астрономии, медицины, метеорологии, эпидемиологии, географии, сельского хозяйства и пр. Качество сообщаемых календарями сведений зависело от научного уровня приводимых в них данных по вопросам естествознания. Поэтому среди авторов астрологических альманахов встречаются имена людей, известных своим большим вкладом в культуру и науку: Ф. Рабле, И. Кеплер и др. Это не значит, что составителями календарей не могли быть невежественные люди, проходимцы и шарлатаны. Однако приводимые в альманахах сведения должны были возвышаться над знаниями их потребителей, иначе не имели бы спроса. Следовательно, врачебная астрология представляет для истории науки интерес в качестве одной из зон «объективизации естествоведения», как обоснованно заключил И. М. Рабинович о роли ятроматематики в истории западноевропейской науки XVI в.

Можно ли указанный вывод распространить на Россию? Какие основания для этого дает трактат «Наука мидическая от математики»? Из его содержания ясно, что ятроматематика не была чужда древнерусской «научной» мысли. Но была ли врачебная астрология в России зоной «объективизации естествоведения», средством распространения естественнонаучных знаний? Если да, то в каком смысле и в какое время? Для ответа на поставленные вопросы важно знать примерный момент появления на русском языке трактата «Наука мидическая от математики».

Для этого в качестве отправной точки на временной шкале можно взять третью четверть XVII в. К концу этого периода (1674 г.) относится бумага сборника «Острология солнечному, лунному и звездному течению» (4), содержащего самый ранний список ятроматематического трактата. Водяные знаки этой рукописи — «голова шута», типа № 1201 по А. А. Герасимову (13) и № 1949 по Е. Хивиду (51). Обе филигранные надписи указываются под одним 1674 годом. Все сходные типы знака относятся к 1670–1680 гг. В том, что трактат получил распространение в русских списках незадолго до 70-х гг. XVII в., говорит следующее обстоятельство. Кроме сборников астролого-астрономического содержания, текст трактата встречается в лечебнике первой трети XVIII в. (3). Время его включения в состав книг такого рода может служить важной хронологической вехой. Советский историк медицины В. Ф. Груздев исследовал вопрос о влиянии текстов по астрологии на древ-

нерусские лечебники и выявил имеющиеся в них астрологические сюжеты (15, с. 50-53). Щукинский лечебник, содержащий ятроматематический трактат, В. Ф. Груздевым не был учтен, а среди большого числа проанализированных им и его предшественниками медицинских рукописей рассматриваемый трактат не встретился и поэтому не попал в подборку астрологических материалов, входящих в древнерусские лечебники. Очевидно, ятроматематический трактат попал в лечебники сравнительно поздно, лишь во 2-й половине XVII - 1-й трети XVIII вв., а это может значить, что он вообще не был известен до середины XVII в. в России.

Когда впервые в России в заголовках сочинений стало употребляться слово «математика»? Как упоминалось выше, его содержит «Книга глаголемая математика, новопреложенная с эллинска, и латинска, влосска и польска языков на словенский в Москве в лето ... 1664». Краткие выдержки из книги привел П. П. Пекарский (35, с. 280). Она являлась компиляцией из различных астрологических иностранных источников, сделанной в 1664 г.

О следующем датированном произведении, в названии которого применяется слово «математика», говорится в архивном документе, обнаруженном И.М.Кудрявцевым в Центральном государственном архиве древних актов: «7204 (1695) г. октября в 17 день по указу великих государей... в Государственном Посольском приказе переведены с латинского, и с цесарского, и с аглинского языков на словенский язык три книги: одна мафематического учения, а другая огнестельная, третья о воинских делах» (23, с. 218).

Никаких сведений в документе о содержании книги «мафематического учения» не имеется. Отождествлять документальные указания с переводами, которые сохранились, крайне затруднительно. К такому выводу, в частности, пришел Б. И. Морозов, изучивший архив материалов переводчиков Посольского приказа, значительную часть которого составляют черновики. Среди них есть обширное общематематическое сочинение, включающее в себя арифметику, геометрию и тригонометрию. Над его переводом, как установил Б. Н. Морозов, трудилось несколько человек в 90-х гг. XVII в. (19, с. 108, 112, 117). Возможно, это та самая книга «мафематического учения», в таком случае она не имела отношения к астрологии. Не исключено, что названное в документе произведение не сохранилось или пока не выявлено.

Третье произведение, в заголовке которого фигурирует слово «математика», называется «Математика сочинения. Оная книга

1-ая» (1, л. 78-164; 18, с. 287). Об этом произведении писали А. И. Соболевский (45, с. 375) и К. И. Швецов. Последний неточно указал шифр и количество разделов рукописи (50, с. 89). В 1964 г. еще один список (5) этой книги был описан Э. Н. Конюховой (22, с. 78). Она отнесла рукопись ко 2-й половине XVII в. Однако по типу филиграней ее бумагу можно датировать более узким периодом. Использование бумаги с водяным знаком «герб Амстердама», типа № 99 (по С. А. Клепикову) относится к 1691 г. (20, с. 336). Филигрань «рога оленя» имеет аналогию с типом № 2936 (1692 и 1696 гг.) по Э. Лауцявичусу (26, с. 215; Атлас, с. 413).

Отождествить эту астрономическую книгу с «мафематическим учением» 1695 г. не позволяет сделанный А. И. Соболевским вывод по одному из списков о том, что язык его оригинала скорее греческий, чем латинский (45, с. 375), не согласующийся с данными о языке оригинала «мафематического учения», который мог быть скорее латинским, а также немецким или английским, но точно не греческим.

Итак, данные имеются о трех трактатах, в названиях которых употребляется слово «математика». Один — астрологическая компиляция по иностранным источникам, выполненная в Москве в 1664 г. Второй — «Мафематическое учение» — был переведен в Москве в 1695 г., но содержание его неизвестно. Еще одно произведение астрономического характера, по-видимому, появилось ближе к концу XVII в. Таким образом, отождествление астрологии с «математикой» представлено в названии трактата, относящегося именно к 3-й четверти XVII в. Это может служить дополнительным косвенным подтверждением вывода о появлении и рукописи «Наука мидическая от математики» в указанный период.

Есть ли сочинения, сходные с трактатом «Наука мидическая от математики» по жанру? Определенное жанровое сходство с ним имеют эссе, посвященные предметам «свободных художеств»: грамматике, диалектике, риторике, арифметике, музыке, геометрии и астрологии в «Книге избранной вкратце о девятих Мусах и о семи свободных художествах», написанной в 1672 г. переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием и подьячим Петром Долгово (46, с. 29-46). Эти эссе имеют целью дать общую характеристику указанным предметам, но не научить им. Например, из «Книги...» можно узнать, что представляет собой арифметика, в чем заключается ее польза, но почерпнуть конкретные арифметические знания из текста нельзя. «Наука мидическая от математики» является аналогичным эссе, рассказывающим, что

такое врачевная астрология, но невозможно научиться по нему, как применить астрологические данные в медицине.

Таким образом, датировка бумаги (70-80-е гг. XVII в.) самого раннего из четырех списков ятроматематического трактата, позднее время его включения в состав русских лечебников (2-я пол. XVII - 1-я треть XVIII вв.), употребление в заголовке слова «математика», русская практика чего восходит к 1664 г., сходство с жанром эссе «Книги...» Николая Спафария и Петра Долгово (1672 г.) делают наиболее вероятным возникновение русского варианта «Науки мидической от математики» в 3-й четверти XVII в.

Спрашивается, как сделанный вывод согласуется с другими данными о наличии элементов ятроматематического просвещения в России соответствующего времени? В Западной Европе важным фактором, характеризующим оживление в этой области, выступало распространение календарей с предсказаниями. Было ли нечто подобное в России? Да, было. Причем именно в указанное время. Об этом, как сообщалось в предыдущей главе, говорил уроженец Курляндии Яков Рейтенфельс, который в начале 70-х гг. XVII в. жил в Москве у своего дяди Иоганна Розенбурга, лейб-медика царя Алексея Михайловича (42, с. 159). Как согласуется приведенное свидетельство с данными о переводе и составлении календарей в царствование Алексея Михайловича? Историк А. А. Покровский отмечает небывалый ранее масштаб распространения в России астрологических календарей-альманахов с 60-х гг. XVII в. в переводе с немецкого, а также польского (37, с. XVIII). Сохранился перевод календаря для царя Алексея Михайловича «на год тысяшный шестсотый и шестдесятый» (1660 г.) с многочисленными астрологическими предсказаниями.

Следовательно, в 3-й четверти XVII в. в России наблюдается оживление интереса к календарям с предсказаниями. Такие календари в Западной Европе служили средством распространения сведений из естествознания и данных об их использовании для человека. В какой степени «объективизация естествоведения», происходящая в зоне ятроматематики в Западной Европе, согласуется с русской действительностью?

Формы ятроматематического знания относятся к явлениям, отражающим процесс применения врачевной астрологии и сопутствующих сведений из естествознания. Поэтому интерес представляет вопрос о том, как была представлена в России ятроматематика в 3-й четверти XVII в. Кем, как, где, в каком объеме применялись здесь методы врачевной астрологии?

В 1661 Г. докторами Аптекарского приказа был одобрен в качестве руководства для лечения больных один из наиболее распространенных вариантов древнерусского лечебника — «Прохладный вертоград», который пользовался широкой известностью до конца XVIII в. (27, с. 93-94). В нем есть некоторые сведения по врачебной астрологии, но они фрагментарны и отвлечены. Однако исходя из них можно говорить о возможности использования в русской врачебной практике ятроматематических методов. В литературе по истории медицины мало определенных сведений о конкретном применении в России астрологических рекомендаций. М. К. Кузьмин отмечает, что в отдельных архивных документах излагаются правила, которыми руководствовались врачи при кровопускании, при этом лекари должны были учитывать положение звезд, а состояние здоровья больного имело второстепенное значение (25, с.44). Однако в монографии Н.А.Богоявленского, посвященной источникам по древнерусскому врачеванию, нет материалов по ятроматематике (10).

В указанной связи интерес представляет «Перевод с росписи доктора Льва Личюфинуса Богдановича о том, в какое время года полезно делать кровопускание посредством банок и сколько это полезно». Документ содержит дату — 1657 г. (31, с. 95-97). Судя по названию «росписи», речь может идти о банках, которые в истории медицины называют «кровесосными». Применялись они «для более энергичного оттягивания крови при насечках». Изготавливались такие банки из рога: «заостренная сторона у них подточена или спилена и имеет небольшое отверстие для всасывания воздуха губами рожечника, когда нужно было создать вакуум внутри рога» (И, с. 74). Н. Я. Новомбергский не смог использовать этот документ по причине его непонятности: «Это такой бессмысленный набор слов, что мы не решаемся здесь приводить даже извлечений» (32, с. 295).

Текст действительно труден для понимания, в нем имеются утраты, но если опираться на сведения по врачебной астрологии трактата «Наука мидическая от математики» и др. данные, то основные идеи «росписи» становятся доступными. В ней речь идет о методе пускания крови с использованием кровесосных банок-рожек, а также банок с «пламеном» «без кровопущения». Лев Личюфинус исходит из наличия связи между пользой или вредом от лечения банками, с одной стороны, и природными условиями с другой, т. е. из достаточно широких, а не исключительно астрологических предпосылок. Он отмечает, в частности, что для кровопу-

пусканий не всякое время года одинаково полезно и пытается аргументировать, почему так. Лучшее время пускания крови — весна и осень, худшее — лето и зима: «весна всем преизяществует, возбраняетца в лете, теплоты ради». Далее он переходит к астрологической части, указывая, как по-разному влияют на результат лечения знаки зодиака, положения Луны и планет. Прибегая к кровопусканию, нужно правильно рассчитать не только день процедуры, но и час. При этом требуется учитывать как чисто астрологические факторы, так и метеорологические показания: «воздух да будет ведр и ясен». Момент кровопускания должен быть приурочен ко времени, когда организм человека к этому наиболее готов, например, завершилось переваривание пищи: «окончавшуся уже пище сварение». В зависимости от характера недуга важно правильно выбрать место на теле для лечения банками. Например, «прилепление» банки (без пускания крови) к средней части шеи поможет при опухании глаз и дурном запахе изо рта: «средней части выя прилепленный пухлина очес и устен смраду помоществуют».

Автор ятроматематической «росписи» Лев Богданов сын Личюфинус, по-видимому, выходец из Польши, был одним из врачей Алексея Михайловича. Материально он обеспечивался примерно вдвое хуже, чем другие врачи. Объяснялось это тем, что он не мог представить докторского диплома и рекомендательных писем, что было важным условием поступления иностранцев на царскую службу и установления оклада. Приехал врач в Москву в январе 1656 г., но никак не мог добиться равного с коллегами положения. Отсутствие необходимых документов Личюфинус объяснял тем, что, когда он находился в польском городе Чортове, то его «черкесы и русские люди пограбили» (28, вып. 3, с. 647). Не помогло ему и принятие православия, при этом он сменил имя Александр на Лев, а это значит, что свою записку о кровопускании он писал уже будучи православным.

Возможно, ятроматематическая «роспись» была еще одной попыткой Личюфинуса доказать свою врачебную компетенцию, а может, это было задание для проверки его профессиональной пригодности. Тема, во всяком случае, не была случайной, т. к. кровопускание применялось при лечении царской семьи, о чем имеется некоторое число документов. Можно полагать, что в своей записке Лев Личюфинус не просто излагал суть дела, но старался его соотносить с особенностями практики пускания крови, которая применялась врачами при дворе, иначе он рисковал быть непонятым.

Следовательно, расшифровка «рописи» как ятроматематического документа ведет к новой проблеме: о деятельности придворных врачей Алексея Михайловича в области врачебной астрологии. В 1657 г. кроме Личюфинуса лейбмедиками были Арман Граман и Андреас Энгельгардт. А. Грамана рекомендовал предыдущему царю, Михаилу Федоровичу, известный ученый того времени Адам Олеарий. Михаил Федорович хотел заполучить самого А. Олеария, обращался к нему с предложением перейти на царскую службу, но тот отказывался. По данным Ф. П. Керенского (19, с. 76) и В. Н. Перетца (36, с. 23), царь приглашал А. Олеария на должность придворного астролога. В вышедшем в 1906 г. русском переводе труда А. Олеария речь идет о службе царским астрономом. А. Олеарий понимал, что для русских тогда не существовало разницы между астрологом, астрономом и колдуном, и поэтому отказывался от лестного предложения (33, с. 179).

А. Граман находился вместе с А. Олеарием в составе Шлезвиг-Гольштейнского посольства, которое направлялось в Персию через Россию. В ответ на очередное приглашение А. Олеарий рекомендовал А. Грамана, который, по его словам, был «очень осведомлен в герметическом врачевании» (33, с. 260; 43, с. 67). Герметической называлась медицина, имевшая в своем арсенале астрологию, алхимию, магию и др. В западноевропейской средневековой науке герметическая медицина была тесно связана с ятроматематическими представлениями.

А. Граман стал царским лейб-медиком в 1639 г. Когда в 1648 г. Михаил Федорович заболел рожей, в связи с его лечением была составлена особая «записка» придворных докторов А. Грамана и Иоанна Белоу, своего рода история болезни. В ней содержатся свидетельства о характере лечения царя. Так, ему было назначено кровопускание, «изыскав добрый день» (28, вып. 1, с. 44). «Добрый день» здесь, по-видимому, одно из основных понятий врачебной астрологии. В зависимости от расположения планет. Солнца и Луны относительно зодиакальных участков и с учетом личного гороскопа больного астрологи устанавливали «добрые дни», в которые были наиболее благоприятны врачебные процедуры.

Из текста описания болезни Михаила Федоровича и ее лечения нельзя заключить, какие данные о «добром дне» имелись в виду — индивидуальные, составлявшиеся по методам «естественнонаучной» астрологии, или универсальные — в соответствии с рецептами «народной» астрологии. Если индивидуальные, что более подходит положению царя, то уровень астрологических

знаний его лейбмедиков должен быть достаточно высоким. Судя по аттестации А. Олеария, А. Граман мог его иметь.

Более конкретные данные есть о ятроматематических занятиях С. Коллинса, лейб-медика Алексея Михайловича. Сохранилось его «рассуждение», датированное 30 апреля 1664 г., о днях для кровопусканий: «...в которые дни добро жилная отворять». С. Коллинс указал установленные астрологическим путем конкретные дни, наиболее благоприятные для кровопусканий в июне и июле 1664 г. Недавно О. Р. Хромов по книгам «выходов государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси и самодержцев» обнаружил совпадение даты проведения кровопускания Алексею Михайловичу с рекомендованной С. Коллинсом. Из этого следует, что расчеты «добрых дней» для кровопусканий русским царям производились придворными врачами-астрологами в соответствии с ятроматематическими рекомендациями (8, с. 204-208).

В дореволюционной историографии А. Энгельгардту приписывалось верное предсказание чумы, охватившей Западную Европу в 1665 г., но миновавшей Россию благодаря вовремя принятым правительством карантинным мерам. Латинский текст двух писем А. Энгельгардта на вопросы царя Алексея Михайловича был издан В. Рихтером, а недавно опубликован на русском языке с подробным анализом (43, с. 90-111, 137; 9, с. 151-204).

Из них следует, что основой для прогностических суждений А. Энгельгардту служили западноевропейские календари. Сам он не производил астрологических расчетов, т. к. не имел необходимых источников (эфемеридных таблиц) или оборудования для наблюдений. Литературные разыскания А. Энгельгардта характеризуют специфический уровень ятроматематической «культуры», состоящей в более компетентном использовании альманахов по сравнению со средним уровнем недостаточно образованных читателей. Отдавая предпочтение астрологическим представлениям, А. Энгельгардт, тем не менее, принимал в расчет данные статистических наблюдений о периодичности наступления эпидемий через 11 лет. Поскольку последняя эпидемия была в 1654-1655 гг., то следующую можно было ожидать в 1665 г., что и случилось. То, что Россия на этот раз будет в слабой степени затронута чумой, он аргументировал не только данными альманахов, но и склонностью русских употреблять лук и хрен, обладавших бактерицидными свойствами.

Возвращаясь к Л. Личюфину, можно констатировать, что написание им в 1657 г. ятроматематического текста было зако-

номерным явлением: идеи врачебной астрологии не были чужды остальным царским докторам. Однако документы говорят о серьезных разногласиях, существовавших в профессиональных вопросах между Л. Личюфинусом и его коллегами. Конфликт, например, возник в связи с покупкой в качестве лечебного средства, очень дорогого по цене, так называемого рога инрога, за который выдавался бивень полярного китообразного — нарвала. Л. Личюфинус правильно отрицал лечебную универсальность рога, тем самым подвергал сомнению профессиональную компетенцию старших докторов, санкционировавших покупку бивня. По царскому приказу был поставлен опыт на голубях, чтобы установить, обладает ли кость инрога противоотравными свойствами. Для этого голубям давали мышьяк и кость инрога кусочками величиной с перцовое зернышко в определенном количестве и последовательности (28, вып. 1, с. 696; 44, с. 125-132).

Поскольку царские врачи конфликтовали между собой, но придерживались общих взглядов на врачебную астрологию как основу профессионального лечения, то маловероятным является решение вопроса о распространении ятроматематических взглядов в России 3-й четверти XVII в. в результате случайных стечений обстоятельств. Это было закономерным процессом, отражавшим явления общеевропейского характера. Западноевропейские университеты начала и даже середины XVII в. имели устойчивые ятроматематические традиции. Отдельные их выпускники устраивались врачами при царском дворе. В своей деятельности они руководствовались содержанием западноевропейских астрологических альманахов и другой подобной литературой. Их деятельность имеет определенное значение для распространения в России идей естествознания, которые пронизывали ятроматематику. Касаясь закономерностей, происходящих в человеческом организме, и явлений природы, которые влияли на здоровье человека, ятроматематика органично была связана с естествознанием. Поэтому потребители ятроматематической информации неизбежно соприкасались и с позитивными данными из естествознания.

Завершая оценку трактата «Наука мидическая от математики», можно сказать, что это небольшое произведение играет важную роль в обосновании вывода о том, что во 2-й половине XVII в. в России ятроматематика, несмотря на слабое развитие по сравнению с Западной Европой, представляла собой зону «объективизации естествоведения». Зона эта была сравнительно

локальной, связанной с деятельностью царских лейб-медиков и правительственных переводчиков. Пользователями методов врачебной астрологии и потребителями ятроматематической информации были преимущественно царская семья и правительственная верхушка.

Сведения об этом отражены в отдельных указанных выше опубликованных документах Аптекарского приказа. Архивные источники в этом отношении ждут более полного изучения и обобщения. Значение же «Науки мидической от математики» заключается в том, что рассмотренный трактат свидетельствует о выходе ятроматематики за пределы указанной локальной зоны, о ее распространении также среди более широкого круга русского общества. Об этом говорит включение рассматриваемого ятроматематического произведения в состав разных сборников астрологического, космографического и медицинского содержания. А также то, что к основной «научной» части трактата присоединен «хвост» по «народной» врачебной астрологии (ятрософии), рассчитанный на простых людей, не знающих даты своего рождения.

Поставленный И. М. Рабиновичем в 1963 г. вопрос о важности изучения врачебной астрологии с позиций истории науки продолжает быть актуальным, как его же слова: «История учит тогда, когда ее ступают, а не тогда, когда ей подсказывают» (39, с. 147). Не снят с «повестки дня» и вопрос о значении астрологии в целом «для истории естественных наук и, в частности, для астрономии» (49, с. 308).

Ятроматематика как раздел астрологии, тесно связанный с жизнью человека, не только сохраняет важное историческое значение для истории науки в целом и ее части — истории медицины, — но и вызывает профессиональный интерес у представителей современной медицины. На один из аспектов такого интереса указывает в своем исследовании В.В.Ильин: «Неожиданные параллели открылись в последнее время у „медицинской астрологии" и научной медицины. В соответствии с идеей 12 небесных домов астрологи расчленили тело на 12 частей, соответствующих жилищам планет. В зависимости от преимущественного воздействия планеты в данный момент времени, согласно „теории экзальтации", на подответственную ей часть тела производились воздействия, осуществлялась „терапия", например, кровопускание» (17, с. 133-134).

В этой связи практическая деятельность царских врачей-астрологов, их сочинения 50-60-х гг. XVII в. о кровопускании за-

служивают внимательного изучения, так же как и появившийся примерно в то же время трактат «Наука мидическая от математики», достаточно популярный во 2-й половине XVII - 1-й трети XVIII в. и за пределами царского двора.

Библиографический список

Рукописи

1. Зерцало всей вселенной. Рукопись кон. XVII в. РНБ, Q. XVII.6.
2. Космография. Рукопись 20-30-х гг. XVIII в. РНБ, ОЛДП. Q.7S1. Наука мидическая от математики (л. 75-75 об.).
3. Лечебник. Рукопись 1-й трети XVIII в. Государственный исторический музей (ГИМ). Собрание П. И. Щукина. № 295. Еще же наука от отематико (л. 2 об.-3 об.).
4. Острология солнечиному, луинному и звездному течению. Рукопись 70-80-х гг. XVII в. РНБ, Q. XVII. 117. Наука мидическая от математики (л. 131-132 об.).
5. Сборник. Рукопись 90-х гг. XVII в. Научная библиотека им. А. М. Горького МГУ.
6. Старинная арифметика, астрономия и астрология. Рукопись кон. XVII - нач. XVIII вв. РГБ, фонд 256. № 12. Наука мидическая от математики (л. 165-166 об.).

Литература

7. *Бобынин В. В.* Очерки истории развития физико-математических знаний в России. XVII столетие. Вып. 2. М., 1893.
8. *Богданов А. П.* О рассуждении Самуила Коллиса // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
9. *Богданов А. П., Симонов Р. А.* Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
10. *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI-XVI вв. Источники для изучения медицины. М.; Л., 1960.
11. *Богоявленский Н. А.* О значении данных археологии при изучении истории отечественной медицины // Из истории медицины. V. Рига, 1963.
12. *Востоков А. X.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
13. *Герасимов А. А.* Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
14. *Герман Ф. Л.* Суеверие в медицине. Харьков, 1885.
15. *Груздев В. Ф.* Русские рукописные лечебники. Л., 1946.
16. *Гурев Г. А.* История одного заблуждения. Астрология перед судом науки. Л., 1970.

17. Ильин В. В. Астрология: роль и место в системе древней культуры // Историко-астрономические исследования. Вып. XIX. М., 1987.
18. Калайдович К. Ф. и Строев П. М. обстоятельное описание славяно-русских рукописей... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825.
19. Керенский Ф. П. Древнерусские отеческие верования и календарь Брюса // Журнал Министерства народного просвещения. Часть 172. СПб., 1874.
20. Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Записки Отдела рукописей ГБЛ Т. 20. М., 1958.
21. Кононов Н. Н. Из области астрологии. Обзор статей: Планетника, Звездотца, Колядника, Громника, Луника, Третьника, Тайная Тайных, Лечебника и пр. рук. XVIII в. А. Г. Первухина // Древности. Труды славянской комиссии имп. Моск. археолог. об-ва. Т. 4. Вып. 1. М., 1907.
22. Конюхова Э. И. Славяно-русские рукописи XIII-XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ (описание). М., 1964.
23. Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. 1963.
24. Кузаков В. К. Астрология сквозь призму историографии истории астрономии // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
25. Кузьмин М. К. История медицины (Очерки). М., 1978.
26. Лауцявичус Э. Бумага в Литве в XV-XVIII вв. Вильнюс, 1967.
27. Лахтин М. А. Медицина и врачи в Московском государстве (в допетровской Руси). М., 1906.
28. Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. Вып. 3, СПб., 1884.
29. Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII - начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983.
30. Нейгебауэр О. Точные науки в древности / Под ред. и с предисл. А. П. Юшкевича. М., 1968.
31. Новомбергский Н. Я. Черты врачебной практики в Московской Руси. СПб., 1904.
32. Новомбергский Н. Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907.
33. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
34. Паннекук А. Астрология и ее влияние на развитие астрономии // Мироведение, 1933. № 1.
35. Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
36. Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды. К истории луника // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1901. Кн. 1.

37. *Покровский А. А.* Календари в России. Приложение к кн.: Библиотека Московской Синодальной типографии. Часть первая — рукописи. Выпуск пятый: Календари и святцы. М., 1911.
38. Проблемы гелиобиологии (Методическая разработка для слушателей ФПК и преподавателей) / Новосибирский Гос. медицинский институт. Новосибирск, 1977.
39. *Рабинович И. М.* Рижский врач-астролог Захарий Стопий из Вроцлава // Из истории медицины. V. Рига, 1963.
40. *Рабинович И. М.* О ятроматематиках // Историко-математические исследования. Вып. XIX. М., 1974.
41. *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1937.
42. *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. / перевод с лат. А. Стаикевича. М., 1906.
43. *Рихтер В.* История медицины в России. Часть 2. М., 1820.
44. *Симонов Р. А.* Рог нирога // Русская речь, 1985. № 3.
45. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903.
46. *Спафарий Николай.* Эстетические трактаты. Л., 1978.
47. *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.
48. *Шангин М. А.* К вопросу о средневековом «гадании по Пифагору» // Доклады Академии наук СССР, 1930.
49. *Шангин М. А.* О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Известия Академии наук СССР. VII серия, 1930. № 5.
50. *Швецов К. І.* Бібліографія староруських математичних рукописів // Пауков! записки Станіславського педагогічного інституту. Серія фізики та математики. Вип. І. Київ, 1955.
51. *Heawood E.* Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. T. I. Hilversum (Holland), 1950.

Глава 5

Прогностическая астрология на «службе» у царя Алексея Михайловича¹

Астрология при Алексее Михайловиче составляла важную часть «математики», будучи одной из четырех математических наук квадривия в системе «Семи свободных мудростей». Астрологические представления являлись в то же время частью учения о «природе небес» в составе «натуральной философии», которая вместе с философией священной и этической завершала систему наук. Наконец, велико было значение практической астрологии в круге медицинских знаний ятроматематики, составлявшей самостоятельное научное направление.

В России представление об астрологии было в целом близким к существовавшему в других странах Европы. В числе «семи свободных наук» хвалу астрологии воздавал Симеон Полоцкий, в своей «ученой поэзии» употреблявший довольно много астрологических аллегорий и символов (13, с. 246-260).

Как в большинстве стран Западной Европы, в России второй половины XVII в. получили распространение разного рода астрологические сочинения: оригинальные и переводные, древние и новейшие. Наряду со средневековыми текстами «народной» астрологии, бытовавшими главным образом в демократической среде и среди духовенства, на русском языке существовали и астрологические сочинения, претендовавшие на «последнее слово» науки того времени. Они были довольно популярны при дворе. Как упоминалось выше, для царя Алексея Михайловича был сделан в 1660 г. перевод календаря с предсказаниями.

Астрологические прогнозы интересовали царя и его придворных. Об этом свидетельствуют приписки к переводу календаря 1660 г., выполненные на базе астрологических знаний. Переведенный с польского, этот прогностический календарь содержит посвящение Алексею Михайловичу. Впервые опубликовал предсказательные фрагменты с пометами академик П. И. Пекарский,

¹ в основу главы положен материал статьи (12, с. 151-204).

отнеся их Петру I (43, с. 284-285). Эта атрибуция долгое время признавалась в науке, пока не была отклонена в 1956 г. специалистами Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, где хранится календарь (27, с. 38, прим. 3).

Частично вопрос содержания астрологических представлений и интересов автора помет осветил Б. Е. Райков (45, с. 96). Он считал, что предназначались «пометки для объяснения предсказаний, которые казались ему (автору помет. — *Р. С.*) темными». В качестве иллюстрации Б. Е. Райков приводил два примера: «Предсказание на январь: „Велика небеспечность пред ногами“, с замечанием автора помет: „Всею ненадежно счастье“». Второй пример: «...На октябрь календарь предвещает: „Боюсь, что ездок червленного коня ездцу черного коня свое владение уступит или попустит“. Автор помет этому аллегорическому предсказанию приписал такое объяснение: „т. е. война престанет, а уступит голоду и мору обще на весь свет, как где получится“». Из примеров, воспроизведенных из календаря и прокомментированных Б. Е. Райковым, следует, что лицо, делавшее пометы, владело принятой в прогностической литературе терминологией: всадник на красном коне — война, всадник на черном коне — голод и мор. Однако к астрологии эти сведения имеют второстепенное отношение. Поэтому из сведений, приводимых Б. Е. Райковым, нельзя заключить об уровне астрологической подготовки человека, читавшего тогда календарь с пером в руках.

При более тщательном анализе это можно попытаться сделать, хотя перевод желает лучшего, а пометы фрагментарны. Поэтому во всей полноте очень трудно реконструировать объем астрологических знаний человека, делавшего пометы. Однако можно очертить примерный круг его интересов в области астрологии, общий уровень владения астрологическими представлениями. Это лицо из царского окружения интересовалось, в частности, «географической астрологией», как условно можно назвать прогнозирование событий на территориях, «управляемых» определенными зодиакальными знаками. В календаре имеются три однотипных пометы по поводу знаков Водолея, Быка и Девы: «которые под тем знаменем государства есть, а не ведомо которому» (43, с. 284). Помета выражает сожаление по поводу недостаточной конкретности календарных прорицаний. Автор пометы знал, что государства имели свой покровительствующий знак зодиака. Поэтому общее указание календаря о территориальном влиянии зодиакальных знаков воспринималось им как неполное; устрани-

ние такой неопределенности ему виделось в дополнительной информации о конкретных государствах, находившихся под «покровительством» данного знака зодиака. Можно усомниться: были ли в окружении царя люди, владевшие этими знаниями по «астрологической геральдике». Да, были. Сохранились русские списки так называемых «астрологических гербовников». Имелись иллюстрированные гербовники, где давались изображения государственных гербов с соответствующими знаками зодиака. В 1669 г. по заданию Алексея Михайловича живописцами С. Лопуцким и И. Мировским была написана большая картина на полотне, иллюстрировавшая указанные сведения из астрологической геральдики. Эта теперь утраченная картина, предназначавшаяся для вывешивания в государевой комнате, называлась «Герб Московского государства и иных окрестных государств гербы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы» (10, с. 80-81; 23, с. 221-222).

Таким образом, несмотря на трудный язык перевода календаря и фрагментарность помет, можно с определенностью утверждать, что делавший заметки человек обладал знаниями в области «астрологической геральдики». Последняя интересовала царя Алексея Михайловича, а следовательно, была известна в его окружении. Внимание Алексея Михайловича к этим сюжетам, очевидно, было обусловлено стремлением к расширению средств управления государством. То, что интересы управления государством обуславливали внимание царской семьи к астрологии, следует также из предисловия, выполненного в 1681 г. в Посольском приказе перевода «Селенографии» Я. Гевелия, где говорилось, что звездословие (так по-древнерусски именовалась астрология) «благопотребно есть на управление государства» (52, с. 88).

Человек, делавший пометы в календаре, кроме того, демонстрирует знания в области влияния небесных объектов на характер и деятельность людей. К утверждению календаря о воздействии Меркурия (в августе) «в сердцах людей храбрых и добровольных» сделана помета: «Час добрый на обман» (43, с. 284). Это замечание свидетельствует о том, что оставивший пометы человек был знаком с астрологической характеристикой Меркурия как планеты, сопутствующей обману, непостоянству. Астрологические характеристики планет и знаков зодиака относятся к числу популярных элементов учения о влиянии небесных объектов на судьбы людей и события земной жизни. Алексей Михайлович проявлял интерес к соответствующим сведениям. Так, в 1662 г. на потолке царской столовой была сделана роспись по замыслу Гус-

тава Декенпина, которая называлась «Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные». В 1668 г. подобным же образом была украшена столовая царевича Алексея Алексеевича (23, с. 60, 178-179). Эти росписи не сохранились. Недавно О. Р. Хромов обосновал, что еще одна близкая композиция из Коломенского дворца запечатлена на лубочной картинке, дошедшей до нашего времени в единичном экземпляре. На этом лубке, наряду с другими сюжетами, в клеймах со знаками зодиака указывается краткая астрологическая характеристика их «естества». Например: «Месяц генварь естеством тепл и мокр, дней 31». Поскольку название зодиакального знака заменяется месяцем, то астрологический зодиак и стали называть двенадцатью месяцами. Именованье зодиака в росписи потолка царской столовой двенадцатью месяцами, по мнению О. Р. Хромова, свидетельствует о том, что роспись содержала аналогичные астрологические характеристики 12 знаков зодиака («месяцев») (57, с. 134-137).

Следовательно, интересы и знания в области астрологии человека, делавшего пометы в календаре Алексея Михайловича, соответствовали интересам и знаниям царя и его окружения. Вот какой вывод с необходимостью вытекает из анализа календарных **помет**. Наряду с **прогностической литературой во второй** половине XVII в. при дворе бытовали сочинения с пояснениями основных астрологических понятий того времени, такие как «Беседы со планиты» Симеона Полоцкого (51, с. 124-125). Примером может служить и соответствующая часть «Книги избранной вкратце о **девяти Мусах и седмих свободных художествах**», переведенной в 1672 г. Николаем Спафарием при участии Петра Долгово (36, с. 41-45). Немало астрологических пояснений было включено также в «Великую науку Раймунда Луллия», в переводе Андрея Белободского (1688/89 гг.) (20, с. 193).

Во второй половине XVII в. астрологическими аллегориями все больше насыщалась придворная поэзия — орации, предназначавшиеся для дворцовых празднеств и включавшие (в отличие от ученых стихов) в основном общеизвестные чиновникам государства двора понятия и символы. Некоторые из таких сочинений содержали прямые указания на прогностические возможности астрологии. Так, в виршах на крещение Петра Алексеевича, сочиненных Симеоном Полоцким и Епифанием Греком, сочетание планет «Арриса» и «Зевеса» (Марса и Юпитера) толковалось как знак будущих способностей царевича, его успехов в военных и государственных делах (18, с. 254-259; 32, с. 398). Карион Истомин

В панегирике на брак Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной (30 января 1689 г.) истолковал в пользу астрономии-астрологии библейский текст Исаяи (гл. 51): «Воздвигните на небо очи ваши и поглядите по земли долу...»:

«Астрономы зрят	хитростью по небу,
Прознающе	в миру сем потребу,
Потреба царю	была в россах ныне,
С царицею жить	в любви век едине» (11, с. 195)

Но можно ли на таких основаниях считать астрологическую прогностику не только элементом культуры, литературы и образования в России начала Нового времени, но и серьезным фактором общественной мысли, оказывавшим сколько-нибудь заметное влияние на исторические события? Не исключено, что астрологические сочинения могли служить чисто интеллектуальным целям, но можно предположить, что они были связаны и с практическими интересами их составителей, переводчиков и читателей.

Для оценки функционального значения астрологической прогностики в России необходимо обратиться к сведениям об их практическом использовании. В историографии такие случаи зафиксированы трижды, но только два из них документально подтверждены: составление прогностических писем доктором Энгельгардтом по запросу Алексея Михайловича в конце 1664 - начале 1665 гг. и составление «волхвом» Дмитрием Силиным предсказания для Сильвестра Медведева и кн. В.В.Голицына. Еще один эпизод — красочный рассказ о предречении, якобы сделанном Симеоном Полоцким при рождении Петра Алексеевича — попал в литературу из полуфантастического сочинения Н. П. Крекшина, писавшего спустя полвека после этого события (о чем подробно говорится в следующей главе).

Второй «казус» отразился в розыскных делах 1689-1690 гг. Основное внимание следствия было посвящено разработке легенды о «заговоре» на жизнь Петра I, послужившей поводом для свержения правительства Софьи — Голицына — Шакловитого. Достоверность приведенных в этих документах фактов весьма различна. Одни из них — прежде всего сведения, приводившиеся подсудимыми в свою защиту и ряд показаний свидетелей по частным вопросам — на проверку оказываются вполне точными. Основные же обвинения (особенно со стороны патриарха Иоакима) являются грубым нагромождением самой фантастической лжи.

В частности, знаменитый сторонник просвещения Сильвестр Медведев, отговаривавший сторонников Софьи от планов насильственного утверждения ее власти, якобы намеревался убить Петра, его родственников и патриарха Иоакима, место которого (неведомым путем) хотел занять.

Вторичное следствие, проведенное уже после ссылки В. В. Голицына и заточения С. А. Медведева, не отразило даже видимости объективности. Некий польский выходец Д. Силин показал, будто князь Василий и Сильвестр обратились к нему за «волхованием» по Солнцу, каковое якобы производилось в Кремле с колокольни Ивана Великого. По словам «волхва», он предрек двум просвещенным людям того времени будущее, причем монаху Сильвестру Медведеву была «обещана» в жены... царевна Софья Алексеевна! Разумеется, новое обвинение, пославшее князя в более дальнюю «необратную» ссылку, а «старца великого ума и остроты ученой» бросившее на плаху, имело чисто политическую основу, и с фактической точки зрения не соответствует действительности (48, стлб. 1235-1271). Уровень волхования Силина был ниже «народной» астрологии. Астрологическая безграмотность главного свидетеля обвинения («волхва») была связана с тем, что оно выдвигалось наиболее темными, реакционными противниками европейского просвещения в России.

Таким образом, единственным достоверно известным случаем обращения политических деятелей России к астрологическому прогнозу являются письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу. Подлинники их на латинском языке были обнаружены в начале XIX в. лейб-медиком императорского двора, членом Российской Академии и многих ученых обществ Вильгельмом Рихтером и дважды опубликованы на языке оригинала: сначала в немецком, а затем в русском издании его замечательной «Истории медицины в России». К настоящему времени они переведены на русский язык, и после исследования Рихтера впервые подвергнуты источниковедческому анализу (12).

Автор фундаментальной «Истории медицины в России» был отнюдь не склонен к оккультизму. В основу изложения истории предсказательных писем им положены три факта. Во-первых, в 1665 г. в Лондоне вспыхнула страшная эпидемия чумы, повергшая в ужас все европейские государства (а во время Рихтера вдохновившая Пушкина на создание «Пира во время чумы»); автор сообщает интересные свидетельства оставшихся в живых лондонских врачей. Во-вторых, русское правительство приняло

против нее экстренные меры: об этом свидетельствуют найденные Рихтером царские грамоты английскому королю, новгородскому и двинскому воеводам о введении строгого карантина в российских портах (46, ч. 2, приложения, № 31). Наконец, царь Алексей Михайлович был заранее извещен о грозящей опасности своим астрологом доктором Энгельгардтом еще в конце 1664 г., предсказавшим ему сей «ужасный мор».

«Некоторые особенные нечаянные обстоятельства, — писал Рихтер, — сделали Российское государство в 1665 году отлично осторожным. В сие время распространился известный мистицизм, который приобрел безраздельное влияние, заимствуя помощь от астрологии». История началась с появления в небесах кометы. Истолковать значение этого явления царь Алексей Михайлович попросил состоявшего на русской службе немецкого врача Андреаса Энгельгардта. Последний был знаком с астрологией и подал царю два письма, испытывая «благородное стремление обратить науку сию с пользою вообще на все могущие встретиться случаи... и таким образом произвести благотельное и вместе с тем поразительное впечатление».

Сам Рихтер не верил в возможность предсказания событий по положению планет и звезд, но признавал, что Энгельгардт «умел астрологию свою употребить в тогдашние политические дела с великою пользою»: многие его пророчества оправдались. Среди них исследователь называет, например, «упоминание о мире между Польшей и Россиею и о предстоящей смерти тогдашнего короля польскаго... К несчастию, — продолжал Рихтер, — и в другом отношении письмо сие достигло цели своей; поелику вдруг на следующий 1665 год обнаружилось точно ужасным образом моровое поветрие в Лондоне и царь Алексей Михайлович в том же году... принял действительныя и до тех пор необыкновенныя меры осторожности, чтобы спастись от предстоящего бедствия».

Политическое значение прогноза лондонской эпидемии особо подчеркнуто. «Сие предсказание неблагополучное сбылось на самом деле. Случившееся в Лондоне 1665 года страшное моровое поветрие возбудило страх и ужас во всех государствах и особенно в России, в коей, чрез сие мнимое пророчество, давно ожидали сего неприятного события. Почему указом царя Алексея Михайловича запрещена была пограничная торговля с иностранцами. И так как зараза опустошала Лондон, то и гавань Архангельская была заперта» (46, ч. 2, с. 218-221, 136-137).

В таком виде история прогностических писем Энгельгардта и дошла до наших дней (15, с. 38). Лишь в историко-медицинской литературе были сделаны попытки внести в нее незначительные поправки, касающиеся только предсказания чумы 1665 г. К концу XIX в., с введением в научный оборот новых источников о русской медицине XVII столетия, карантинные меры против лондонской эпидемии уже не могли рассматриваться как экстраординарные. Поэтому Л. Ф. Змеев бросил в своем сочинении упрек, что «Рихтеру, как видно, хотелось отнести (карантинные меры 1665 г. — Р. С.) более на счет мистицизма, потому что тут же он рассказывает, как спрашивали доктора Энгельгардта о будущем и как он письменно предсказал мор». Однако Змеев не усомнился в том, что доктор действительно предсказал лондонскую чуму, а русское правительство приняло на этом основании соответствующие меры; он утверждал даже, что «из врачей Алексея Михайловича Энгельгардт более астролог» (25, с. 311; 26, с. 238).

Убедительность рассказа Рихтера подтвердили советские исследователи К. В. Васильев и А. Е. Сегал. Используя введенные в научный оборот документальные материалы, они показали, что методы борьбы с эпидемиями, и карантинные в частности, формировались в России еще в XIV в. и ко второй половине XVII столетия достигли высокой степени развития. «О каждом случае появления эпидемии за рубежом в Посольский приказ поступало специальное донесение» от резидентов, многочисленных политических агентов и лазутчиков, а «в поветренные годы строго регламентировалось всякое сообщение с зарубежными странами». «Впрочем, — добавили авторы, — наряду с донесениями постов и лазутчиков для уяснения эпидемической обстановки и составления эпидемического прогноза цари иногда прибегали к средствам вполне в духе своего времени. Так, например, когда в 1665 г. до царя Алексея Михайловича дошли слухи об эпидемии в Лондоне, он приказал жившему в то время в Москве доктору Энгельгардту составить гороскоп... Доктор ответил... что осенью во многих частях Европы большое число людей погибнет от чумы. России же не грозит ничего особенного» (14, с. 69-73). Таким образом, авторы фактически признали значение астрологической прогностики, но попытались рационально объяснить как запрос царя, так и достоверность предсказания. Поэтому история доктора Энгельгардта и его прогностических писем весьма интересна для истории культуры и политической жизни России XVII столетия.

В один из осенних дней 1655 года думный посольский дьяк Алмаз Иванов быстро пробежал глазами проекты документов, положенные на его стол подьячими. Очередная бумага касалась приглашения в Россию иностранного специалиста. Памятная записка сообщала, что любекский купец (и эmissар московского правительства) Иоганн фон Горн по просьбе Посольского приказа отыскал хорошего врача, согласного выехать на русскую службу. Далее следовало имя. Алмаз принялся исправлять текст царской грамоты. «От царя и великого князя, и т. д., и т. п. — дохтуру Андрею Энгельгарту нашего царского величества милостивое слово; ... ехать к нам... вскоре...». Думный дьяк упростил несколько витиеватых выражений и остановился на обещании доктору «на нашу государскую милость и жалование быть надежну». «Неизвестно еще, что за доктор, — размышлял Иванов, припоминая нескольких мастеров, инженеров, военных, да и лекарей, отосланных назад за некомпетентностью, и, зачеркнув фразу, вписал — за твою службу учнем тебя жаловать нашим государским жалованием, смотря по твоей к нам великому государю службе». Получилось излишне сурово. Горн не первый раз выполняет задания московского правительства и знает его требования. А хорошего врача жалко отпугнуть. И Алмаз добавил: «и тебе на нашу милость быти надежну». Это если доктор действительно хорош. Дьяк зачеркнул последнюю фразу и, смягчив предыдущую (убрал «смотря по твоей» ИТ.п.), отдал текст на перевод (3, л. 1-6). Вскоре переписанная по-немецки на большом листе обученным в Посольском приказе писцом грамота с печатью полетела в имперский город Любек, где ее уже дожидался Горн и его подопечный.

Перед отъездом из Любека к трем документам врача присоединилось рекомендательное письмо врачей и властей города Любека с пышными похвалами «честнейшему, славнейшему и изряднейшему доктору Андрею Энгельгардту» (38, прилож. № 2, с. 88-90). А 27 декабря купец и врач уже прошли пограничный досмотр и «приехали ко Пскову на Гостин немецкий двор». Воевода псковский ознакомился с их грамотами из Посольского приказа и выделил путешественникам «кормы и подводы» до столицы, а в сопровождающие дал стрелецкого сотника Сергея Путимцева с двумя стрельцами и инструкцией «не доезжая до Москвы с подъезжево стану» дать знать об их прибытии Алмазу Иванову и ждать его ответа. Отписка о поездке Горна и Энгельгардта полетела в Посольский приказ с гонцом. Алмаз наложил на нее резолюцию: «В столп (сейчас сказали бы: в дело. — Р. С), а как приедет

на подхожей стан, и про них сказать боярину Илье Даниловичу Милославскому» (3, л. 4-6).

Тесть царский Илья Данилович более 17 лет (с декабря 1649 до весны 1667 г.) бессменно возглавлял Аптекарский приказ — центральное медицинское ведомство Московского государства. Большой любитель медицины, добровольно испытывавший на себе действие необычных лекарств, он приложил немало усилий для развития в России врачебного дела и фармакологии согласно последнему слову науки того времени. Известная крутость характера Милославского сочеталась с необычной мягкостью при общении с многочисленными подчиненными ему врачами и проявлялась частично лишь в высокой требовательности при приеме на царскую службу.

«Сказать» Илье Даниловичу о приезде запрошенного им кандидата — значило обеспечить Энгельгардту заботливый прием в Москве и в то же время тщательное изучение всех свидетельств его медицинской квалификации. Соответствующие материалы вошли в «Дело об учинении нововыезжему иноземцу доктору Энгельгардту годового жалования и месячного корма», завершенное 14 апреля 1656 г. (38, прилож. № 2, с. 85-95).

Положим перед собой это дело и посмотрим, что узнал о докторе боярин Илья Данилович. Наиболее подробные сведения о жизни Энгельгардта записали (с его слов) любекские врачи. Он родился в нижнесаксонском городе Ашерслебене и начальную медицинскую подготовку получил под руководством своего отца, доктора Матиаша Энгельгардта. Затем, как принято было, продолжил учебу в разных университетах, начав со знаменитого Лейденского, в XVII в. прославившегося своими выпускниками Декартом, Скалигером и др. Из южной Голландии Энгельгардт отправился в нидерландскую провинцию Фрисландию для защиты докторской диссертации. Труд его по эпилепсии был издан Франекерским университетом (46, с. 2, прим. к с. 215), который 19 ноября 1644 г. присвоил Андреасу звание доктора медицины и выдал диплом, представленный им Милославскому (38, прилож. № 2, с. 92). Три года после защиты доктор работал городским врачом по найму в голландском городе Бевервийке — «Бевервицы», как называет его помещенный в деле перевод «свидетельственного листа» городских властей от 7 октября 1648 г., выданного «с сожалением» о прекращении практики столь искусного специалиста и хорошего человека (38, прил. № 2, с. 94-95).

Перевод грамоты из Любека упоминает также, что после Франекера Энгельгардт посетил университет в «Ретионтане»

(Рейтлинген в Вюртемберге?). Там же сказано, что по окончании службы в Бевервийке наш доктор работал в Шотландии («Шкоции»), в городе Кангалтине; затем «во Искании, в Габелстонии», то есть, скорее всего, в Аскании (где 30 лет проработал на службе князя Ангальтского его отец), в городе Гальберштадте; наконец — «в Заксонии», то есть в саксонском городе Ашерслебене, как о том свидетельствует особая грамота городских властей от 15 августа 1655 г. В ней сказано, между прочим, что Энгельгардт родился в Ашерслебене. Его отец 12 лет проработал городским врачом, затем 30 лет служил у князя Ангальтского и, вернувшись в родной город, через два года умер, оставив свое место городского врача сыну Андреасу. «А все то время как он у нас на отцово место доктором был, мы его мудрость увидели и свидетельствуем всех, которые от него исцелены и здоровы стали, в нашем городе, и за городом, и в слободах, и для того и великие, и малые, и богати, и небогати гораздо его любили, потому что он был смирен, и неспесив, и всякому добро учинить рад был; и хотя мы и не ради его отпустить, однако он хотел в далние государства поехать... и в чужих землях великому государю служить, и для того наши свидетельствованные грамоты просил, которые ему отказать не довелось...» (38, прилож. № 2, с. 91). Из бумаг следовало, что перед поездкой в Россию Энгельгардту было не менее 33 лет.

Пока в Аптекарском приказе рассматривали его дело, Энгельгардт получил, по обычаю, «на проезд» жалование драгоценными материями, соболями, деньгами и «яствами», позволившее с удобствами ожидать решения и, кроме того, обзавестись приличествующим царскому служащему гардеробом (Алексей Михайлович был к этому внимателен). Вскоре он понадобился, ибо рассмотрев документы Энгельгардта и признав его знания и опыт достаточными, Милославский, по докладу царю и Боярской думе, принял его на службу в высшем врачебном звании доктора с годовым жалованием 220 рублей и месячным кормом в 60 рублей, т. е. 940 рублей в год. 19 апреля на челобитной служащих Аптекарского приказа о жаловании на 1656 г., в которой «доктор Андрей» назван вторым (после Артамана Грамана), появилась царская резолюция об утверждении годовых окладов (34, вып. 3, с. 657).

Годовая сумма в 940 рублей была одним из высших денежных окладов при дворе. Эти огромные по тем временам деньги выражали признание важной роли придворных врачей, деятельность которых простиралась в основном на высшие придворные слои. Даже «первый боярин» князь Яков Куденетович Черкасский полу-

чал (не считая, конечно, колоссальных земельных пожалований) высший оклад в 850 рублей. А особо доверенные врачи, такие как Иоанн Блеу и Артемий Дий, имели в разное время и по 1114 рублей годового денежного дохода из казны (31, с. 24; 38, прилож. № 2, с. 88). Высокие оклады объясняют, почему солидные и обычно степенные люди предпринимали долгую поездку «в Московию» и оседали там на многие годы. Энгельгардт привез в Россию семью. Один из документов сообщает, что в его прислуге была девица, «а та девка выехала из Галанские земли з дохтуровою женою» (34, вып. 3, с. 720). Через 10 лет, при отъезде из России, с доктором выезжало «детей ево и людей (иностранцев. — *Р. С.*) девять человек», а для имущества требовалось 20 подвод «с санями и с проводники» (4, л. 16, 18).

Согласно указу 1652 г. иностранцы поселялись на окраине Москвы, в Новонемецкой слободе (в районе современной Бауманской улицы) (24). Там, как свидетельствует документ, поселился и Энгельгардт (34, вып. 2, с. 161). Впоследствии по особому разрешению царя ему позволили перебраться поближе к центру столицы, на Тверскую, где осенью 1662 г. доктор приобрел палаты князя Львова (31, с. 26; 34, вып. 2, с. 215-216). Доктор Энгельгардт довольно быстро завоевал в Москве авторитет и безусловное доверие. Уже в 1658 и 1659 гг. его допустили к молодой супруге царя, царице Марии Ильиничне Милославской (которую не могло лицезреть большинство придворных), позволив с помощью лекаря Симона Зоммера и переводчика Василия Буша пустить ей кровь (2, № 669; 38, с. 51). С 1660 г. он уже неоднократно устаивался чести «отворять кровь» самому Алексею Михайловичу, получая за это богатые подарки, и ездил с ним в летние походы (2, № 669, 708, 824; 34, вып. 3, с. 766-768, 751). Впрочем, это доверие не означало личной близости доктора к царю (как это нередко случалось в западноевропейских странах).

Постоянной формой деятельности Энгельгардта была лекарственная терапия. Сохранилось немало его рецептов, по которым доктор Андреас, в отличие от своих коллег, часто сам изготовлял лекарства (34, вып. 2, с. 288-290, 292-293, 296-308). Популярность Энгельгардта при дворе была столь велика, что к нему обращались и иностранцы. Например, находившийся в свите Паисия Лигарида архимандрит Дионисий в сентябре 1661 г. упорно добивался права лечиться у Энгельгардта и не разочаровался в нем — рецепты составленных доктором Андреасом для Дионисия лекарств датируются и 1663 г. Его практика в Москве опиралась, в частности, на

постоянную связь с западноевропейскими коллегами и своими «сородичами» (возможно, тоже врачами). С их помощью в 1661, 1662 и 1663 годах он организовал закупку и отправку в Россию значительного количества лекарственных препаратов и медицинской литературы. Для доставки этих грузов из Архангельского порта в Москву ему ежегодно требовалось 8 подвод (2, № 686; 31, с. 91; 37, т. 1, с. 48).

Помимо практической медицинской работы, специалисты Аптекарского приказа должны были удовлетворять запросы двора и в знаниях по разным медицинским проблемам. Например, в марте 1657 г. доктора Граман, Энгельгардт и лекарь Личюфинус, вероятно, по запросу Посольского приказа написали трактаты об инроге, его лечебных и физических свойствах (34, вып. 2, с. 160-161). В январе-июле следующего года Энгельгардт с Личюфинусом провели в этой связи серию медико-биологических опытов с голубями и предоставили руководству их протоколы (34, вып. 3, с. 696).

По заказу государева двора вернувшийся из Англии доктор Самуил Коллинс в апреле-мае 1664 г. представил сочинение «В какие дни полезно жильную кровь отворять». В июне за ним последовало «Разсуждение» о пользе для здоровья кофе и чая, о различных лекарствах, пилюлях из золота и серебра. В октябре уже Энгельгардт подал подробную «сказку» о том, в каком составе и от каких болезней следует употреблять желчь, печень, сало, сердце, легкие, кровь и мозг медведя, волка, лисы, зайца. 20 января 1665 г. «у государя в верху» читали коллинсово «Разсуждение о сохранении здоровья»; в апреле — его «сказку» о целебных свойствах валериановой травы и лопушника, а затем наставление по употреблению различных лекарств для царицы (2, № 734, 738, 740-742; 37, т. 1, № 66).

Среди теоретических вопросов царским врачам в конце 1664 г. оказался и вопрос об астрологии, остававшейся тогда непременным атрибутом врачебных знаний и практики. Запрос Алексея Михайловича доктору Энгельгардту о чумной опасности для страны, ответом на который явилось прогностическое письмо от 23 декабря 1664 г., не выходил за пределы компетенции лейб-медика. Чума, появившаяся в Европе в 1663 г. и поразившая в начале нидерландские города Амстердам и Роттердам (9 тысяч умерших), в 1664 г. вылилась в мощную эпидемию, которая в одном только Амстердаме унесла 24 148 жизней (14, с. 62). В обнаруженных А. П. Богдановым русских архивных материалах — донесениях политических агентов и докладах государю и Боярской

думе — за 1664-1665 гг. имеются крупные лакуны, иногда охватывающие несколько месяцев. Однако сохранившиеся документы свидетельствуют, в частности, что в конце августа 1664 г. царю и боярам было доложено сообщение из Гамбурга (от 12 июля), что «в Амстердаме мор великий против прежнего, помирают на неделю болши по сту человек» (6, л. 1).

«С голландскими купцами, — писал шведский комиссар Адольф Эберс в донесении из России от 1 декабря, — обращение самое суровое». И в следующем донесении пояснил: «Так как в Голландии свирепствовали заразные болезни, то голландцев далее Вологды не пускали и там их товары проветривали». Даже послу Генеральных штатов довольно долго отказывали в аудиенции и принятии верительных грамот. На две недели по карантинным соображениям был задержан и прием голландского великого посольства, прибывшего в Москву 10 января 1665 г. (55, № 5, с. 101-102).

Строгость введенных в 1664 г. карантинных мер против Амстердамской чумы подтверждается резолюцией Алмаза Иванова на грамоте псковского воеводы князя Ф. Г. Ромодановского (от 18 февраля 1665 г.). Думный посольский дьяк подтвердил распоряжение: «про которые государства будет ведомо, что в том государстве моровое поветрие, и ис того государства какова чину люди приедут, не отписывая к Москве не пропускать!» — и категорически запретил прием приезжающих из Амстердама «по причине продолжающегося... морового поветрия» (1).

Не все государства своевременно приняли карантинные меры, представлявшие собой немалую помеху внешней торговле. Первой жертвой распространения эпидемии стала Англия. Обстоятельный историк лондонской чумы 1665 г. указал, что первые жизни были унесены эпидемией в самом конце ноября или начале декабря 1664 г., хотя беспокойство среди населения появилось лишь в июне следующего года (58, р. 11-12). Два спасшихся в 1665 г. лондонских врача, Ходгес и Год, единодушно отметили, что смерть 2-3-х человек в конце 1664 г. с явными симптомами чумы не взволновала англичан. Гораздо большее беспокойство, пишет Натаниэль Ходгес, вызвали осенью и зимой 1664 г. зловещие предсказания астрологов, видевших угрозу во встрече Сатурна с Юпитером 10 октября и с Марсом 12 ноября. Еще более, по его словам, устрашала людей комета, появление которой в конце 1664 г. над Лондоном, как подтверждает Винцент Год, вызвало настоящий испуг в английской столице (59, р. 116; 60, р. 102-103).

Обращение к публикуемому ниже переводу письма Энгельгардта от 23 декабря (12, с. 187-190) ясно показывает, что как царя Алексея Михайловича, так и автора не волновала ни сама по себе эпидемия в Голландии (против которой уже были приняты меры), ни только начинавшаяся чума в Лондоне (о которой почти никому не было известно). Вопрос царя и ответ Энгельгардта касались возможности появления чумы в «Русской империи», протяженная граница которой ввиду войны с Речью Посполитой не могла быть надежно перекрыта.

Энгельгардт отвечал, что просмотрев источники (три календаря), он не нашел ничего специально о России, но если уж бог посылает кару, то скорее всего всеобщую, которую и предвещают светила. Вместе с тем Энгельгардт не был бы естествоиспытателем своего времени, если бы не постарался, помимо извещения божьей кары, использовать накопленные знания для поиска «причины, притом непосредственной» предполагаемой эпидемии на Руси. Такой причиной он считает аномальные погодные явления, возвращающие автора от рассуждений о божественной воле в лоно медицины.

О причинах появления и распространения чумы в XVII веке существовало три основных мнения. Последователи Галена отрицали ее заразность, считая, что божий гнев или неблагоприятное влияние созвездий не нуждаются в особых механизмах поражения людей «черной смертью». Школа Джироламо Фракасторо учитывала распространение инфекции за счет прямых контактов с больными, с зараженными предметами и через воздух. Однако наиболее обширной была третья группа врачей, считавшая причиной эпидемий, как правило, необычные метеорологические и другие природные явления (извержения вулканов, землетрясения и т. п.) (14, с. 46-48).

Последнее учение об «эпидемической конституции» оказывало наибольшее влияние на решение вопроса о причинах возникновения болезни. Значение, придававшееся «эпидемической конституции», хорошо прослеживается в описаниях врачами знаменитой лондонской чумы 1665 г. Рассказы о необычной погоде: морозах зимы 1664-1665 гг., сухом лете, постоянном направлении ветра ИТ.п., занимают в них большее место, чем сообщения о симптомах заболеваний (59, р. 125-126; 60, р. 103, 107, 110-111). Поэтому получаемые в Москве сообщения о климатических аномалиях в различных странах Европы не могли не вызвать беспокойства русского правительства, кстати подкрепленного на-

блюдениями придворного врача об увеличении числа «острых и злокачественных заболеваний» в России. К области медицины относилась и высказанная Энгельгардтом мысль о периодичности чумных эпидемий, довольно широко распространившаяся в естествознании под влиянием постулированного ятроматематической тезиса о цикличности органических процессов и в результате попыток систематизации фактов.

Продолжая свое письмо, доктор Андреас выразил опасения относительно кометы — светила, которое в силу неясной тогда периодичности своего движения было наиболее любезно сердцам астрологов и вызвало вполне понятное беспокойство всего населения своей непредсказуемостью, яркостью, необычной формой. Появление «кометы с хвостом» в московском декабрьском небе было, разумеется, замечено: об этом писал не только Энгельгардт, но и подполковник русской службы Патрик Гордон (19, с. 54). По словам подполковника, она была видна на юго-востоке. Это перекликается с первым прогностическим письмом, в котором доктор привлекает текст античного автора Порфирия (ок. 232/3 - ок. 303/4 гг.), связывавший «склонение» кометы к востоку с появлением чумы.

В XVII в. рассуждение Порфирия об образовании в эфире под влиянием кометы «скопления жирных гуморов» отнюдь не выглядело наивным. Речь в данном случае шла не об астрологии, а о метафизике, о попытке естественнонаучного объяснения представлений о связях различных явлений. Как говорилось в 3-й главе, даже гораздо позже Феофан Прокопович, отрицавший значение астрологии, утверждал, что комета физически влияет на земную атмосферу, нарушая влагообмен, и тем самым неблагоприятно воздействует на жизнь Земли (54, с. 179, 449). Рассуждение о комете заинтересовало царя и вызвало его дальнейшие расспросы.

Суммируя сказанное, Энгельгардт вновь демонстрирует «вавилонское смешение» идеи чумы как божьей кары с чисто медицинской мыслью о возможности ее предотвращения не только «покаянием», но и полезным русским обычаем обильного употребления лука и хрена. Впрочем, последнее утверждение вкупе с перефразированной латинской пословицей «Пусть плывут в Антикиру» (перен.: «Пусть убирается, проваливается») отражает, скорее, уверенность Энгельгардта в слабой подверженности России эпидемическим заболеваниям. Эта уверенность опиралась на литературную традицию. Так, Павел Алеппский утверждал, что эпидемия 1654 г. вызвала в Москве растерянность именно потому, что здесь «не знали моровой язвы издавна». Адам Олеарий

писал в том же 1654 г.: «Что же касается Московской области и пограничных с нею, здесь вообще воздух свежий и здоровый, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях и моровых поветриях». В переведенной на русский язык космографии также говорилось, что «в Московском государстве воздух здрав... К Донской стране и на восток морового поветрия не бывает» (7; 39, с. 158; 44). К сожалению, эти и другие подобные им высказывания иностранных авторов действительности не соответствовали, а надежду на лук и хрен Энгельгардт мог питать лишь постольку, поскольку придворные врачи не привлекались к борьбе с особо опасными инфекциями.

Алексей Михайлович, как и Энгельгардт, верил в спасительную силу покаяния, однако считал, что благо государства требует более активного воздействия на господ бога. Царствование Алексея, как известно, было связано с энергичной мобилизацией внутренних «святынь» и массовой закупкой мощей и других реликвий за рубежом, обновлением старых и строительством новых храмов, монастырей и «убогих домов», книжной справой и укреплением церковной иерархии, другими мероприятиями, призванными обеспечить России «божью милость». Даже в военные походы царь отправлял не только войска, боеприпасы и подготовленных полководцев, но и ценные христианские реликвии, на которые, судя по сохранившимся письмам, возлагал немалые надежды. Но при самой искренней надежде на бога Алексей Михайлович и его придворные еще более энергично стремились «не плошать» сами. В области борьбы с эпидемиями это стремление утверждалось на двух столпах: карантинной службе и организации своевременного предупреждения об опасности занесения заразы (в реальности которой в России, очевидно, не сомневались).

Предсказание Энгельгардта лишь подтвердило заинтересовавшие царя опасения западноевропейских астрологов, оно дополняло информацию, на основании которой правительство могло проявить беспокойство и, как в случае с амстердамской чумой в 1664 г., принять карантинные меры. Влияние прогностического письма не прослеживается в оперативной документации, связанной с мерами России против распространившейся в Европе чумы. Факт использования русским правительством различных источников отражен в резолюции на грамоте из Пскова от 18 февраля 1665 г. (сообщавшей на основе «сказок» иностранцев, что эпидемия в Нидерландах окончилась до 1 сентября 1664 г.). Алмаз Иванов прямо указал воеводе: «А про галанскую землю, про город

Амстердам, подлинная ведомость есть, что моровое поветрие еще не престало (не прекратилось. - *Р. С.*) и по декабрь месяц нынешнего 173-го (1664/65) году» (1, л. 1 об.). Конкретная и проверенная разведовательно-политическая информация вызвала позже и жесткие меры против лондонской эпидемии.

Свидетель и внимательный исследователь чумы в Англии Винцент Год на основании «листочков смертности» утверждал, что первые признаки эпидемии в Лондоне стали понятны врачам не ранее начала мая 1665 г., хотя оснований для настоящей тревоги не было до конца месяца (59, р. 116-117). Другой врач — Натаниэль Ходгес — говорит об отдельных вспышках чумы в трущобах в мае и июне, не произведших большого впечатления на население, ибо это была «чума бедных» (60, р. 106). Согласно «Дневнику чумного года» Даниэля Дефо, лондонцы действительно не предвидели опасности вплоть до июня, а в современной переписке эпидемия хотя и упоминается 7 июня, но вызывает «огромный страх» только 1 июля (61, р. 139). Между тем, эпидемия развивалась довольно быстро. Вот как она представлена в «листочках смертности», сообщавших сведения за неделю (61, р. 170-171):

Таблица 6

Дата документа   Число умерших   Дата документа   Число умерших

мая 9	7	июня 6	43
16	3	13	112
23	14	20	168
30	17	27	267

Запоздалые сообщения из Лондона, попадавшие в европейские газеты, преуменьшали размах начавшейся эпидемии. Так, в известии «Из Лондона, июня в 12 день», переведенном в Москве 16 июля 1665 г., говорилось: «весть учинилася, что здесь моровое поветрие являетца, понеже на нынешней недели 17 человек умерло, да 23 человека лежораткою поветренною умерли же...» (6, л. 57).

Однако отписки русского посланника стольника В. Я. Дашкова и сопровождавшего его дьяка Д. Шипулина (и их агентов) были точнее, а главное оперативнее. 4 мая Дашков покинул Лондон, а уже 12 июня грамота из Москвы сообщала боярину и воеводе князю В. Г. Ромодановскому: «Ведомо нам учинилось, что в Лондоне

учинилось на люди моровое поветрие... И как иностранцы придут, то оных допрашивать откуда приехали, не было ли моровое поветрие там? И который там был, и товары из Архангелгорода выслать, а особливо англичан не допускать» (46, ч. 2, прилож. 31). Приехавший 25 июня в Москву английский доктор Фома Вильсон и его спутник Кеннеди были немедленно высланы за 90 верст от столицы; в 6-недельный карантин за городом попал и принявший их в своем доме товарищ Энгельгардта доктор Самуил Коллинс. Сам Дашков был 28 июня задержан на карантин во Пскове (9, с. 119; 19, с. 60).

После подтверждения сведений об особой опасности лондонской эпидемии за первыми превентивными мерами последовали более строгие. Воеводам портовых городов были отосланы подробные инструкции, полностью запрещавшие пропуск в Россию людей и товаров из зараженных районов и содержавшие специальные «вопросные статьи», по которым следовало допрашивать прямо на кораблях всех приезжих «англичан, голландцев, и амбурцев, и любчан, и иных земель». Отписка из Архангельского порта сообщает о соответствующих допросах 23 августа и 5 сентября (46, ч. 2, прилож. 31). 25 августа 1665 г., когда массовое бегство населения из Лондона уже разнесло чуму по всей Англии, в Москве была составлена официальная грамота королю Карлу II, извещавшая, что в русских портах до прекращения этой эпидемии его «подданных и торговых людей с товарами и без товаров... принимать не велено» (9, с. 119; 46, ч. 2, прилож. 31).

Своевременность этих мер засвидетельствована страшной чумой, охватившей летом 1666 г. все прирейнские торговые города, добравшейся до Дубровника и многие годы опустошавшей потом Европу (14, с. 62-63; 19, с. 73, 212; 56, с. 32). В Россию же, как бы подтверждая прогноз Энгельгардта, чума не проникла ни осенью 1665 г., ни позже. Хорошо поставленная политическая информация позволяла русскому правительству своевременно установить карантин и верно определять возможность его снятия. Примером может служить царская грамота Карлу II от 24 июня 1666 г.: «А вашим королевского величества подданным, — писал от имени царя все тот же Алмаз Иванов, — к Архангелскому городу в нынешнем лете караблям с товары из мест морового поветрия быти, и для торговли с нашими царского величества торговыми людьми смешатися, и товары у вашего королевского величества подданных купить опасно, потому что по всяким ведомостям и по печатным вестовым листам вашего королевского величества

В государстве моровое поветрие мая по 14 число не престало» (19, с. 201-202).

Сопоставляя данные писем А. Энгельгардта с тем, как интерпретировал В.Рихтер предсказание эпидемии, можно заключить, что последний усилил значение прогноза царского врача. Предсказание о «моровом поветрии» в Западной Европе для осени 1665 г. было сделано западноевропейскими астрологами. А. Энгельгардт его лишь подтвердил, интерпретировав данные прогностических календарей, о чем прямо говорит в письме 24 декабря 1664 г. Попытавшись выяснить степень опасности чумной эпидемии для России, он не нашел конкретных указаний на этот счет в календарях. Исходя из этого и других сведений, А. Энгельгардт сформулировал прогноз, состоящий в том, что нет оснований считать, что чума минует Россию, но и нет показаний, что чума непременно распространится здесь. Такое заключение внешне соотносится со строгостью русских карантинных служб, как бы внявших его предостережению о чуме, разразившейся в Европе с осени 1665 г. (позднее получившей название Лондонской), но затронувшей Россию менее, чем другие страны. В. Рихтер усилил роль прогноза Энгельгардта, приписав ему значение решающего фактора в карантинных мерах, каким он не являлся. Советские авторы К.В.Васильев и А.Е.Сегал, излагая историю пророчества А. Энгельгардта, допускают примерно те же неточности, что и В.Рихтер. Они пишут: «Когда в 1665 г. до царя Алексея Михайловича дошли слухи об эпидемии в Лондоне, он приказал жившему в то время в Москве доктору Энгельгардту составить гороскоп. Выполнив приказ, доктор ответил царю письмом на латинском языке..., что осенью во многих частях Европы большое количество людей погибнет от чумы. России же не грозит ничего особенного» (14, с. 70). В действительности же лондонская чума унесла первые жизни в конце ноября или начале декабря 1664 г., но беспокойство среди англичан появилось лишь в июне следующего года. В конце 1664 - начале 1665 г. еще не существовало понятия лондонской чумы, поэтому о ней конкретно не мог спрашивать Алексей Михайлович. Судя по первому прогностическому письму А. Энгельгардта, вопрос царем был поставлен в общем виде, примерно так: «Не будет ли чего пагубного в смысле, например, повальной болезни, которая может в будущем поразить русское государство?» Судя по имеющимся данным, вопрос царя был связан не с лондонской, а с амстердамской чумой 1664 г.

Царь не приказывал А. Энгельгардту составлять гороскоп. Точнее, мы не знаем намеренно этого, т. к. тексты царских запросов не сохранились. Однако из ответов А. Энгельгардта следует, что он пользовался тремя западноевропейскими астрологическими календарями. Для составления гороскопа необходимо было располагать астрономическим наблюдательным оборудованием или таблицами эфемерид. Ничего этого у А. Энгельгардта не было, о чем он прямо говорит во втором письме. Скорее всего, Алексей Михайлович, ставя перед А. Энгельгардтом задачу прогноза, не уточнял астрологических средств ее решения. Возможно, К. В. Васильев и А. Е. Сегал любое прогностическое суждение отождествляли со словом «гороскоп», т. е. употребили термин без понимания его точного астрологического значения.

Однако если письмо Энгельгардта не относилось к разряду функциональной информации, то встает вопрос о мотивах его заказа царем. Разобраться в них помогает второе прогностическое письмо (12, с. 190-204). В конце первого письма доктор Андреас предложил царю для подробного предсказания относительно России обратиться к «какому-либо знаменитому астрологу». Государь не изъявил такого желания. Интересовавшие его вопросы он задал самому Энгельгардту, который ответил на них обширным письмом. В подлиннике оно не датировано. В. Рихтер считает, что оба послания были закончены в один день — 23 декабря 1664 г. (46, ч. 2, с. 218). Однако в тексте самого письма изложена (повторная) просьба Энгельгардта об отпуске его со службы и упоминается, что он не получает месячный корм «уже второй месяц, а именно, в течение декабря и января». Значит, второе письмо было послано в январе-феврале. Но какого года?

Наиболее ранний документ в деле об отпуске доктора за границу датирован 7 сентября 1665 г., а подводы и проезжую грамоту в Новгород и «за свейский рубеж» он получил только 5 февраля 1666 г. (4, л. 1, 16-18). В письме упоминается о болезни И. Д. Милославского. В дневнике Гордона среди записей за сентябрь 1665 г. отмечалось, что «с тестем царя Ильей Даниловичем Милославским от сильного волнения сделался удар: во время болезни он потерял память и отчасти рассудок», так что позже, вплоть до июля 1666 г., Милославский уединенно жил с супругою в Кунцево. А в начале 1665 г. он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы выхлопотать своему шотландскому протеже чин полковника (19, с. 58, 60, 66). Все это заставляет, казалось бы, датировать второе письмо концом января 1666 г., то есть более чем на год позже первого!

Однако в письме имеется фраза, вносящая ясность в вопрос о его датировке: «в конце тысяча шестьсот шестьдесят второго года, то есть два года назад», — писал Энгельгардт. Следовательно, если автор не допустил грубой ошибки, текст датируется концом декабря 1664 или самым началом 1665 г. Подтверждение этому находим в дипломатическом донесении шведского комиссара в Москве Адольфа Эберса. По его словам, русскому посланнику В. Я. Дашкову (находившемуся в Лондоне с 24 декабря 1664 по 4 мая 1665 г.) помимо прочих дополнительных заданий «правительство поручило... привезти медика, так как служивший здесь в продолжение 10 лет доктор Энгельгардт получил отставку». Тогда же, не позднее 19 февраля 1665 г., задание привезти из Англии врача получил и полковник Афанасий Траурнихт (9, с. 119; 55, №6, с. 324). А в письме Энгельгардта сказано, что царь еще не дал «ясно выраженного повеления» о его отставке, тогда как к зиме 1666 г. таких «повелений» было уже несколько. Таким образом, документы свидетельствуют, что второе прогностическое письмо А. Энгельгардта написал в январе (скорее всего, в конце месяца) 1665 г.

Вопросы царя Алексея Михайловича легко выделяются из текста второго послания Энгельгардта (12, с. 190-204). Пронумерованные ответы показывают, что их было восемь. Прежде всего Алексей Михайлович просил растолковать ему, что представляет собой комета и каково бывает значение ее появления для дел земных? Вопрос, как видим, касался столько же метафизики, сколь и астрологии. Он будет особенно понятен, если мы представим поток сообщений о «зловещих» кометах с самыми разнообразными толкованиями, с которыми на протяжении многих лет сталкивался Алексей Михайлович. Факт появления кометы почти всегда вызывал отраженное летописями любопытство. Слушая переводы иностранных газет и «вестовых писем», царь получал одно удивительное сообщение за другим.

Возьмем для примера переводы «курантов или ведомостей». В ЦГАДА за 1664 г. материалов «ведомостей» сохранилось мало, поэтому добавим к ним данные первой половины 1665 г. (6, л. 17, 19, 38, 45, 66-67). В сохранившихся отрывках имеется сообщение от 13 апреля из Лондона, что «здесь (как и в Голландии, откуда пришла газета) паки звезда с хвостом видитца, посветляе она прежней, и видитца до света часа за 2 или поболши». 17 апреля в Гамбурге напечатали, а вскоре в Москве перевели: «Слышим зде, бытто в Берлине видели, что огонь с неба падал». 20 апреля было «великому государю чтено»: «Выпись из грамотки, которая писана

ис Киева в лето 1665-го марта в 22 день к Москве к полковнику фон Стадену от полковника от Якова Голстера. В городе Варшаве видели страшную комету, во ображение змия, голова аки орловая, около шеи как месяц четвертной с кровавою звездою. На спине великая рыба чешуя, з двумя птичьими ногами, в которой семь кровавых звезд, на заднем конце хвоста два орлих крыла, промеж чешую и крыла аки лоза и кровавая звезда. Видеть была над Киевом болши 6 недель». 7 мая «Из Аранской земли» сообщили о явлении на небеси «коруны». В конце мая получен был целый трактат о предстоящей англо-голландской войне, на близость которой указывали, якобы, две кометы, стоящие в «водном змии» и предвещавшие ужасные морские баталии. Эти же кометы изображены были на присланном из Нидерландов эстампе аналогичного содержания. Между тем, комету видели и в Москве.

Сказанного достаточно, чтобы понять желание Алексея Михайловича получить разъяснение и физического смысла кометы, и возможностей практического толкования. Первую часть вопроса Энгельгардт осветил в духе классической схоластической метафизики. Вторая же часть ответа логически двойится. Учитывая известные ему наблюдения последних трех десятков лет, доктор отметил, что комета каждый раз связана с разными несчастьями и в разных местах. Затем, хвост ее, обращенный не на конкретную точку Земли, а всегда в сторону от Солнца (!), если и может указать место несчастья, то только в трудноуловимый момент первого появления. Из этой неопределенности толкований и прогнозов (которые, надо думать, занимали Алексея Михайловича) Энгельгардт делает вывод, что «никто из астрологов, сколь бы он ни был проницателен, не может априори судить о ее (кометы) подлинном значении, разве что с помощью какой-то чудесной догадки, то есть не может ничего предсказать». В том же духе автор уверяет царя, что имеющие вскоре появиться заграничные толкования наличных в небе комет «будут одно другого поучительнее, в той мере, в какой эти авторы смогут углубиться в тайны международных дел» (12, с. 191-192).

Царю это должно было показаться убедительным. Но почему Энгельгардт принялся далее описывать способы толкования кометы? Для практических целей его текст был недостаточно полон и систематизирован. Ответ кроется, вероятно, в том, что автор уловил подлинную причину вопроса Алексея Михайловича о комете. А поняв, поспешил объяснить царю наиболее распространенные способы толкований, с помощью которых европейская

печать получала от ученых неодинаковые ответы, поэтому располагала столь разнообразными прогнозами. Зная эти приемы, царь мог с лучшим пониманием следить за логикой толкования астрологами политических и других жизненно важных событий.

Последующие вопросы царя вводят нас в круг его государственных забот. Их было множество, забот Алексея Михайловича в конце 1664 - начале 1665 г., не считая даже текущего управления. Первой из них была неутихающая война с Польшей и крымским ханом. После поражений 1659-1661 гг. в Белоруссии, Литве и на Украине, продолжение войны требовало напряжения всех сил государства. Правда, катастрофы тогда удалось избежать: ценой заключенного на безвыгодных условиях мира со шведским королем, ценой трех подряд общегосударственных наборов «даточных людей» в новую армию, расширения оружейных заводов и закупок оружия за границей. Затем следовало пополнение пустой казны медными деньгами с принудительным курсом — «финансовая катастрофа, потрясшая экономику государства» (8). Даже иностранные офицеры «скопом и заговором» требовали, да что там — и этот тихий доктор Энгельгардт трижды просил вместо медных денег серебра (19, с. 32; 37, т. 1, с. 34; т. 2, с. 227, 269-270). Солдаты, стрельцы, драгуны, казаки голодали, не в силах прокормиться на обесцененное жалование. В 1662 г. пришлось «утишать» брожение стрельцов в Новгороде, выступления в пользу голодных солдат в Пскове. Вымер от голода гарнизон Кольского острога, в армиях на западе и на юге не прекращались волнения и массовое дезертирство. Солдаты и рейтары большинством одобрили восстание народа в Москве, пошли с «чернью» в поход на Коломенское. Восстание удалось подавить, были сотни убитых, тысячи арестованных, 1200 сосланных. Это было явное свидетельство всеобщего недовольства.

Во избежание кровопролития медные деньги пришлось отменить. Но к разорению присоединился и настоящий голод. Люди тысячами бежали «от сбора даточных людей и от хлебного недороду» на Дон, в степи Приуралья и Поволжья. «В Москве, — доносил своему правительству Эберс в 1663 г., — общественное настроение дурное, там недовольны новыми налогами, слышится всюду ропот». К признакам военной катастрофы и социального взрыва примешивалась и тень дворцовой опасности, — тот же Эберс уведомлял короля, что царь находит мало поддержки у духовенства и дворянства (55, № 6, с. 314, 317). Наконец, в конце 1663 г. сам король Ян Казимир с гетманами вторгся на Украину, планируя взятие Смоленска и Брянска, поход на Москву.

Но отданные армии огромные силы и средства не пропали. Алексей Михайлович объявил тогда «царский поход». Зимой 1664 г. отважный Касогов с атаманом Серком отбил за Перекоп крымского хана, Ромодановский с регулярной армией и казаками Брюховецкого отбросил короля с огромными его потерями. В 1664 г. война вошла в последнюю стадию. С огромным напряжением последних сил обоих государств установилось кровавое равновесие. Упорные бои шли весь 1664 и следующий год на Правобережье. Под Витебском поляки нанесли поражение Хованскому, под Могилевым и Шкловым взял за него реванш Долгоруков (16, с. 47-83; 28, с. 297-299; 40, с. 510-517). Предусматривая все, что можно предусмотреть в большой войне, Алексей Михайлович понимал, что усилия многих лет могли рухнуть от случайного: внезапного мора, хлебного недорода... Это неоставляющее его беспокойство выразилось примерно в таких вопросах Энгельгардту: что он думает о предстоящих будущим летом болезнях? ничто не предвещает грядущего хлебного недорода, но не известно ли доктору каких-либо указаний на такую возможность? Энгельгардт оба раза ответил успокоительно, что болезни будут обычные, однако разнообразные: лихорадки с жаром, оспа, сыпи, дизентерия, т. е. подтвердил отсутствие в календарях указаний на чуму в России. Не обнаружил он и указаний на близящееся «бесплодие почв», а имеющиеся «оставляют место для надежды на более обильный урожай» (12, с. 194). Таким образом, доктор Андреас здесь угадал и будущее, и настроение царское.

Затем мысли Алексея Михайловича обратились на его главного неприятеля — польского короля Яна Казимира. Этот вопрос, судя по ответу Энгельгардта, царь сформулировал так: известно, что король принадлежал к ордену иезуитов и даже был кардиналом до своего избрания на престол, а сейчас, как говорят, вновь предается монашеской жизни? Последнего Энгельгардт не знал, но, как добрый советник, заметил, что король уже в возрасте и вряд ли проживет долго. Правда, в действительности Ян Казимир прожил еще достаточно, чтобы его смерть, наступившая через несколько лет, не сыграла роли в ходе войны или переговоров о мире.

Вопрос о судьбе польской короны волновал Алексея Михайловича не один год. Как известно, русская дипломатия в ходе войны упорно предлагала Речи Посполитой и Великому княжеству Литовскому кандидатуру русского царя, вступление которого на королевский престол разрешало, по мнению многих, копившиеся веками государственные противоречия. Правда, уже с

1662 г. Алексей Михайлович снял свою кандидатуру, но Россия не вышла из борьбы вокруг польской короны, в которой участвовали Швеция, Бранденбург и главные претенденты: Империя и Франция. На вопрос царя о судьбе польского престола Энгельгардт вновь отвечал исходя из известных ему политических фактов. Менее вероятным, по его мнению, было избрание австрийского ставленника (вследствие миролюбивых заявлений императора, как выяснилось позже — ложных), бранденбургского курфюрста (шансы которого снижались его протестантским вероисповеданием) или малолетнего шведского короля Карла XI (поскольку не забылись еще события недавней польско-шведской войны).

Наибольшие виды на корону, согласно рассуждению доктора Андреаса, были у польской королевы из французского рода Конде, с помощью которой шляхта могла надеяться на французские субсидии (денег для продолжения войны у Польши не было), или у «Любомира» — крупного военачальника и политического деятеля Себастьяна Любомирского, летом 1664 г. под давлением королевы осужденного сеймом «к потере достоинств, имущества и жизни» и бежавшего в Силезию (41). Московское правительство пристально следило за его бурной и успешной деятельностью по сплочению всех антикоролевских сил и организации сильной армии (6, л. 12, 17, 34, 47-49, 55, 68, 75, 78-80).

Но Энгельгардт просчитался в своих прогнозах. Прежде всего король Ян Казимир не думал умирать и не собирался отказываться от короны. Напротив того, приехавший весной 1665 г. в Россию шведский резидент Иоанн фон Лилиенталь узнал в Москве о смерти польской королевы, с которой, как ему объяснили, погибли планы Франции венчать на польский престол герцога Энгиенского (Конде) (55, № 6, с. 322). А 2 февраля 1667 г. в Бреславе скончался и Любомирский, успевший за два года нанести Яну Казимиру серьезные поражения под Ченстоховой и Монтвами, а также заключить с ним выгодное соглашение (19, с. 89; 28, с. 299). Наиболее верный прогноз принадлежал русскому дипломату А.Л. Ордину-Нащекину, считавшему, что Россия не должна помогать Любомирскому в борьбе с французским кандидатом на престол и с королем, и своевременно убедившему в этом Алексея Михайловича (16, с. 86-87; 17). На шестой вопрос царя: следует ли ожидать мира между Россией и Польшей? доктор Андреас успокоительно отвечал, что заключение мира зависит от содержания «сердца и помышления как Твоего Царского Величества, так и Короля Польского». Между тем, вопрос Алексея Михайловича имел подоплеку.

связанную с мероприятиями русского правительства по установлению мира на западных границах государства, о которых Энгельгардт, по-видимому, не был достаточно осведомлен.

Речью Посполитой были сорваны переговоры великих и полномочных послов в 1658 г., отклонены русские мирные предложения в июле и декабре 1659 г. Затем и посольство А. Л. Ордина-Нащекина в Польшу оказалось безрезультатным (1662-1663 гг.), несмотря на проявленную им готовность к большим территориальным уступкам, поскольку Ян Казимир планировал... захват Москвы (21). Однако в январе 1664 г. Алексей Михайлович, остудив ратный пыл короля, вновь отправил к нему посланника с предложением о встрече великих и полномочных послов, «чтобы благонадежный и святой мир учинить и кровь христианскую успокоить вечно на обе стороны». В ходе летних переговоров (во время которых военные действия не прекращались) царские послы проявили действительное стремление к миру, соглашаясь уступить польской стороне многие занятые русскими войсками города и уезды, всю Правобережную Украину и Динабург.

Сложность состояла в том, что Речь Посполитая не желала считаться с реальностью, требуя «вернуть» все земли, принадлежавшие Польше по грабительскому Деулинскому перемирию (заключенному после интервенции смутного времени) и Поляновскому договору (подписанному после поражения России в Смоленской войне), а также выплатить десятиmillionную контрибуцию (17, с. 56-57, 85-86; 40, с. 508-509, 517). Эти условия могли быть выполнены Алексеем Михайловичем только под угрозой полного военного разгрома. В условиях относительного равновесия сил требования польских послов попросту перечеркивали возможность политического решения конфликта. Всего этого мог не знать Энгельгардт, его ответ с оттенком добродушия — тому свидетельство. Тем не менее, он оказался близок к цели, т. к. между Россией и Польшей было заключено Андрусовское перемирие в 1667 г.

Из каких-то источников Алексей Михайлович узнал о смутном предсказании несчастья, которое в апреле 1665 г. постигнет некую персону. Царь просил доктора Андреаса ответить примерно на такой вопрос: насколько достоверны подобные предсказания судьбы знатных людей вообще и замеченное им в частности? Энгельгардт горячо высказался в пользу достоверности астрологических прогнозов, «не только по отношению к вельможам, но и для кого угодно», хотя, по его мнению, в печатных календарях истина может смягчаться — это менее точный источник, нежели

гороскоп. Врач высказал мнение, что Персоной скорее всего является польский или шведский король, «но бог знает».

Толкование доктора Андреаса оказалось неточным — ни с польским, ни со шведским королем ничего не произошло (28, с. 299; 29, с. 228). Впрочем, заблуждался не только он. Как раз в апреле было «великому государю чтено» письмо полковнику Штадену из Киева, датированное 22 марта. В нем сообщалось о ходившем на западной стороне Днепра слухе, «бутто король полской умре» (6, л. 75).

Последним, восьмым, был вопрос царя о положении «Священной Римской империи германской нации», что не случайно. Достаточно сказать, что даже судя по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным сведениям, за 6 произвольно взятых месяцев 1664 и 1665 гг. Алексей Михайлович дважды получал сведения о зловещих предсказаниях и знамениях в Империи (6, л. 3, 8, 19). Но в середине 1660-х гг. речь шла уже не о неприятных результатах конфликтов с коалициями Франции или постоянных неурядицах князей — Империя стояла на пороге нового этапа турецкой экспансии в Европе, перед лицом многолетних кровопролитных войн, которые докатятся до стен самой Вены. Отзвуки турецкого нашествия уже были слышны в Москве. Поэтому непраздным был вопрос царя в такой примерно формулировке: как доктор Андреас расценивает положение в Империи?

Несмотря на отдаленность от родной земли, доктор много и с немалым беспокойством думал о ее судьбе, собирал материалы, которые позволили бы ему проникнуть в будущее Империи. Ответ на близкий раздумьям Энгельгардта вопрос получился в письме самым обширным, больше всех вместе предыдущих ответов. В своих взглядах доктор не оригинален, и в этом ценность его письма для истории общественно-политической мысли Северной Германии во второй половине XVII в. Он опирался на традиционную концепцию четырех монархий, лежавшую в основе имперской государственной идеологии (аналогичной русской теории «Москва — Третий Рим»), но вслед за многими протестантскими проповедниками использовал ее для предсказания гибели этого государства, предсказанной (относительно Римской империи, с которой отождествляла себя империя германская) раннехристианскими пророками.

На фоне представлений о неизбежности крушения имперского здания, воспринимавшихся Энгельгардтом в рамках эсхатологической идеи мировой катастрофы, он демонстрирует значение

астрологии в идейной борьбе в Германии XVII столетия. Значительное место занимала комета 1618 г. в политической публицистике Германии периода Тридцатилетней войны. Протестантские проповедники, указывая на этот «божий перст», призывали к покаянию охваченную ужасом перед войной, чумой и голодом паству. И после окончания войны астрология прочно стояла на службе церкви: Энгельгардт демонстрирует, как священнослужители и религиозные моралисты грозили «нераскаившимся» современникам страшными карами, которые якобы предвещали небесные сферы: здесь и 800-летние циклы «великих соединений Сатурна и Юпитера» (толкуемые «как из св. писания, так и из природы самого соединения» в имевшейся у доктора диссертации голландского астролога), и кометы, являвшиеся германским императорам Карлу Великому и Карлу V, и описанные «профессором астрологии из Эрфуртской академии» комета 1652 г. и солнечное затмение 1654 г., знаменовавшие начало русско-польско-шведско-датско-пруско-германской войны (которая еще продолжалась на русско-польском фронте). И здесь же — явление, характерное для немецкой астрологии того времени — приведены выдержки из эсхатологических трактатов, изданных богословами в Бельгии, Гамбурге и «Колмогроте».

Показательным объединением эсхатологии с астрологией является и «Добавление» к письму Энгельгардта. Здесь он приводит выдержки из богословских сочинений о «пришествии христовом», а затем цитирует публицистическое «обращение Иоанна-Филиппа Гана», сочиненное «по астрологическим указаниям» об упомянутом «великом соединении Сатурна и Юпитера в созвездии Стрельца в году 1663». Именно эти зловещие предсказания упоминает Сильвестр Медведев, сообщая «от коего мужа мудра — на вопрошение великого и мудраго государя царя и великого князя Алексея Михайловича во 173-м (1664/65) году — о хотящих быти во гражданстве ответе» (50, с. 37).

Обращение глубоко осведомленного в придворной жизни Медведева (в 1664/65 гг. он служил в Приказе Тайных дел) к сочинению Энгельгардта подчеркивает уникальность этого произведения. Очевидно, что с середины 60-х до середины 80-х годов XVII в., когда Сильвестр работал над своим историко-публицистическим «Созерцанием», при дворе никто к прогностическим письмам Энгельгардта не обращался.

Содержание царских вопросов и ответов Энгельгардта показывает, с какой целью было нужно получение астрологических

прогнозов Алексею Михайловичу. Обращение государя к доктору Андреасу было одним из свидетельств его пожелания выяснить у своего врача вопрос о возможностях использования астрологического прогноза для предвидения рационально непредсказуемых событий. К этому вопросу его прямо подводили политико-астрологические предсказания, печатавшиеся в календарях и газетах. Царь спрашивал о событиях, которые могли бы, по его мнению, нарушить в ту или иную сторону сложившееся в конфликте с Польшей равновесие сил. В этом отношении письма Энгельгардта являются важным источником политической истории России 60-х годов XVII в., дополняющим оперативную военно-дипломатическую документацию в изучении политической мысли русского правительства, процесса разработки и реализации его внешнеполитического курса.

Алексей Михайлович не соблазнился сделанными дважды, в 1-м и 2-м письмах, предложениями Энгельгардта заказать «научный» прогноз будущего России или гороскоп интересующей его «персоны». Вопросы царя явно сводились к тому, чтобы выяснить степень достоверности астрологических предсказаний, установить саму возможность использования их для ориентировки в политических событиях, наконец, определить свою позицию относительно астрологической прогностики.

Возрастание интереса к ней при дворе было связано как с распространением в России системы европейских схоластических знаний, так и с политическими трудностями, когда с утратой стратегической инициативы в войне ситуация все больше выходила из-под рационального контроля. Но степень этого интереса (и тем более доверия к астрологическим прогнозам) нельзя увеличивать.

Несмотря на то, что доктор лично верил в силы астрологии, его позиция и ответы учитывали и другие обстоятельства. Признавая возможность достоверного предсказания в одних случаях, он, например, принципиально отрицал прогностику по появлению кометы, хотя она тоже являлась в глазах Энгельгардта «знаком» божественной воли для земных событий. Говоря о точности астрологического «инструментария», доктор Андреас ставил предсказания в зависимость от природных и политических явлений, на обсуждение которых постоянно переходил.

Отрыв астрологии от политической практики в письмах Энгельгардта давал Алексею Михайловичу недвусмысленный ответ на вопрос о достоверности ее прогнозов. Об этом же говорила и

«эффективность» предсказаний: практически все конкретные прогнозы Энгельгардта оказались ошибочными или неточными. Впрочем, это было неважно, поскольку они не использовались в определении политической линии московского правительства. А сам факт создания прогностических писем не выходил за рамки справок, которые представляли царю служащие Аптекарского приказа. Об этих письмах не упоминает даже С. Коллинс, подробно описывавший жизнь государева двора с 1659 по 1669 г. Медведева же привлекли не прогнозы относительно России, а публицистические тексты «Добавления», использованные в предисловии к его историко-публицистическому «Созерцанию», посвященному как раз «смуте и мятежу». Автора не волновало даже, что предсказание относилось к Германии: важен был пример связи между обличаемыми публицистом пороками и восстанием подданных; аналогичные примеры Сильвестр находил в Библии и исторических сочинениях. Все сказанное позволяет отнести прогностические сочинения в России к разряду нефункциональной, «четьей», литературы.

Создание прогностических писем не оказало сколь-нибудь заметного влияния на судьбу Энгельгардта. До приезда вызванных на его место из Англии врачей доктор должен был исполнять свои обычные обязанности в Аптекарском приказе. Сохранились рецепты доктора Андреаса от 27 января, 20 февраля, 7 и 22 марта, 15 мая и 12 августа 1665 г. (34, вып. 2, с. 292-293, 296-308). Наконец, 7 сентября из Аптекарского приказа в Посольский была направлена «память» об отпуске Энгельгардта «по ево челобитью... в свою землю... без задержанья», на которой вскоре появилась резолюция Алмаза Иванова: «По сему государеву указу изготовать проезжия». Черновик проезжей на доктора и его людей датирован 20 сентября, тут же приложена и «память» в Сибирский приказ о пожаловании доктора «на отъезд» соболями и деньгами, выпись об их получении (4, л. 1-5).

Но осенью Энгельгардт не уехал. Возможной причиной задержки был затянувшийся с июня раздел имущества с сыном Иоганном и иноземцем Елисеєм Фоглелом (4, л. 6-8). Не менее существенно и другое: согласно проезжей от 20 сентября доктор должен был ехать за границу через Тверь, Торжок и Новгород без прогонов, за свой счет, что было довольно накладно бережливому немцу. По крайней мере, дело было не в отсутствии царского «отпуска». В грамоте бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма царю Алексею Михайловичу от 7 октября 1665 г. говори-

лось, «что нам ведомо учинилось, что наш природный подданный нашего святого римского государства... уроженец Андрей Энгерт... вашего царского величества любви в службе был, и ныне от вашего царского величества любви милостиво отпущен. А понеже нам самим он наш природный подданный ныне на нашу службу надобен, и ради бы мы видели чтоб он опять к нам приехал, и мы... просим... помянутого нашего природного Андрея Энгерта совершенно отпустить милостиво и с честью со всеми ево домашними, чтобы он как скорее к нам где ему дорога ближе будет ехал». «Писано... в Келене под Спреею рекою». «А внизу у того листа припись курфистрова» (6, л. 10-11).

Эту грамоту, разумеется, испросил у курфюрста сам Энгельгардт. В Посольском приказе сохранилась запись о том, что 23 декабря 1665 г. доктор «подал лист курфистра браденбургского за печатью ево, а сказал, прислал де к нему тот лист друг ево из Риги, рижский житель, а имяни ево не сказал. А привез де тот лист к нему из Риги Ивана Фенсфедена гонец тому ныне осмой день. И до сего дня держал ево у себя для того: не знал где подать... А по осмотру переводчика Андрея Виниуса писан тот лист к великому государю» (6, л. 9).

Лестная оценка доктора курфюрстом ускорила решение дела. 16 января 1666 г. Энгельгардт получил «опасную» грамоту к князям и другим властям в Германии, отмечавшую, что он «в дохтурстве своем нам великому государю... показал службу многую, и та служба его была как есть достойного свидетелствованного дохтура. И за тое его... прямую службу и раденье мы... дохтура Андрея Энгелгарда пожаловав нашим царским жалованьем, велели его отпустить из нашего Московского государства в свою землю со всеми его людьми и животы» (6, л. 12-15).

7 февраля на челобитной доктора об отпуске ему подвод и приставов появилась, наконец, помета: «государь пожаловал, велел ему дать дватцеть подвод с саньми и с проводники». Энгельгардт все-таки отбыл «к свейскому рубежу» на государственный кошт (6, л. 16-18).

Имели ли какой-либо общественный отзыв в народе прогностические письма А. Энгельгардта? Возможно, об этом свидетельствует челобитная 1668 г. старообрядческого попа Лазаря. Лазарь укорял царя: «Имевши у себя мудрых философов, рассуждающих лице небеси и земли, и у звезд хвосты аршином измеряющих: и таковых глаголет спас лицемерных быта., и ты, государь, таковых чесных имаши, и различными брашны питаеши и благовонными

питиями напояеши, и хощеши внешними их плетухами власть свою мирну управити. Ни, ни» (35, с. 224, 250-251).

Д. О. Святский, комментируя это место, полагал, что в челобитной речь идет о Симеоне Полоцком: «Здесь явный намек на Симеона, который в своем „Венце Веры“ действительно приводит исчисления расстояний и величины планет. Симеон получал действительно яства и спасти с царского стола, как это видно из документов» (49, с. 48). Однако Симеон Полоцкий сообщает довольно традиционные сведения астрономического характера в контексте христианской наивной теории устройства мира (например, полагает, что движением небесных тел управляют ангелы, а землетрясения происходят от стенаний грешников в аду). Очевидно, Лазарь имел в виду нечто другое, связанное с советами или предречениями неких философов, скорее всего, астрологов, к которым прислушивался царь, что особенно беспокоило расколоучителя и заставляло предостерегать государя в довольно смелой форме: «Ни, ни».

Ссылка Д. О. Святского на то, что Симеон получал еду и питье с царского стола, только на первый взгляд показывает, что именно его имел в виду Лазарь. В действительности же он мог говорить о людях, которые постоянно получали «корм» из государственной казны, как, например, врачи.

Под 1490 г. в летописи отмечалась величина видимой части кометы: «хвост ея на восток з две сажени». В. К. Кузаков соотнес это свидетельство с высказыванием Лазаря, сделанным спустя почти 200 лет: «Впоследствии эти „измерения“, абсолютно бессмысленные с точки зрения церкви (вспомним „приобретение мало“ И. Волоцкого), звучали как издевательство в обращении попа Лазаря к царю в конце XVII в., возмущавшегося „мудрыми философиями“, „у звезд хвосты аршином измеряющих“» (30, с. 96-97).

Слова Лазаря можно понимать не как выражение насмешки, а в качестве метафорического обозначения исследовательского отношения к кометам. Упомянутая летописная запись конца XV в. свидетельствует, что уже тогда к наблюдению кометы пытались применить элемент научного метода в виде измерений.

Можно ли исключать, что Лазарь искренне считал, что в обязанности «мудрых философов» входили такие измерения? Ведь занимались же ими раньше серьезно, а не ради смеха, как свидетельствует летопись. Старообрядческое духовенство, возводившее традиционализм в принцип, должно было слова об измерении хвоста кометы воспринимать скорее в смысле, близком к летописному, чем в современном саркастическом.

Кого имел в виду Лазарь под «мудрыми философами», как будто бы раскрывают его последние слова перед эмоциональным «Ни, ни». Он говорит царю: «...Хощеши внешними их плетухами власть свою мирну управити».

Внешними именовались светские знания, входящие в состав семи «свободных художеств»: грамматики, логики, риторики, арифметики, геометрии, музыки и астрономии (или астрологии). Эти знания противопоставлялись комплексу церковных предметов, которые считались истинными, а все остальное — внешним и ложным, отсюда словосочетание «внешние плетухи», т. е. нецерковные домыслы. Поэтому сказанное Лазарем можно перевести так: «Хочешь нецерковными их домыслами управлять своей политикой». Лазаря тревожило не то, что царь прибегает к чьим-то советам, а то, что советы эти основаны на светских знаниях о небе и земле, о хвостатых звездах, т. е. кометах.

Эти характеристики «мудрых философов» соответствуют придворным врачам, а персонально — А. Энгельгардту, представившему царю политический прогноз в двух письмах. В обоих он говорил о появившейся в середине 1660-х гг. комете, особенно подробно во втором письме, в ответе на первый из вопросов Алексея Михайловича. Хотя о конкретном измерении хвостов комет здесь речи нет, но говорится об изменяемости их длины в зависимости от близости к Солнцу или удаленности от него: «...соответственно тому, находятся ли кометы ближе или дальше от Солнца, их хвосты становятся более вытянутыми, или же более короткими...» (12, с. 191-192). Изменяющаяся длина хвоста кометы, связанная с идеей измеримости, отраженная в письме А. Энгельгардта, могла трансформироваться в сознании Лазаря в представление о конкретном измерении с помощью аршина.

Почему Лазарь протестует против обращения царя к таким советчикам? Потому что бог предостерегал от доверия к подобного рода людям, считая их лицемерами: «...и таковых глаголет спас лицемерных быти...». А царь, вопреки божьему слову, их за честных принимает («таковых чесных имаше»).

Действительно, перед этим впервые в государственной практике была предпринята Алексеем Михайловичем попытка прибегнуть к политическому прогнозу придворного врача-астролога. Если челобитную Лазаря рассматривать в качестве общественной реакции на это событие, то в ней можно выделить те элементы прогноза, которые получили огласку в народе. Распространившийся слух, по существу, верно отражал существо дела. Слух сви-

детельствовал, что царь в целях управления государством обратился к услугам особой части придворных — «мудрым философам», деятельность которых была связана с астрологией и астрономией. О конкретном содержании даваемых государю советов почти ничего не было известно, за исключением смутных данных о кометах, о которых говорилось в обоих прогностических письмах. Из этого можно заключить, что в правительстве не делали особой тайны о факте использования услуг астролога, не видя в этом ничего особенного или зазорного, но, возможно, были приняты необходимые меры по сокрытию их политического содержания, связанного с государственной безопасностью. Не этим ли объясняется, что Сильвестр Медведев ссылается на Добавление ко второму письму А. Энгельгардта, а не на сами письма? Если допустить, что содержание писем подлежало сокрытию, то будет понятно, почему Сильвестру было позволено познакомиться только с Добавлением, как не содержащим политической информации (12, с. 200-203).

Не будучи информированным о существовании советов «мудрых философов», Лазарь тем не менее решительно против них выступил, не допуская и мысли об их полезности. Им руководила слепая вера в допустимость для государственного управления лишь традиционных средств, «осененных» церковью, и полнейшее отрицание новшеств в этой области, связанных со светскими («внешними») науками, особенно астрономией и астрологией. Лазарь в этом своем неприятии выражал точку зрения раскольников. Так, знаменитый протопоп Аввакум яростно выступал против астрономии и астрологии как подрывающих устои православия. В своем «Житии» он писал в 1-й половине 70-х гг. XVII в.: «Алманашники и звездочетцы и вси зодейщики познали Бога внешнею хитростью... Достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей и звездное течение поразумевше, а оттоле пошествоие и движение смотряху небесного круга, гадающе к людской жизни века сего настоящего... и тою мудростию своею уподобляхуся Богу, мнящиеся все знати» (22, с. 138-140).

По-видимому, из-за принятых охранных мер политическое содержание прогностических писем А. Энгельгардта не получило огласки в народе. Однако сам факт обращения царя к астрологам в целях управления государством имел известность, дойдя до старообрядческого попа Лазаря. Его реакция была обусловлена не политическим содержанием прогноза, оставшимся ему неизвестным, а общим непримиримым отношением расколоучительства к

астрономии и астрологии, стремлением предостеречь царя от влияния светского образования, подрывавшего с точки зрения церковных ортодоксов устои религии и государства.

Интерес двора к астрологической prognostике в 70-х годах выразился в переводе художественного произведения с соответствующим сюжетом. Скорее всего, в конце 70-х годов в Посольском приказе и, как считает А. М. Панченко, «не исключено, что по прямому монаршему заказу» появилась «Повесть об астрологе Мустаеддыне» (33, с. 242-258; 42, с. 178). В «Повести» астрологи Сулейман и Мустаеддын последовательно предрекали беду для Турции от соседей: «ниже коего зеленее бояться, яко московскаго и польскаго народу» (33, с. 254). Повесть является фрагментом произведения польского писателя Дамианеуса Кржиштофа «Лига послов», написанного в 1596 г. (33, с. 246). В тот период Османская империя занимала значительно большую территорию, чем теперь Турция. Ее владения и политическое влияние распространялись на Балканский полуостров, захватывая земли современных Албании, Югославии, Греции, Болгарии, Венгрии, Румынии, а также Молдавии, Крыма и некоторых прилегающих районов.

Во время написания «Лиги послов» шла австро-турецкая война 1593-1606 гг. Поэтому пророческие слова астролога Мустаеддына, сказанные казнившим его туркам, что «народ же пунощный вскоре вами владствовать учнет» (33, с. 258), естественнее тогда было бы отнести в адрес австрийцев, с которыми шла война, а не поляков или русских. Однако в «Повести» в качестве главной угрозы Турции предрекались славянские народы, а не немцы, что и оправдалось, как мы теперь знаем. Значительной оказалась роль России в освобождении Балкан от османского ига, а Крым и другие прилежащие районы вошли в состав нашего государства. Ни в конце XVI в., ни в 70-х гг. XVII в. ничто не предвещало такого финала. Уже это наводит на мысль, что польский писатель не просто придумал историю с предсказанием, а обработал реальный астрологический материал.

И действительно, в содержании «Повести» есть элементы, свидетельствующие о реальности отображенной в ней астрологической «жизни». Так, после казни Мустаеддына по приказу султана были уничтожены его приборы, наблюдательная вышка, а также сад: «его же вертоград и столп, и вся орудия повеле абие султан разорити и сокрушити, которой по се время пуст стоит» (33, с. 258). Сегодняшнему читателю из содержания «Повести» понятно, почему гнев султана был направлен на астрологическое обо-

рудование: астролога казнили, чтобы не сбылось его предсказание. Оно делалось на основе наблюдений за небесными объектами с помощью приборов, которые как бы несли ответственность за предрешение астролога, поэтому вместе с ним должны были погибнуть. Но при чем здесь сад? Зачем его было уничтожить? Дело в том, что у Мустаеддына, по-видимому, был особый сад или казался таковым. В то время, а речь идет о XVI в., астрологи, как правило, занимались и медицинской деятельностью. Врачебная астрология использовала не только показания о положении небесных тел, но опиралась на все существовавшие знания, в том числе на лечебные свойства растений. У врачей-астрологов были плантации, сады для возделывания лекарственных растений. Таким мог быть и сад Мустаеддына.

Слово «вертоград», которым назван в «Повести» его сад, в России употреблялось наряду с названиями «лечебник», «травник». В основе текста вертоградов лежат распространенные западноевропейские произведения, известные под названием «Сад здоровья». Вертограды состояли из разделов минералогического, зоологического, ботанического, дополняемых сведениями о пульсе, лихорадке, кровопускании и пр. с элементами медицинской астрологии. Именно «Прохладный вертофад» был рекомендован в 1661 г. Аптекарским приказом в качестве руководства для лечения больных.

Человеку, далекому от жизни средневековых астрологов, покажется, что к их предсказательной деятельности должно иметь отношение наблюдательное оборудование, книги, таблицы. Но не такой выглядела в глазах современников деятельность астролога. Средневековому человеку, наблюдавшему эту жизнь в непосредственной близости, медицинская и «чисто» астрологическая стороны труда придворного ятроматематика виделись в единстве. Кроме того, сам астролог был или воспринимался магом, колдуном, составлявшим волшебные снадобья, осуществлявшим гадания. Да и сами методики астрологических предречений включали в себя элементы магии, в большей или меньшей степени. Так, геомантика типа Рафлей, изложенная ок. 1579 г. псковичом Иваном Рыковым, основана на тесном сочетании интуитивно-магических актов и астрологических понятий и характеристик (53, с. 260-344).

В глазах турецкого султана и его придворных сад астролога мог в большей степени казаться волшебным, чем даже наблюдательные приборы, астрономические по своей сути, следовательно, допускавшие понимание на реальной (рациональной) основе. Сад же должен был вызывать мистическую неприязненность как

колдовское место, поэтому он был разорен и «по се время пуст стоит». Следовательно, польский автор не столько фантазировал, сколько наблюдал достаточно близко жизнь астролога или обработал такие наблюдения.

О знакомстве автора «Повести» или его информатора с астрологическим наблюдательным оборудованием свидетельствует довольно подробное его описание. «В посреди же того вертограда повеле астролог тот каменный столп поставить вышиною яко две копии (на полях — пики. — Р. С). А половина того столпа была зделана из древа зело стройно в верху каменного тако, что кругом обращался движением единого токмо самого онаго Мустаеддына-астролога, который днем и нощию смотрел на небо через трубу медную, яже зделана была чрез деревянной столп и прозор имела от низу кверху. Велел також де себе зело великих медных круглых колес в 12 сажен зделать. Их же по сем сице спаяно, что вместо складывались на образ глобуса, на коих разные оранского и персидского писем слова и небесные знаки были» (33, с. 256).

Из описания следует, что Мустаеддын возвел наблюдательную башню с обсерваторией. Сооружение имело высоту 6-7 метров, если принять длину копия (пики) в 3 или 3,5 метра. Состояло оно из двух частей: нижней — каменной башни и верхней, деревянной — собственно обсерватории. Верхнюю часть можно было вращать вокруг вертикальной оси. В ее стене был проделан вертикальный проем «от низа кверху», из чего можно заключить, что обсерватория имела полусферическое навершие. Внутри была укреплена медная труба, которая перемещалась вертикально в сделанном пазе. Благодаря такому устройству обсерватории Мустаеддын мог производить наблюдения любого участка неба. Вторым сооружением была армиллярная сфера, которая благодаря большим размерам обеспечивала хорошую точность вычисляемым угловым расстояниям между небесными объектами.

Таким образом, не только качество осуществлявшегося предсказания, но и черты реальной астрологической «жизни» в «Повести об астрологе Мустаеддыне» говорят о том, что она базировалась на конкретном астрологическом материале.

Оживление интереса к прогностической астрологии при дворе, выразившееся в переводе «Повести», совпадает со вторичным приглашением на царскую службу Андреаса Энгельгардта. В 1677 г. он вернулся на постоянное жительство в Москву, привезя с собой сына Иоганна и брата Крестьяна с женой, множество медицинских препаратов и большое количество «домашней рухляди». Летом

следующего года правительство выделило вновь поступившему в Аптекарский приказ доктору подводы для доставки из-за границы остального его имущества и книг.

Однако об астролого-прогностических занятиях А. Энгельгардта в этот период ничего не известно. Решивший прочно обосноваться в России Энгельгардт даже выписал себе карету для визитов к больным, которую и получил — вместе с большой партией медикаментов — летом 1679 г. (2, № 1196, 1212, 1293). Но долго пользоваться ею доктору Андреасу не пришлось: не позднее ноября 1680 г. он скончался в своем доме в Москве, ставшей ему (и его старшему сыну) второй родиной (2, № 1313; 5).

Письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу являются единственным достоверным свидетельством обращения государева двора XVII в. к прогностической астрологии в политических целях. Они, а также «Повесть об астрологе Мустаеддыне» показывают, что астрологическая литература в Россия воспринималась прежде всего как «четья», что политическое значение астрологической прогностики для русских государственных деятелей было второстепенным.

Библиографический список

Архивные источники

1. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА), фонд 141, опись 3, часть 7, столбец 166S г. № 23.
2. PFAZIA, ф. ИЗ, оп. 2, ч. 2.
3. РГДЦА, ф. 150, оп. 1, стлб. 1656 г. № 2.
4. РГАДА, ф. 150, оп. 1, стлб. 1656 г. № 4.
5. РГАОА, ф. 150, оп. 1, стлб. 1683 г. № 2.
6. РГАОА, ф. 155, оп. 1, стлб. 1664 г. № 2.

Литература

7. *Арсеньев Ю. В.* Описание Москвы и Московского государства. По неизданному списку Космографии конца XVII века // Записки Московского археологического института. М., 1911.
8. *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.
9. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894.4.1.
10. *Белоброва О. А.* Из истории древнерусской геральдической литературы // Труды Отдела древнерусской литературы (ГОДРЛ). Т. 37 Л., 1983.
11. *Богданов А. П.* Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики. М., 1983.

12. Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
13. Былинин В. К. Poesia docta Симеона Полоцкого // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.
14. Васильев К. В., Сегал А. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М., 1960.
15. Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России. М., 1956.
16. Галактионов Н. В. Из истории русско-польского сближения в 50-60-х годах XVII в. (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960.
17. Галактионов Н. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащекин — русский дипломат XVII века. М., 1961.
18. Голубев Н. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Т. 24. 1969.
19. Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона. М., [1892]. Ч. 2.
20. Горфункель А. Х. Андрей Белободский — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // ТОДРЛ, 1962. Т. 18.
21. Грамон А. Из истории московского похода Яна Казимира. Юрьев, 1924.
22. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.
23. Забелин И. [Е] Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. Изд. 3-е. М., 1895.
24. Звягинцев Е. А. Слободы иностранцев в Москве XVII века // Исторический журнал, 1944. № 2-3.
25. Змеев Л. Ф. Наши первые карантинны // Русский архив, М., 1888. № 2.
26. Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896.
27. Исторический очерк и обзор фойдов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век. М.; Л., 1956.
28. История Польши. Изд. 2-е. М., 1956. Т. 1.
29. История Швеции. М., 1974.
30. Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси. М., 1976.
31. Лахтин М. Ю. Медицина и врачи в Московском государстве (В допетровской Руси). М., 1906.
32. Леонид, архимандрит. К биографии Симеона Полоцкого // Древняя и Новая Россия. СПб., 1876, кн. 1. № 4.
33. Малек Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII века (из истории русско-польских литературных связей) // ТОДРЛ. Т. 25. М.; Л., 1970.
34. Материалы для истории медицины в России. СПб., 1884. Вып. 2, 3.
35. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. Т. IV, 1879.
36. Михайловский И. Н. Важнейшие труды Николая Спафария // Сборник историко-филологического общества при институте им. кн. Безбородко. Нежин., 1899. Т. II.
37. Новомбергский Н. Я. Материалы по истории медицины в России. СПб., 1905 [т. I]; 1906. Т. II.

38. *Новомбергский Н. Я.* Черты врачебной практики в Московской Руси (Культурно-исторический очерк). СПб., 1904.
39. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
40. *Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век.* М., 1955.
41. *Павлицев К. И.* Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. СПб., 1878. Т. 1-3.
42. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
43. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.
44. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1897.
45. *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2-е, М.; Л., 1947.
46. *Рихтер В.* История медицины в России. М., 1814. Ч. 1; 1820. Ч. 2; 1820. Ч. 3.
47. *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. 4. СПб., 1881.
48. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1; 1891. Т. 3.
49. *Святский Д. О.* Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. IX. М., 1966.
50. Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190,91 и 92, в них же что содеятся во граждаистве / Публ. А. А. Прозоровского // Чтения имп. Общества истории и древностей российских. М., 1894, кн. 4, отд. 2.
51. *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. М.; Л., 1953.
52. *Соболевский А. И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII веков. СПб., 1899.
53. *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40, Л., 1985.
54. *Феофан Прокопович.* Флософск! твори. Т. 2. Киев, 1980.
55. *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648-1700) // Журнал Министерства народного просвещения, 1898. № 5,6.
56. *Фрейденберг М. Н.* Дубровник и Османская империя. М., 1984.
57. *Хромов О. Р.* «Звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные» // Русская речь, 1987. № 4.
58. *A Journal of the Plague Year by Daniel Defoe.* N. Y., 1960.
59. *God Vincent.* Terrible Voice in the City. London, 1667 // Watson N. Ph. D. The Historical Sources of Defoe's Journal of the Plague Year N. Y., 1966.
60. *Hodges Nathaniel.* Loimologia: or, A Historical Account of the Plague in London in 1665: with precautionary Directions against the like. Contagion. Gohn Guincy, M. D., trans. 1720 // Watson N. Ph. D. Op. cit.
61. *Watson N. Ph. D.* The Historical Sources of Defoe's Journal of the Plague Year N. Y., 1966.

Глава 6

Астрологические предсказания судьбы Петра I как исторический миф и реальность¹

Распространено мнение, что Симеон Полоцкий (1629-1680) один или совместно с Дмитрием Ростовским (1651-1709) составил астрологическое предсказание на рождение Петра!. Ранее всего оно было высказано П. Н. Крекшиным (1684-1763) во 2-й четверти XVIII в. (19, с. 233-242; 20) и имеет распространение во всем мире до сих пор. Так, в 1985 г. Д. Уо (США) сообщалось: «Хорошо известно, что при рождении его (т. е. царя Алексея Михайловича. — Р. С.) сына Петра в 1672 г. Симеон Полоцкий составил гороскоп царевича, содержащий, между прочим, предсказание победы Петра над турками» (58, с. 204).

Историография об астрологическом предсказании на рождение Петра I начинается со статьи известного историка, академика Г. Ф. Миллера (1705-1783) (25, с. 87-105). Затем продолжается работами дореволюционных историков и публицистов Я. Я. Штелина (67), И. И. Голикова (7), митрополита Евгения (13), В. Н. Верха (1), И. П. Сахарова (47), Н. А. Полевого (35, с. 258-280; 36; 37), Н. Г. Устрялова (59), М. П. Погодина (34), архимандрита Леонида (23, с. 398), И. А. Татарского (57), Е. Ф. Шмурло (65; 66) и др. В советское время она расширилась за счет работ историков науки Д. О. Святского (48, с. 186-187; 49), Б. Е. Райкова (41), В. Г. Фесенкова (61, с. 3-25), Б. А. Воронцова-Вельяминова (6), В. К. Кузакова (22) и литературоведов Н. К. Гудзия (11), И. Ф. Голубева (9, с. 254-259), А. М. Панченко (28), А. Н. Робинсона (43, с. 177-184).

У Г. Ф. Миллера представлены многие вопросы, которые обсуждались впоследствии. Сгруппируем их в следующем порядке.

¹ в основу главы положена статья (33, с. 82-100).

1. «Пресветлая звезда»

В «Сказании» П. Н. Крекшина сообщается, что 28 (другой вариант — 11) августа 1671 г. Алексей Михайлович «соизволил совокупиться с великою государыней царицею», и у нее «зачался онный великий государь император Петр», и тогда «явилась на небе пресветлая звезда близ Марса» (20, с. 2). Далее говорится, что Симеон Полоцкий якобы эту звезду наблюдал и правильно истолковал как провозвестницу зарождения великого правителя, какового нарек именем Петр, и обо всем на следующий день доложил царю.

Г.Ф.Миллер попросил в 1771г. (Н.В.Голицын датирует его запрос 31 авг. 1771 г. (8, с. 65)) или 1775 г. (Е. Ф. Шмурло - 31 авг. 1775 г. (65, примечания, с. 122)) Петербургскую Академию наук «рассмотреть положение планет в день рождения Петра I», и, ссылаясь на академика А. И. Лексея (1740-1784), осуществлявшего ретроспекцию звездного неба, сообщил, что «пресветлой звезды» близ Марса якобы «не оказалось» (25, с. 96). Этот вывод остается достоянием современной историографии (43, с. 180), хотя в 1927 г. его опроверг Д. О. Святский (48, с. 186-187). Обратившись к фактам истории астрономии, он выяснил, что в июне 1670 г. француз Антельм, производя наблюдения в Дижоне, заметил новую звезду 3-й величины близ Лебедя. Директор Парижской обсерватории Дж. Кассини (1625-1712) в мае 1671г. наблюдал ее как яркую звезду, которая к осени перестала быть видна, однако весной 1672 г. опять появилась и светила как звезда 3-й величины, в сентябре вновь угаснув. Таким образом, скрывшись во время зачатия Петра, она появилась ко времени его рождения — 30 мая 1672 г. Следовательно, «Сказание» П. Н. Крекшина в искаженной форме донесло научный факт о появлении Новой близ Марса во время рождения Петра I.

Ко времени А. И. Лексея Новая 1670-1672 гг. угасла. Французский астроном К. Фламарион (1842-1925), писавший о судьбе этой звезды, предположил, что она превратилась в слабую звездочку S (8-9 величины) созвездия Малой Лисицы (62, с. 641).

2. Предсказание

Как следует из «Сказания» П. Н. Крекшина, придя к царю, Симеон Полоцкий якобы сказал, что царевич родится 30 мая 1672 г. Причем будет обладать следующими замечательными качествами: «И в та его лета подобных ему в монарсах не будет; и всех

бывших в России славою и делами превзойдет, вящими похва-лами ублажен имать быти, и славу к славе пристяжати имать; чудный победоносец явится, многие от меча его соседи враждующие смирит, и толикия преславные победы содеет, елико никто от предков Ваших благочестивых государей мог содеять, и страх его будет на многих; дальния страны, яко близ сущия, посетит: но свои ему много в благоденствиях помешательства учинят; многие нестроения и мятежи прекратит, многие здания на море и на суше в лета его будут созданы; злых истребит, трудолюбивых же возлюбит; насадит благочестие, идеже не бысть и покой тамо примет, и ина многая преславная деяния содеет». Затем, по словам П. Н. Крекшина, Симеон Полоцкий все это написал, «и во уверение истинное подписася». И тогда же подал царю (20, с. 3-4).

Г. Ф. Миллер, направляя письмо в Академию наук, имел целью и верификацию предсказания. О ретроспективном гороскопе Петра I, составленном А. И. Лекселем, он подробно не говорит, но делает общее положительное заключение: «...Все тогда бывшее планет течение вообще явилось такое, что астрологи весьма благополучное из того предзнаменование взять должныствовали» (25, с. 96-97).

Несколько трансформировав изложение Г. Ф. Миллера, Я. Я. Штелин (67, с. 511-523) и И. И. Голиков (7, с. 131-136) сделали вопрос о предсказании на рождение Петра I достоянием широких кругов. В начале XIX в. митрополит Евгений указал на недостоверность приводимых ими сведений (13, т. 1, с. 137; т. 2, с. 218). В. Н. Берх со ссылкой на Евгения отмечал, что «ороскопические предсказания» Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского — «это пустая баснь, опровергаемая жизнеописанием помянутых мужей» (1, с. 265). И. П. Сахаров считал, что предсказания не существовало: «Мы решительно уверены, что было не предсказание, а слух, распушенный позже» (47, с. 118). Н. А. Полевой, опираясь на новые, опубликованные в 1824 г. данные о ретроспективном гороскопе Петра I, заключил, что предсказание имело место в действительности (35, с. 258-280; 37, с. 7-10).

Мнения разделились. Одни авторы склонялись к мысли о мнимости прогноза, его фабрикации восторженными и страстными поклонниками Петровских реформ в 40-е гг. XVIII в. (17, с. 37). Н. Г. Устрялов заключил, что прогностические толкования на рождение Петра являются позднейшими преданиями, которые «частию маловажны, частию невероятны, и тем более сомнительны, что источником их служат сказания Крекшина» (59, с. 10).

Другие авторы продолжали считать, что предсказание было осуществлено в связи с рождением Петра, и атрибутировали его чаще всего Симеону Полоцкому (6, с. 38; 22, с. 107; 23, с. 398; 34, с. 6-7; 41, с. 45-47; 43, с. 177-184; 49, ч. III, с. 42-47; 57, с. 126-128; 61, с. 5).

3. Ретроспективный гороскоп Петра I, составленный А. И. Лекселем

Факт составления А. И. Лекселем гороскопа Петра вместе с выводом Г. Ф. Миллера о подтверждении им положительного результата предсказания получил распространение в дворянской историографии в качестве доказательства астрологического исследования судьбы будущего императора. Однако И. П. Сахаров, усомнившись в надежности такого доказательства, поставил в 1841 г. вопрос о разыскании данных А. И. Лекселя и их сопоставлении с новыми наблюдениями (47, с. 119). Уже в следующем году такая возможность представилась. Гороскопические материалы, приписываемые А. И. Лекселю, были обнаружены среди документов Г. Ф. Миллера, поступивших в Московский архив Министерства иностранных дел. Издатель «Москвитянина», известный историк М. П. Погодин, получил их от директора этого архива кн. М. А. Оболенского и опубликовал в своем журнале (10, с. 58-76). Почти одновременно в другом журнале — «Русском вестнике» — были напечатаны аналогичные материалы, частично прокомментированные Н. А. Полевым (35, с. 258-280). Натальная карта с вспомогательной таблицей воспроизводилась на вклейке в конце книги № 2 «Русского вестника» за 1842 г. От кого они были получены, не сообщалось.

Третий раз гороскопическая схема Петра I была опубликована в советское время Д. О. Святским. В нее он внес некоторые дополнения: занумеровал «астрологические дома» и включил в X «дом» Новую 1670-1672 гг. («пресветлую звезду» «Сказания» П.Н.Крекшина (49, ч. III, с. 44)). Полного анализа гороскопа он не сделал. Следовательно, до сих пор не осуществилась мысль И. П. Сахарова о доисследовании лекселевских астрологических материалов.

4. Письмо Иоанна Гревйуса из Утрехта от 9 апреля 1673 г.

Латинский текст письма и его русский перевод воспроизвел впервые Г.Ф.Миллер (25, с.94-95). Нидерландский посланник Николай Гейнзиус написал голландскому ученому И. Гревйусу 1 июля 1672 г. о проводимых в Москве астрологических наблюде-

ниях в связи с рождением царевича Петра. И. Гревийус ответил, что голландские астрологи также составили и записали предсказание о Петре Алексеевиче («новорожденный младенец будет государь к войне склонный, славный и неприятелям страшный»). Впоследствии это письмо неоднократно воспроизводилось многими авторами в качестве свидетельства астрологических рассуждений судьбы новорожденного Петра в России и за рубежом.

Однако Н. Г. Устрялов установил, что Н. Гейнзиус находился в России с 1 октября 1669 г. по август 1670 г., а в 1672 г. он жил в Бремене, поэтому не был свидетелем рождения Петра и не мог писать И. Гревийусу 1 июля 1672 г. из Москвы о предсказании. На этом основании Н. Г. Устрялов заключил, что «письмо Гревия есть без сомнения выдумка Штелина» (59, с. 253, примеч.). Возражая ему, М. П. Погодин изложил ситуацию, при которой письмо могло быть подлинным. Возможно, Н. Гейнзиус писал И. Гревийусу не из Москвы, а из Бремена, получив известие о предсказании на рождение Петра от какого-то московского корреспондента (34, с. 229-231). И это в случае, если этот корреспондент отправил известие сразу после рождения Петра 30 мая 1672 г. и если письмо дошло из Москвы в Бремен за месяц. А не на крещение 29 июня, как считает А. Н. Робинсон (43, с. 181), т. к. в таком случае на получение известия в Бремене из Москвы и написание письма, датированного 1 июля 1672 г., приходится всего один день, что невозможно.

5. Вирши на крещение Петра с астрологическими мотивами

О виршах на крещение Петра I с астрологическими мотивами не упоминают Г. Ф. Миллер, Я. Я. Штелин, И. И. Голиков. В анонимных изданиях сочинения П. Н. Крекшина их также нет. Первые вирши были воспроизведены И. П. Сахаровым по «противеню», составленному на основе двух списков, являвшихся копиями первого тома произведения П. Н. Крекшина, поднесенного последним в 1742 г. имп. Елизавете (47). Через сто лет, в 1842 г., стихотворение воспроизвел Н. А. Полевой. Касаясь его атрибуции П. Н. Крекшиным Симеону Полоцкому и Епифанию Греку, он предположительно последнего отождествлял с Епифанием Славинецким (35, с. 269).

В 1876 г. Леонид опубликовал новый вариант прогностического стихотворения по списку «рукописного летописца., продолженного до 1705 года» (23, с. 398). Как и первый вариант, стихотворный про-

гноз трактовался в качестве поднесенного Алексею Михайловичу во время крещения Петра, но одним только Симеоном Полоцким, т. е. без участия Епифания Грека. Второй вариант неоднократно воспроизводился (фрагментарно) И. А. Татарским (57, с. 126-127), Б. Е. Райковым (41, с. 47), Д. О. Святским (49, ч. III, с. 45), Н. К. Гудзием (11, с. 503). В 1969 г. И. Ф. Голубев опубликовал новый список второго варианта стихотворения по конволюту XVII-XVIII вв. Гос. архива Калининской области № 1752 с указанием разночтений по списку Леонида (9, с. 258-259). И. Ф. Голубев датирует внесение виршей в сборник временем между 20 мая и 3 июня 1712 г., но не указывает филигрانی бумаги, что могло подкрепить его выводы. Вирши, как и в первом варианте, атрибутируются двум лицам: Симеону Полоцкому и Епифанию Греку, которого И. Ф. Голубев считает «без сомнения» Епифанием Славинецким, не приводя прямых доказательств. А. М. Панченко полагает такое отождествление допустимым (28, с. 176), А. Н. Робинсон очевидным (43, с. 180).

Прогностическая часть стихотворения воспроизводится ниже в обоих вариантах:

1-й вариант	2-й вариант
И ты, планета, Аррис и Зевс	И ты, планете Аррис'и Зевес
веселися,	веселися,
В ваше бо сияние царевич родис'я.	Во^ иаше бо сияние царевич
Четвероугольный аспект	родися.
произведе,	Четвероугоный аспект' произыде.
Яко царевич царствовать имать,	Царевич царствовать во вся*
И четвероконечие планеты зная	прииде.
прославляет,	Четвероконечный^ зная
Яко четверьми части морь	проявляет,
обладает	Яко четырьми^ частями мира
От бога семь планет естествоно	обладает
дадеся,	От бога семь планет естествоно'
Лучший бо прочих в действе	дадеся,
обретется;	Лучши бо прочих планет в действе
Храбрость и богатство на них	обретется.
почивает	Храбрость, богатство, слава на ней
И на главу цесарский венец	поживает,
возлагает (47, с. 12)	и на главу царский^ венец
	полагает (9, с. 259).

У Леонида (23, с. 398): ' Арес.' — в. ' Во четвертоугольный аспект. * своя.' четвероконечное.' четырма.' сей планете естество. ® главе царской.

Астрологическое значение стихотворения одними авторами расценивается как высокое. Леонид, отождествляя вирши с гороскопом Петра I, утверждал, «что многие черты сего гороскопа сбылись впоследствии» (23, с. 398). В таком же духе, основываясь на характеристике Леонида, писал И. А. Татарский (57, с. 126-127). Воспроизведя отрывок стихотворения, Б.Е.Райков заключал: «Отсюда видно, что Симеон Полоцкий действительно составил гороскоп новорожденного царевича» (41, с. 43). Д. О. Святский отмечал, «что вирши обладают определенными гороскопическими подробностями» (49, ч. II, с.46). А.Н.Робинсон оценивает стихотворение как первое в России поэтическое описание гороскопа (43, с. 182).

Некоторые авторы не придавали большого значения астрологии виршей. Так, Л. Н. Майков характеризовал их как «стихотворное поздравление царю» (24, с.40). Н.К.Гудзий рассматривал вирши как образец стихотворных панегириков западноевропейского типа, отдающий «трафаретными выражениями лести и гиперболической патетики» (11, с. 504). И. Ф. Голубев солидаризировался с Н. К. Гудзием (9, с. 256). А. М. Панченко охарактеризовал жанр стихотворения как «генетлиакон», признаком которого было всяческое восхваление новорожденного и его родителей с предсказанием необыкновенно завидной судьбы. Астрологическая тема этим жанром предусматривалась как необходимая; название — «генетлиакис» — означало звездочета, предсказывающего судьбу по звездам при рождении человека (28, с. 179-180).

Итак, по рассмотренным вопросам существуют диаметрально противоположные мнения. Одни авторы считают, что «пресветлой звезды» не было. Тогда как в действительности она была. Одни утверждают, что предсказание на рождение Петра было сделано московскими астрологами, другие отрицают это. Одни удовлетворены анализом составленного А. И. Лекселем ретроспективного гороскопа Петра I, другие — нет. Одни считают письмо И. Гревюса важным историческим источником, другие — позднейшей выдумкой. Одни рассматривают вирши с предсказательными мотивами как гороскопический документ, другие — как образец панегирической поэзии.

Историографический анализ свидетельствует о неуклонном повышении требований к достоверности и надежности соответствующих прогностических материалов, в результате чего историки перестали их рассматривать в качестве источников, заслужи-

вающих доверия и внимания. Е. Ф. Шмурло подвел итог бесперспективности изучения проблемы предсказания на рождение Петра I методами, которыми располагала дореволюционная историческая наука (65, примеч. с. 53-54).

В советское время наука стала интенсивнее обогащаться новыми источниковедческими приемами анализа документов, в том числе основанными на использовании данных истории математического естествознания и литературоведения. Применение этих методов выявило в «глухом» материале П. Н. Крекшина дополнительные блестящие истины. Так, вопрос о «пресветлой звезде», получивший в историографии твердую отрицательную оценку, приобрел бесспорно положительное решение в связи с использованием историко-астрономических данных о наблюдениях Новой звезды 1670-1672 гг. Прогностическое стихотворение, приписываемое Симеону Полоцкому, на основе приемов анализа стихосложения стало относиться к жанру придворной панегирической поэзии.

Однако до сих пор три направления (историческое, историко-научное и литературоведческое) в изучении проблемы предсказания на рождение Петра I не слились воедино. Причиной является отсутствие общей точки зрения на цели исследования у специалистов гуманитарных и естественнонаучных областей знания. Так, Н. А. Полевой безуспешно обращался к нескольким астрономам с просьбой прокомментировать гороскоп Петра I, но «они ничего не могли нам изъяснить» (35, с. 278). М. И. Погодин делал аналогичный запрос известному математику и астроному (впоследствии академику) Д. И. Перевошикову, но вместо анализа существа гороскопа получил очерк по истории астрономии (10, с. 67-76).

Отсутствие органичного творческого сотрудничества между представителями указанных направлений привело к тому, что гуманитарии некритично ориентировались на нуждавшиеся в уточнении трактовки, приводящиеся, например, в книге Б. Е. Райкова (41). И даже пытались толковать астрономо-астрологические понятия, исходя из собственных представлений. Что из этого получается, видно на примере объяснения понятия квадратуры И. Ф. Голубевым («астрологический четырехугольник, образуемый планетами» (9, с. 271)). Так как речь идет о Марсе и Юпитере, то такое определение неудачно, ибо две планеты не могут образовать четырехугольник.

Отсутствие взаимопонимания между гуманитариями и естествоиспытателями приводило к существенным сбоям в изучении

проблемы. Так, Г. Ф. Миллер в запросе, направленном Петербургской Академии наук о воссоздании астрологической картины расположения небесных светил на время зачатия и рождения Петра I, просил выяснить, не была ли эта констелляция чем-то необычна или особенна. Текст запроса Г. Ф. Миллера на немецком языке опубликован (65, примеч., с. 122). Тем не менее, Г. Ф. Миллер заявил, что А. И. Лексель не обнаружил «пресветлой звезды близ Марса по таблицам и по исчислению» (25, с. 96). Однако в письме такая частная задача не ставилась, поэтому А. И. Лексель ее просто не решал, т. е. не искал «по таблицам и исчислению» этой звезды. Впоследствии это было сделано К. Фламмарионом, чьи данные использовал Д. О. Святский, о чем говорилось выше. Соответствующие расчеты были вполне по силам А. И. Лекселю, прославленному астроному, вычислившему орбиту кометы, названной в его честь кометой Лекселя, и доказавшему, что открытый в 1781 г. В. Гершелем Уран — планета, а не комета, как считалось первоначально (16, с. 81). Рассогласованность между Г. Ф. Миллером и А. И. Лекселем привела к тому, что научный факт о наблюдении Новой 1670-1672 гг. стал рассматриваться в качестве вымысла П. Н. Крекшина.

Представители точных наук, не обладая навыками в области критики исторических источников, проявляли к ним и распространенным в историографии положениям излишнее доверие, подводящее к корректировке «под них» историко-научных фактов. Например, в прогностическом стихотворении, приписываемом Симеону Полоцкому, говорится, что Марс и Юпитер находились в момент рождения Петра в квадратуре, тогда как по гороскопу Петра I они были в оппозиции. Квадратура — расположение планет, видимых с Земли (условно принимаемой за точку) под углом 90° (аспект в 90°); оппозиция — расположение планет по разные стороны от Земли на одной прямой, проходящей через нее, т. е. видимых под углом 180° (аспект в 180°). Это несоответствие заметил Д. О. Святский. Но вместо того, чтобы сделать очевидный вывод о том, что стихотворение не имеет гороскопического смысла, заявил противное, допуская, что Симеон Полоцкий мог иметь в виду положение Марса и Юпитера в квадратуре не между собой, а с Солнцем. В таком случае выводы о выдающихся качествах Петра I будут астрологически обоснованными. Однако в стихотворении Солнце совершенно не упоминается (49, ч. III, с. 43-47). Поэтому попытка Д. О. Святского «выручить» Симеона Полоцкого как астролога — не что иное, как ненужная «любезность», иска-

жающая существо дела. Находясь в плену предвзятого мнения об астрологических занятиях Симеона Полоцкого, Д. О. Святский стремился согласовать с этим данные А. И. Лексея, но «концы с концами» не сходились. Изложение вопроса оказалось противоречивым. На спорах Д. О. Святский соглашался, что Симеон Полоцкий был квалифицированным астрологом, но астрологическое содержание стихотворения противоречило такому заключению. Следует иметь в виду, что рукопись Д. О. Святского была напечатана посмертно, примерно через четверть века после ее написания. В опубликованном виде она предстает недостаточно завершенной. В текст для печати автор, возможно, внес бы изменения, более определенно отражающие его отношение к прогностическому стихотворению.

В советском источниковедении успешно применяются методы точных наук (математики, астрономии, физики и др.). Теоретически осмыслен процесс обогащения и расширения этого направления за счет исследований по истории науки (64, с. 45-46). При Научном Совете по истории мировой культуры АН СССР работает группа по изучению естественнонаучных представлений (в составе Секции истории культуры Древней Руси). В ее задачи, в частности, входит разработка источниковедческих подходов на базе знаний из области средневековой «науки», включая ее «сокровенный» аспект (астрологию, мантику и пр.) (50, с. 4-11). Указанному вопросу посвящалось расширенное заседание названной группы и Секции истории отечественной науки и техники Советского национального объединения историков и философов естествознания и техники при АН СССР (СНОИЕТ) по проблеме «Сокровенные знания и отреченные книги древней Руси» в рамках XXVII пленума СНОИЕТ (декабрь 1981 г.). Обзор докладов опубликован в журнале «Советские архивы», 1982, № 3, с. 89.

Исследование проблемы предсказания на рождение Петра I, результаты которого приводятся далее, основано на указанном источниковедческом подходе, в содержание которого также входит воссоздание «поля» астрологических представлений в России последней трети XVII в. и рассмотрение в нем изучаемых вопросов.

Примерно с 50-60-х гг. XVII в. в России можно выделить несколько уровней астрологической «культуры». «Естественнонаучный» уровень отражал знания наиболее подготовленных в области астрологии специалистов. В их состав входили придворные врачи; они имели университетскую медицинскую подготовку, включавшую знания по врачебной астрологии (ятроматематике)

(51, с. 105-111; 52, с. 76-84). Профессиональный уровень представителей этой группы характеризуют написанные ими на царской службе астрологические произведения, каковых от указанного времени сохранилось три. Из них два принадлежат Личюфинусу Богдановичу (1657) и С. Коллинсу (1664) о кровопусканиях (30, с. 95-97; 2, с. 204-208). Третье имеет вид писем, подготовленных А. Энгельгардтом (кон. 1664 - нач. 1665) на запросы царя Алексея Михайловича о прогнозе на 1665 г. По-видимому, составление годичного прогноза было единичным событием и не входило в обычные обязанности врачей-астрологов. А. Энгельгардт в астрологическом отчете признает, что делает предварительные заключения по данным западноевропейских календарей, т. к. для более точных выводов ему нужны были бы небесный глобус, квадрант и таблицы эфемерид (3, с. 151-204). Отсюда можно сделать вывод, что в своей медицинской практике он при определении астрологически благоприятных сроков кровопусканий, приема лекарств и пр. также руководствовался готовыми данными календарей. По-видимому, такой подход был распространенным среди царских врачей, а сложные астрологические расчеты и инструментальные наблюдения светил производились редко.

«Просветительный» уровень астрологической культуры охватывал преимущественно людей гуманитарной подготовки, в основном выходцев из западнорусских областей, ранее входивших в состав Польши и Великого княжества Литовского. Астрологическое содержание стихотворных и прозаических произведений представителей этого уровня сводится к общей характеристике астрологии, ее положения среди «вызволненных» (т. е. свободных) наук («художеств»). В XVII в. на место астрономии в квадринии свободных наук (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) стала ставиться астрология. Такая замена представлена, например, в ранней польскоязычной поэзии Симеона Полоцкого 40 - нач. 50-х гг. (5, с. 246-260; 57, с. 36, 127). В написанной в 1672 г. Николаем Спафарием совместно с Петром Долговым «Книге избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», по-видимому, для обучения детей царя, также вместо астрономии указана астрология (54, с. 45-46).

Примерно с 60-х гг. стали переводиться в Посольском приказе западноевропейские календари с предсказаниями. Они также характеризуют «просветительный» уровень астрологической культуры. Ее «проводниками» на этом уровне были правительственные переводчики, по своему положению и знаниям занимав-

шие следующую ступень после врачей в условной иерархии «интеллектуалов» на царской службе.

«Потребительский» уровень астрологической культуры охватывал тех, кто ее потреблял. Названная выше литература отражает ее предназначенность для государственных нужд, включая «радение о государевом здоровье». О характере потребления астрологических знаний имеются следующие данные. Документально зафиксированы акты пускания крови царю и членам его семьи, сроки которых устанавливались в соответствии с астрологическими рекомендациями. Из второго письма А. Энгельгардта следует, что, ознакомившись с первым, царь задал ему восемь вопросов, в основном политического характера. По-видимому, информационно-политическим целям служили и переводившиеся в Посольском приказе календари. Это подтверждается астрологическими пометками кого-то из царской семьи или придворных на одном из них (29, с. 284-285).

«Потребительский» уровень также характеризует астрологическая литература в виде рукописных сборников довольно сумбурного содержания по «народной» астрологии и ятроматематических вкраплений в лечебники. Эти сведения почти не имели практического значения для обучения астрологическим расчетам и составления прогностических рекомендаций. Например, благоприятные сроки для кровопусканий и других действий указывались здесь как универсальные, годные на все времена. «Научное» же значение имели астрологические расчеты на определенный месяц и год, как в трактате С. Коллинса, т. к. картина звездного неба постоянно меняется.

Желающий научиться астрологии должен был обратиться к знающему человеку для обучения, что было чревато большими неприятностями в связи с опасностью быть обвиненным в колдовстве. Известно дело по обвинению в нем одного из царских приближенных — боярина А. С. Матвеева (1676-1677), центральным пунктом которого был мнимый акт вызова духов с помощью волшебной книги, в которой якобы текст был написан цифрами. В процессе разбирательства выяснилось, что это было наветом. Тем не менее, А. С. Матвеева осудили, хотя он упорно и достаточно убедительно защищался от обвинений в чародействе. Из материалов дела следует, что он пытался приобрести какие-то знания, возможно, в оккультизме, с помощью упомянутого Николая Спафария и царского лекаря Стефана фон Гадена (56, с. 44-89). Поэтому, надо думать, углубляться в астрологию в то время было небезопасно даже для высоких сановников.

«Критический» уровень астрологической культуры. Здесь можно выделить два типа. К одному относились представители общества, которые критиковали астрологию, как бы находясь по другую сторону от нее. Ко второму принадлежали лица, критиковавшие астрологию как бы изнутри.

К представителям первого типа относился, например, протопоп Аввакум. С его резкой критикой астрологов читатель имел возможность познакомиться в предыдущей главе настоящей книги. Д. О. Святский обратил внимание, что в содержание «Жития» Аввакума входили данные астрологии, причем довольно рутинной формы, приобретающие фантастический облик. Так, два солнечных затмения Аввакум стремился связать с гонением Нифонта, мором и событиями своей незавидной судьбы. Касаясь причин затмений, он опирался на запутанное объяснение Псевдо-Дионисия Ареопажита, каковое не имеет отношения к затмениям, а является астрологическим толкованием прямого и попятного движения пяти планет по зодиаку и их соединения с Солнцем. Далее у Аввакума идут фантазии, связанные с Луной: пять планет превращаются в пять лун, а соединением их с Солнцем делается попытка объяснить солнечные затмения. При этом, замечает Д. О. Святский, «принимается за истину даже невозможный случай приближения Луны к Солнцу со стороны востока, тогда как солнечное затмение может начаться только на западе. Таковы были познания Аввакума в астрономии, которую он ненавидел вместе с астрологией» (49, ч. III, с. 49).

К представителям критиков астрологии второго типа принадлежали автор интермедии «Астролог» и его последователи. По мнению А.С. Демина, эта дошедшая в одном списке 1737г. интермедия (в ряду других) была сочинена в последней четверти XVII или самом начале XVIII вв. кем-то из учителей южноруссов Московской духовной академии (46, с. 339-344). В оглавлении интермедии, подготовленные к изданию А. С. Деминым, атрибутированы Димитрию Ростовскому (46, с. 368).

Интермедия «Астролог» построена на незамысловатом сюжете. Выходит на сцену человек с трубой, смотрит в нее на небо и предвещает, в том числе, ясную погоду, но начинается дождь. Кинулся астролог к епанче и шапке, чтобы ими укрыться, а их украл вор, пока он в небо смотрел. Бежит за вором и попадает в яму. Приходит простой мужик и произносит монолог, в котором высмеивается глупец, высоко смотрящий, но не ведающий, что делается у него под ногами (46, с. 287-289).

В историографии эта интермедия трактуется как осуждающая астрологию с позиции православного воспитания или считающая ее просто вздором с точки зрения здравого смысла (28, с. 178).

Однако такая трактовка учитывает одну сторону — церковно-го ортодокса. Если же учесть среду просвещенного русского общества последней четверти XVII - начала XVIII вв., в котором идеи астрологии пустили корни, то интермедия «Астролог» могла восприниматься иначе. Например, как беззлобное подтрунивание над недостаточно защищенным от бед астрологом. Если некое учение завоевывает общественное признание, наступает момент, когда внутри него появляется тенденция борьбы со своими слабостями. Оценка «Астролога» с такой позиции показывает, что растущий интерес к астрологии в русском обществе соседствовал со стремлением преградить путь невежественным на нее нападкам и ее профанации. В XVI в. аналогичные процессы шли в западноевропейской «научной» астрологии, боровшейся за свою «чистоту» с «народной» астрологией и невеждами.

Сказанное подтверждает анализ «чисто» прогностических строф интермедии, каковых 16 из общего числа 31 строфы, отведенных астрологу. Почти все прорицательные суждения согласуются с событиями, происшедшими с астрологом. Слова: «Хищников много быти познаваю» подтверждаются кражей у него вещей. Попадание в яму согласуется с предсказанием: «Ученым людям будет мало чести». Одно прорицание — о ясной погоде — не сбывается. Однако ему дается примечательное объяснение — обусловленность особой прогностической судьбы астрологов: «В чюжих потребах мудрыми бывают. Сами в своей беде нечесоже знают». Это значит, что предсказывая другим, астролог добивается большего успеха, чем предсказывая себе. Здесь затрагивается актуальная по сию пору проблема влияния объективного и субъективного факторов на астрологическое суждение. Мужик-резонер выступает недобрым человеком, оставляющим в беде астролога: «Полежи в яме мало, потруждайся; Да ты извлеку, три дня дождись».

Интермедия ставит вопрос о нравственном отношении общества к деятельности астролога. Последний предстает недостаточно защищенным от грубой невежественности, которую олицетворяет мужик, и более просвещенной невежественности, судящей об успехе по выгоде, которую от своей деятельности имеет астролог.

Симпатии читателей и зрителей, сочувствующих астрологии, могли вызвать слова об общественной пользе астрологической деятельности, сказанные главным персонажем:

Изыду в люди, в мире проявлюся.
Многим на ползу пожити потщуся.
Прежих вес мой век в науках премногих,
Вем ползовати богатых, убогих.

Интермедию «Астролог» можно считать произведением, осуществляющим критику некоторых слабых сторон астрологической деятельности, но одновременно заявляющим об определенной моральной ответственности общества за них.

«Профанский» уровень астрологической культуры. Термин навеян словами А. М. Панченко: «...Профаном в астрологии выглядит Сильвестр Медведев — человек, которого научил »быть поэтом» Симеон Полоцкий» (28, с. 179). Этот уровень охватывал псевдоастрологов и их последователей, принимавших за астрологию астрологию, в которой обращение к небесным светилам выступало атрибутом магических действий. Такого рода псевдоастрологом выступает в розыскных делах Дм. Силин (1689-1690 гг.), который, забравшись на колокольню Ивана Великого в Московском Кремле, смотрел с нее на Солнце, а затем «предрекал» для кн. В. В. Голицына и Сильвестра Медведева (45, столб. 1235-1271).

Уровни астрологической культуры не были обособлены друг от друга, а глубоко проникали один в другой так, что низший — «профанский» — был присущ в определенной степени и высшему — «естественнонаучному». Выделенные уровни позволяют лучше ориентироваться в особенностях «поля» астрономических представлений России последней трети XVII в., хотя в действительности оно могло иметь более сложную структуру. Существующие данные свидетельствуют, что оно было недостаточно «сильным» для проведения гороскопических исследований, хотя полностью исключать такую возможность нельзя.

В свете изложенного кажется невероятным, чтобы Симеон Полоцкий по собственной инициативе рассчитал гороскоп Петра I и пришел к царю со своими результатами. Он мог заметить «пресветлую звезду» (как и любой другой) в момент рождения Петра и подать мысль о гороскопе, который затем составили придворные врачи. Вообще сомнительно, чтобы Симеон Полоцкий знал астрологию так, чтобы грамотно его составить. Для этого нужно быть профессионалом высокого класса, какой имел даже не каждый лейб-медик. П. Н. Крекшин указал на Симеона Полоцкого, по-видимому, по причине того, что он был автором стихотворений с астрологическим содержанием. Делать вывод, что Симеон Полоцкий

был астролог, лишь на основании стихов недостаточно. Даже если бы прогностическое стихотворение, приписываемое Симеону Полоцкому, было астрологически безупречным (что не так), то и это не значило, что поэт действительно составил гороскоп. Он мог использовать как основу гороскоп Петра профессиональных астрологов, каковыми являлись придворные врачи.

Наиболее достоверные сведения о составлении для русского государя гороскопа относятся именно к Петру I. В историографии об этом приводятся данные Д. А. Ровинским: «Петр I был тоже порядочный суевер и заказывал себе гороскопы» (44, с. 507).

Можно думать, что Петр I знакомился с элементами асфологии в процессе общего образования в детском возрасте. Так, в 1679 г. для семилетнего царевича Петра Алексеевича художником Карпом Ивановым (Золотаревым) была сделана на «александрийском листу» копия с астрономо-астрологической росписи на потолке царской столовой «12 месяцев и беги небесные против того как в столовой на подволоках написано» (5а, с. 448). Возможно, это самое раннее свидетельство ознакомления Петра с элементами астрономии и астрологии в учебных целях.

В 1683г. для 11-летнего Петра его «дядькой» Т.Н.Стрешневым из вещей скончавшегося царя Федора Алексеевича была взята «Селенография» Я. Гевелия, как свидетельствует запись, сделанная в описи его библиотеки (15, с. 130; 21, с. 214). Из предисловия русского перевода этой книги Петр мог узнать, что звездооуение (так по-древнерусски называлась астрология) «благопотребно есть на управление государства» (55, с. 88).

В правление детей Алексея Михайловича — Федора, малолетних Ивана и Петра, царевны Софьи — сохранялась прежняя традиция перевода иностранных календарей с предсказаниями. Став полноправным государем, Петр I развил эту деятельность. Среди множества русских переводов календарей с астрологическими прогнозами выделяются выполненные для Петра I в Посольском приказе: это календари Фохта на 1691, 1695 и 1696 гг., Станислава Словковича на 1696 г. и Павла Галкена на 1697 г. «Фохтов» календарь на 1699 г., по сообщению И. Г. Корба, был даже запрещен в России из-за намека на стрелецкое восстание. Петр I санкционировал издание отечественного предсказательного календаря, составленного В. Киприановым не только на основе иностранных переводов, «но и по старым московским пасхалиям, планидникам, громникам, колядникам и травникам» (4, с. 78-79). Общее наблюдение и своего рода научное редактирование при его издании

осуществлял один из ближайших сподвижников Петра просвещенный гр. Я. В. Брюс, отсюда его название — «Брюсов календарь».

Таким образом, Петр с детских лет находился в атмосфере уважения к астрологии. В связи с этим естественно его заинтересованность возможностью предвидеть свое будущее с ее помощью. В указанной связи интерес представляет отношение Петра I к магии. Данный вопрос отражен в литературе недостаточно. Однако имеющиеся в ней сведения сообщают о том, что отношение к астрологии у Петра I могло «идти в ногу» с интересом к магии. Предание о так называемом Нептуновом обществе свидетельствует, что «Петр I со своими сочленами на Сухаревой башне из любопытства занимался магией, алхимией и астрологией». Председателем Нептунова общества был адмирал Ф. Я. Лефорт. Петр I числился «первым надзирателем», Феофан Прокопович был «оратором». В число членов Общества входили генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, Я. В. Брюс, математик и астроном А. Д. Фархварсон, М. М. Голицын, А. Д. Меньшиков, Б. П. Шереметьев и др. близкие к государю советники и вельможи. По мнению И. М. Снегарева, Нептуново общество имело статус тайного, наподобие масонского (53, с. 12-16).

Данные, приводимые И. М. Снегиревым, противоречивы, следовательно, не заслуживают полного доверия. Так, Ф. Я. Лефорт умер в 1699 г., поэтому Феофан Прокопович не мог находиться одновременно с ним в Нептуновом обществе, т. к. переехал в Петербург в 1716 г. и только после этого попал в окружение Петра I. В истории русского масонства существует предание, которое перекликается с данными И. М. Снегирева о Нептуновом обществе. По этому преданию, Петр I был принят в масоны в Англии (1697 г.?). В существовавшей в конце XVII в. русской масонской ложе мастером стула якобы был Ф. Я. Лефорт, первым надзирателем — генерал и контр-адмирал Патрик Гордон, а вторым — Петр I (40, с. 88).

Примечательно, что оба предания ставят во главе Нептунова общества и масонской ложи, деятельность которых была связана с магией и астрологией, одного и того же человека — Ф. Я. Лефорта, имевшего влияние на Петра с юных лет.

Председательство Ф. Я. Лефорта в Нептуновом обществе можно, например, объяснить тем, что когда Петр I юношей стал посещать Немецкую слободу, то как раз благодаря Ф. Я. Лефорту и обогатил свои знания в области магии и астрологии. Возможно, уже тогда был составлен гороскоп Петра I, содержащий указание таких негативных черт личности, как склонность к пьянству, нетерпимость, жестокость, склонность к безнравственным поступкам и пр. (32).

В таком случае эти черты Петр I мог воспринять как фатальные для себя и поэтому не старался их решительно пресечь. Однако это только предположение, которое нуждается в обстоятельной проверке. Дело в том, что существует мнение об отсутствии документальных свидетельств о занятиях Петра I и его приближенных астрологией. Так, по этому поводу Д. О. Святский писал: «Ни в одном из памятников их эпохи нет каких-либо намеков на то, чтобы они занимались составлением гороскопов или вообще обнаружили к астрологии неравнодушие» (49, ч. III, с. 101).

Чтобы разобраться в этой истории, необходимо исследовать астрологические материалы, приписываемые А. И. Лекселю, которые выполнены с учетом реконструкции звездного неба, каким оно было во время рождения Петра I. Они известны в трех вариантах: 1) изданные М. П. Погодиным в № 1 «Москвитянина» за 1842 г. (10, с. 58-76); 2) напечатанные в № 2 «Русского вестника» за 1842 г. (35, с. 258-280); 3) включенные в работу Д. О. Святского по истории астрономии (49, с. 44). В состав материалов, изданных в 1842 г., входят гороскопическая (катальная) карта Петра I и астрологическое объяснение А. И. Лекселя. Объяснение дается в одном случае на латыни, а в другом — на русском языке, оба идентичны. Д. О. Святский привел объяснение А. И. Лекселя в изложении, со своими дополнениями.

Сопоставление данных гороскопической карты с астрологическим объяснением вскрывает следующие расхождения. Луна и Марс в гороскопической карте помещены в так называемых 8-м и 11-м астрологических «домах», в объяснении — соответственно в 9-м и 12-м. Простой опиской это считать трудно, т. к. от того, в каком «доме» находится звезда или планета, существенно зависит содержание прогностического заключения, что заставляет астрологов со вниманием относиться к заполнению натальной карты.

Вскрытое расхождение позволяет отделить хронологически друг от друга карту и астрологическое объяснение. Методики составления гороскопических карт и их астрологического анализа исторически менялись. Опубликованная карта гороскопа Петра I сопоставима с астрологической техникой, соответствующей по типу методике Региомонтана (1436-1476). Помещение Марса в 12-м «доме» отвечает современной методике В. Коха, основанной на использовании в астрологических расчетах новейших астрономо-математических данных. А. И. Лексель, занимавшийся гороскопом Петра I, был выдающимся астрономом и математиком. Не исключено, что он использовал некоторые из тех теоретических

положений, которые впоследствии стали широко применяться в астрологии. Из этого можно сделать вывод, что опубликованное объяснение к гороскопу Петра I более современно, чем гороскопическая карта. Если объяснение принадлежит А. И. Лекселю, то карта составлена, возможно, при жизни Петра I.

То, что карта и астрологическое объяснение принадлежат разным людям, также следует из освещения Г. Ф. Миллером обсуждавшегося вопроса. В письме в Академию наук он просил о проведении астрологического анализа на два положения звездного неба — зачатие и рождение Петра. В своем исследовании он заявляет, что А. И. Лексель «исчислил в оба времени бывшее тогда течение планет» (25, с. 96; 65, примечания, с. 122). Если бы гороскопическую карту и астрологическое объяснение Г. Ф. Миллер получил в комплексе документов, то он так бы не сказал, т. к. карта отражает только одно из упомянутых положений звездного неба — в момент рождения Петра. В случае присылки только объяснения (без карты), Г. Ф. Миллер мог вполне упомянуть о двух положениях, т. к. о них он просил в своем письме; в то же время из одного только астрологического объяснения неспециалисту нельзя заключить, на сколько положений звездного неба (одно или два) оно сделано.

Подтверждает незнакомство Г. Ф. Миллера в тот момент с гороскопической картой Петра I также то, что он в своей работе не использует важную информацию о часе рождения императора, которую он мог извлечь из надписи на документе. А. И. Лексель, проведя астрологические изыскания, мог отослать Г. Ф. Миллеру свое заключение без карты, справедливо полагая, что разобраться в ней может только хорошо знающий свое дело астролог. Кроме того у А. И. Лекселя вообще могло не быть расчерченной гороскопической карты, т. к. астрологи не всегда ее вычерчивают, тем более по устаревшему образцу. Следовательно, карта и астрологическое объяснение появились у Г. Ф. Миллера в разное время: сперва астрологическое заключение А. И. Лекселя, а затем более древняя гороскопическая карта на рождение Петра I, составленная лицом, знавшим латынь, скорее всего иностранцем, возможно, находившимся на русской службе.

Все три варианта надписи на гороскопической карте содержат одинаковые сведения, которые можно использовать в качестве датировочных примет. А именно: отнесение Петру титула императора и именование его Великим. Указанные «звания» Петр официально получил в октябре 1721 г. от сената (27, с. 292; 31, с. 473). Великим уже до этого неофициально именовали Петра.

Так, Н. И. Павленко указывает, что Петр дважды делал выговор гр. Ф. М. Апраксину (в 1696 и 1702 гг.) за именование его в подписях и письмах «великим» (26, с. 58). О распространенности до 1721 г. названия Петра Великим, вероятно, говорит тот факт, что в историографии это «звание» иногда связывают со стихийным процессом, а не узаконением. Так, историк XVIII в. кн. М. М. Щербатов писал: «Само собой, без указу и повеления, к имени Петра приросло наименование Великий» (65, с. 86).

Императором Петра I также называли иногда до официального провозглашения. Так, от времени пребывания Петра I в Лондоне в 1697 г. сохранилась запись одного дипломата, в которой он сообщает, что царя называли в Англии «императором России» (27, с. 60).

Поскольку в надписи на гороскопе Петра он одновременно назван и императором и Великим, то можно полагать, что карта была составлена в период, когда эти звания уже были закреплены за Петром законодательно, т. е. после октября 1721 г.

Не исключено, что рассматриваемая гороскопическая карта могла существовать при жизни Петра I, и ее заказчиком был он сам. Это подтверждается замечанием Д. А. Ровинского о том, что Петр I «заказывал себе гороскопы» (44, с. 507).

Перейдем теперь к частным особенностям в каждом варианте гороскопической карты. Раньше других напечатал карту журнал «Москвитянин». Ряд ошибок этого варианта отметил «Русский Вестник»: написание «Альдеборан» вместо «Альдебаран», «Карелла» вместо «Капелла», «Орион» вместо «а Орион», путаница в расстановке символов Льва и Тельца (причем эмблема последнего перевернута), замена символов Близнецов простым квадратом, замена символа оппозиции восьмеркой, замена в поясняющей таблице символа Венеры на символ Марса, причем перевернутый, обозначение в таблице $21^{\circ}5'$ вместо $24^{\circ}5'$; $19^{\circ}39'$ вместо $29^{\circ}39'$; $55^{\circ}44'$ вместо $54^{\circ}45'$ (42, с. 42). Последняя погрешность должна была отразиться на координатах куспидов, однако во всех трех картах они идентичны.

Есть в схеме, напечатанной в «Москвитянине», и другие ошибки. Так, один и тот же символ, соответствующий знаку Льва, употреблен и как символ Весов, и как обозначение Восходящего лунного узла, а Нисходящий лунный узел почему-то обозначен подобием греческой буквы «гамма», неотличимым от символа Овна. Остается неразгаданным смысл значка в виде перевернутой половинки звезды — под искаженным символом Девы, рядом со звездой Спика. Это необъяснимое изображение похоже на обо-

значение малоупотребительного аспекта (угловой удаленности) в 165° , но с другими элементами гороскопа он эту звезду не связывает. В пояснительной записке вместо Марса изображен Уран, открытый в 1781 г., т. е. позже астрономического толкования А. И. Лекселем гороскопа Петра I. В первой половине XIX в. эти две планеты могли изображать одинаково — в виде слабо наклоненной вправо стрелки над кружком с точкой (12, с. 27). Над таблицей, в перечне деклинаций (угловых расстояний от светила до небесного экватора), символ Венеры заменила строчная буква «q». В таблице знак секстиля (аспект в 60°) всюду заменен пятиконечной звездой, соответствующей квинтилю (аспект в 72°), тогда как в карте символ секстиля (шестиконечник) употреблен для обозначения звезд. Наряду с другими ошибками в написании названий звезд русскими буквами (напр., «Прорион» вместо «Процион») схема в «Москвитянине» — в отличие от обеих других — дает русское наименование двум звездам: Антарес назван здесь Сердцем Скорпиона (правомерность такой замены подтверждает, например, книга Ю. А. Карпенко (16, с. 56)), а Спика — Созвездием Девы.

«Русский Вестник», раскритиковавший «Москвитянина» за ошибки в карте гороскопа, также отнюдь не свободен от них. Как и в «Москвитянине», Восходящий лунный узел здесь обозначен символом Овна. Символ Девы у куспида VI «дома» заменен отдаленно сходным изображением Скорпиона. В таблице символ квадратуры (аспект в 90°) многократно заменен упрощенным символом Близнецов, тригон (аспект в 120°) отмечен неравносторонним треугольником, а секстиль — восьмиконечным изображением так называемых «фиксированных звезд». Сириус (написан через «e»). Кастор, Поллукс и Процион все показаны на разных градусах, но с одинаковым числом угловых минут — 69, что невозможно, т. к. градус содержит 60 угловых минут. Причина такого математического абсурда — непонятый символ Рака, объединяющего указанные звезды. Перерисовщик карты гороскопа, очевидно, по своей инициативе добавил к этому фантастическому числу штрих, обозначающий угловую минуту.

Если карты гороскопа и в «Москвитянине», и в «Русском Вестнике» оформлены в духе русской полиграфии первой половины XIX в. (63, с. 146-188), то схема, опубликованная Д. О. Святским, воспринимается как перерисовка с чертежа XVIII века, во многом воспроизводящая исторический вид того документа. Посреди схемы — в заголовке на латинском языке — отсутствует указание на то, что «Москва находится под $55^\circ 45'$ », и нет слова «civil» при

ссылке на юлианский стиль (оно есть в латинском тексте по центру карты гороскопа, опубликованной в «Русском вестнике», а в русском переводе — в «Москвитянине»). И в публикации Д. О. Святского символ Рака также превратился в «69» со значком угловой минуты, а символ Льва едва отличим от Восходящего лунного узла. Таким образом, все опубликованные карты гороскопа Петра I содержат ошибки, и характер этих ошибок заставляет думать, что лица, готовившие схемы к печати, не были достаточно знакомы с астрологией. Совпадая во многих деталях друг с другом, все три схемы, видимо, являются неточными копиями четвертой.

Д. О. Святского смутило полное отсутствие светил в X «доме», связанном с социальными перспективами родившегося, в связи с этим он именно сюда решил поместить Новую звезду 1670-1672 гг., вторично вспыхнувшую рядом с Марсом во время рождения Петра. Однако расчеты ставят под сомнение правомочность такой добавки в этот участок гороскопа. Хотя Д. О. Святский при этой публикации не указывает координат данной звезды, тем не менее карта гороскопа удаляет звезду от Марса в момент рождения примерно на 30'-60" по эклипике. Но момент зачатия отстоит от этого сектора намного дальше. Марс 1672 года мог оказаться у куспида X «дома» никак не раньше, чем затри месяца до рождения Петра.

Опубликованная гороскопическая карта позволяет выяснить, что же мог узнать о себе Петр I из этого гороскопа. Следствие этого — возможность убедиться, насколько соответствовали показания гороскопа фактам жизни Петра. Отнюдь не претендуя на полный анализ, вывели ряд характерных особенностей гороскопа.

Сначала рассмотрим планеты и близкие к ним по роли элементы гороскопа, начиная с наиболее астрологически сильных и кончая слабыми.

Нисходящий лунный узел в Деве характеризует несоответствие нормам и взглядам, которые утвердились в обществе, окружающем индивида.

Меркурий в Близнецах и III «доме» определяет быстроту реакций, весьма живой ум, многогранность интересов при недостаточной глубине и разбросанности, нервозность, потребность в переменах и путешествиях, очень сильное влечение к новому, одновременно изобретательность в разных сферах деятельности, оригинальность, азарт в расширении своего образования, находчивость в разговоре — особенно дискуссионного характера — с остроумием до наглости, трезвый ум (особенно в прикладных дисциплинах), большую роль братьев и сестер в судьбе индивида.

Венера в Тельце и во II «доме» награждает индивида большой общительностью, желанием поддерживать других, энтузиазмом, повышенным вниманием к внешней стороне дела, дает силу чувств с высокой страстностью и импульсивностью проявлений (как правило, в эгоистических целях), быстрые связи, неустойчивость в любви и браке из-за переменчивости к партнеру, сладострастие, тягу к плотским удовольствиям, широкое использование поддержки друзей, популярность.

Марс в Рыбах и XI «доме» стимулирует необузданность в поступках, обилие тайных врагов, обращение к тайным методам борьбы с оппозицией, многочисленные любовные авантюры, сильную, но уязвимую восприимчивость, зависимость энергетической активности от настроения, непостоянство, легкомыслие в любовных связях и браках (с большей глубиной привязанности к концу жизни), склонность к пьянству и низкой эротике, стремление к зарубежным поездкам и контактам с иностранцами, беспорядочную агрессивность, гипнотическое воздействие на толпу, ощущение себя лидером большого масштаба — с опорой на военных и на людей большой жизненной силы, побуждает к воодушевленной деятельности (часто с переоценкой своих сил и способностей), к щедрости, откровенности и демонстративности в импульсивных дружеских отношениях, разрушаемых время от времени резкими разрывами, а также провоцирует семейные разлады и несчастливые отношения с собственными детьми.

Сатурн в Овне и XII «доме» обуславливает подкрепленную волей потребность руководить другими, большие организаторские данные, своенравие, эгоизм, упрямство, критицизм, неуживчивость, быстро разгорающийся гнев, ревность, агрессивную жестокость, разрушение и саморазрушение. Сатурн в гороскопе Петра I находится на критическом градусе, усиливающим воздействие планеты.

С Луной в Стрельце и VIII «доме» связаны большая подвижность, активная физическая деятельность, влечение к дальним поездкам, импульсивность при быстрой возбудимости чувств, нервная неустойчивость с приступами депрессии, открытость до вреда себе, внезапные аффекты, неугомонность, быстрое воодушевление от новых идей и планов, легкомыслие в денежных вопросах, живая фантазия; славе содействуют поездки в чужие края. Такое положение Луны обещало индивиду иметь много детей, из которых большинство умрет в раннем возрасте.

Солнце в Близнецах и III «доме» указывает на большую подвижность ума, любознательность, кипучую энергию реформатора,

ораторские данные, оптимальное сочетание рационального и интуитивного, высокий уровень наблюдательности, склонность к анализу отношений и явлений, логике, хорошей памяти, везению в поездках, но вместе с тем и на торопливость, изменчивость, подозрительность, неуравновешенность.

Юпитер в Деве и VI «доме» способствует развитию в человеке практицизма, аналитичности с четким разделением правды и лжи, с опорой суждений на факты, отношение к верности и надежности как первостепенным достоинствам в служебных делах, но также порождает критиканство и цинизм. Следует заметить, что эта планета, которая в официальном толковании гороскопа Петра символизирует славу и несомненные успехи государства, расположена неблагоприятно: ее сила в знаке Девы мала и отрицательна; VI «дом», в котором она оказалась, для нее хуже, чем другие «дома»; кроме того. Юпитер здесь связан плохими аспектами с Восходящим лунным узлом. Солнцем и Марсом.

Теперь коснемся аспектов между светилами и другими элементами гороскопа, почти наверняка замеченных астрологами первой четверти XVIII в. Самая индивидуальная точка гороскопа — Асцендент (точка эклиптики на восточной стороне горизонта в момент рождения Петра) — очень близка Сатурну. Их конъюнкция означает высокое чувство ответственности, большую серьезность, жизненные трудности с ранних лет. Тригон между Сатурном и Луной благоприятно усиливает серьезность индивида, добавляя к ней заботливость и рачительность, и при этом указывает на главную роль собственных усилий индивида в достижении успеха, поддерживая уверенность к себе. Тригон Сатурна с куспидом V «дома» и секстиль с куспидом XI «дома» придают развлечениям и отношениям с друзьями суровый оттенок.

Квадратура между Луной и Марсом определяет быстрый и пылкий темперамент со склонностью к резким, порой необдуманным словам и поступкам, создающим множество забот и неприятностей; пренебрежение к чужим предписаниям, ограничивающим желания индивида; властолюбие; сомнительные методы для удовлетворения своих капризов; проявление бесконтрольной боязливости вперемишку с отвагой и готовностью к риску; тирания в собственной семье; стимуляция враждебности в отношении себя. Квадратура между Луной и Юпитером добавляет к этим качествам хвастовство, распыленность, несбалансированность вкусов, болезни от неумеренного потворства своим желаниям.

Оппозиция Марса и Юпитера располагает к экстремизму, гипертрофированному чувству свободы, конфликту с устоями общественного строя и уважаемыми лицами, к сопротивлению опеке, а тем более — принуждению, к своенравному упрямству, неуравновешенности в реакциях, к большой зависимости от настроения, взрывчатому темпераменту, авантюрной фантазии, к недостаточной осторожности при мгновенной возбудимости, к мятежности, импульсивности действий, к пьянству.

Оппозиция Юпитера с Восходящим лунным узлом сообщает, что этические, религиозные, воспитательные и т. п. принципы индивида противоречат сложившимся воззрениям общества.

Квадратура между Юпитером и Солнцем означает отвагу, преувеличенный оптимизм в отношении к собственным планам и беспечность в действиях, авантюризм, мятежность, выступления против устоев общества, пренебрежение к религии, неисповедность убеждений, азартные увлечения, переоценку себя, склонность к дурным привычкам, экстравагантность в общественной и деловой жизни.

Для конъюнкции Солнца с Меркурием характерны: живость мышления и острая меткость суждений, ораторские данные, успехи в поездках, талант для контактов с большими группами людей, популярность, жизнелюбие. Лучший из аспектов — тригон — связывает Меркурий с Пунктом счастья и усиливает хорошие качества этой планеты, а также конъюнкции с Солнцем, смягчая квадратуру Меркурия с Сатурном. Она, в свою очередь, располагает к злобности, подозрительности, интригам, душевной черствости, бесцеремонности, деспотизму, жестокости, цинизму, беспокойству, постоянной опасности от клеветников и тайных врагов.

Астрологи, знакомившиеся с гороскопом Петра I, наверняка обращали внимание на конъюнкции планет не только с т. н. королевскими, но и с violentными (вредоносными) звездами. Так, в конъюнкции с Венерой находился Алголь, усиливающий вспыльчивость и горячность, с куспидом II «дома» (связанного, в частности, с братьями и сестрами) — Альдебаран, вызывающий разрушительные раздоры; с куспидом V «дома» (связанного, в частности, с увлечениями и воспитанием детей) — Презепа, возбуждающая испепеляющую злобу.

Однако другие звезды в момент рождения Петра, составлявшие конъюнкцию с планетами и куспидами его гороскопа, были добрыми вестниками: Альгениб в конъюнкции с Асцендентом — почести и ораторский талант; Гиады с куспидом III «дома» — богатство.

блеск, слава (особенно в военных делах); Капелла с Солнцем — хорошие способности, протекции, популярность. Противоречивое влияние обещали две звезды: Беллатрикс (в конъюнкции с Солнцем) — успехи в ратных делах, гражданские и военные почести, хорошую память, но вместе с тем — несчастье с головой и глазами, пагубные предприятия, убытки по собственной вине, склонность к ссорам, ненависть; Антарес («Скорпионово сердце») в конъюнкции с куспидом IX «дома» — деятельную силу, успешное преодоление трудностей и в то же время — большие опасности в жизни, саморазрушение, пагубные предприятия.

Мы не коснулись здесь множества тонких и разноречивых оттенков, присущих более фундаментальной трактовке гороскопа. Приходится оставить без объяснения удивительное отсутствие планет в т. н. угловых «домах» гороскопа (I, IV, VII, X), что в астрологии принято связывать со слабой натурой индивида и пассивностью его судьбы. Угловые поля останутся пустыми, даже если сделать перерасчет куспидов, используя систему Вальтера Коха, и разместить в гороскопе планеты, открытые уже после смерти Петра I - Уран (1781 г.), Нептун (1846 г.), Плутон (1930 г.).

Проведенный анализ раскрывает, что имел в виду А. И. Лексель, когда писал о гороскопе Петра I: «Многие знаменования по правилам астрологов не только посредственные, но и зловещи» (10, с. 66). Эту сторону гороскопа Г. Ф. Миллер скрыл, изложив дело так, будто он исключительно благоприятен, что с неоправданным доверием было воспринято последующими исследователями.

Аналогичная ситуация представлена в записанном А. С. Пушкиным (со слов Н. К. Загряжской — представительницы родовой знати) случае, связанном с предсказанием судьбы имп. Ивана VI Антоновича (38, с. 169, 404). Иван VI (1740-1762) был провозглашен императором в окт. 1740 г. в младенческом возрасте. Затем, свергнутый Елизаветой, был заключен в темницу, где находился в изоляции более 20 лет, убит стражниками при попытке освобождения. Предшествовавшая ему на российском троне Анна Иоанновна якобы дала задание знаменитому математику Л. Эйлеру (1707-1783) и еще одному члену Петербургской Академии наук составить гороскоп на его рождение. Показания гороскопа оказались такими неблагоприятными, что они не осмелились его представить императрице, а послали другой, более благоприятный. Л. Эйлер сохранил первоначальный гороскоп, и когда трагическая судьба Ивана VI сбылась, показал его графу К. Г. Разумовскому. Этот рассказ перекликается с изложением Я. Я. Штелина, только у

него в качестве составителя гороскопа Ивана VI фигурирует академик Г. В. Крафт (1701-1754), к услугам которого как предсказателя якобы часто прибегала ими. Анна Иоанновна (67, с. 511-514). Оба свидетельства как бы дополняют друг друга, позволяя заключить, что безымянным академиком в рассказе Н. К. Загряжской был Г. В. Крафт. Тем не менее, нет оснований считать, что случай с предсказанием судьбы Ивана Антоновича действительно имел место. Однако ясно, что он не придуман Я. Я. Штелиным и распространялся в кругах, близких к императорскому двору.

По данным русской историографии XVIII в. и ее апологетов XIX в., зарубежные астрологи подтвердили благоприятные характеристики гороскопа, не зафиксировав отрицательных и посредственных черт. Но этого не должно было быть, т. к. гороскоп Петра I в действительности содержит последние столь ясно и в таком изобилии, что астрологи никак не могли пройти мимо них. Следовательно, за рубежом в государственных кругах должны были иметься сведения о возможных отрицательных качествах Петра I, основанные на его гороскопе.

Косвенно это подтверждается отрицательной характеристикой, которую давал Петру I молодой Фридрих II (1712-1786) в переписке с Вольтером в 1737-1738 гг.: «Он не обладал ни малейшим признаком человечности и доблести; крайне невежественный, он действовал под влиянием своих, ничем не сдерживаемых порывов. Жестокий во время мира, слабый на войне, Петр был обязан в жизни счастьем, а не уму» (66, с. 22). Е. Ф. Шмурло объяснял эти слова тем, что молодой и неопытный Фридрих II руководствовался «одними теориями и отвлеченными умозрениями» (66, с. 23). Отсюда не следует, что при такой базе суждения должны быть непременно негативными. Что-то заставляло Фридриха II первоначально давать Петру I именно отрицательную характеристику, а не положительную, как впоследствии: «Он был истинный законодатель и основатель своей монархии; он создал людей, солдат и министров; воздвиг на море силу, достойную удивления, и поставил народ свой на виду всей Европы, заставив ее признать свои редкостные таланты» (66, с. 23). Е. Ф. Шмурло столь разительную перемену в оценке Фридриха II истолковывает приобретенным им опытом по управлению государством. Однако это не объясняет, почему он раньше резко отрицательно характеризовал Петра. Не претендуя на окончательное решение, можно предположить, что неслучайность негативного отношения молодого Фридриха II к Петру I можно поставить в связь с существовавшими

МИ документальными характеристиками отрицательных черт последнего, установленными на основе его гороскопа.

Так ли это, возможно, в дальнейшем удастся установить по данным зарубежных архивов, одно ясно — представители дворянской историографии XVIII в. были очень «чувствительны» даже к нюансам отступления от официальной восторженной характеристики Петра I, обожествлявшей его. Е. Ф. Шмурло отмечает, что Г. Ф. Миллер и др. историки того времени «были заметно шокированы тем, что Вольтер посмотрел на него (Петра I. — Р. С.) просто как на человека, хотя и великого» (65, с. 59). Для такой неадекватной реакции должны были быть основания. В их число, по нашему мнению, входили существовавшие за рубежом и проникавшие в Россию данные об отрицательных прогнозах гороскопа Петра I. Вот почему в виде своеобразной контрпропаганды в дворянской историографии неестественно большое место уделялось астрологической трактовке рождения Петра I с предсказанием ему великого будущего.

Примерно такая же ситуация сохранялась в официальной исторической науке начала XIX в. Хотя стали высказываться и сомнения в добросовестности отдельных представителей исторической науки, в том числе Г. Ф. Миллера (14, с. 101). Появились голоса, осуждающие методы работы с историческими источниками в предшествующей историографии. Митрополит Евгений, а за ним В. Н. Берх, оценили как незаагуживающие доверия сведения, приводимые Я. Я. Штелиным и И. И. Голиковым о чудесных событиях Б связи с предсказаниями на рождение Петра I.

Критически попытался осмыслить роль личности Петра I и его деяний в истории России А. С. Пушкин. Он задумал «Историю Петра I» во второй половине 20-х гг. XIX в. и до самой смерти в 1837 г. над ней работал. Брат царя, вел. кн. Михаил, возмущенно говорил в 1836 г. о своей беседе с поэтом о Петре, что «Пушкин недостаточно воздаст должное Петру Великому, что его точка зрения ложна, что он рассматривает его, скорее, как сильного человека, чем как творческого гения» (60, с. 426).

Сохранившийся подготовительный текст «Истории Петра I» содержит выписки и обработку многих источников, в том числе «Деяний» И. И. Голикова, включая данные о предсказании судьбы Петра. А. С. Пушкин сделал выписку о якобы проводившихся тогда астрологических наблюдениях. Однако он не разделял восторга Г. Ф. Миллера, Я. Я. Штелина и И. И. Голикова по поводу якобы сбывшихся предсказаний. Более того, в начале своих заметок он выделил примечательную фразу: «Народ почитал Петра антихристом» (39, с. 12, 16-17).

Характеризуя работу А. С. Пушкина над «Историей Петра I», И. Л. Фейнберг правильно отметил (в связи со строгим приговором Николая I: «Сия рукопись издана быть не может...»), что трактовка им проблемы была неприемлема для официальной историографии царизма, «так как Пушкин смело осветил не только положительные, но и отрицательные стороны исторической деятельности и личности Петра I» (60, с. 426). Поэтому надо думать, хотя в выписках об этом прямо не говорится, что А. С. Пушкин мог усомниться в истинности материалов о предсказании, т. к. они односторонне, исключительно положительно освещали личность Петра I. А. С. Пушкин наряду с положительными качествами отметил присущие ему деспотические черты, склонность к насилию, жестокость, что разделяется советской наукой (18, столб. 92).

Тайну, долгие годы связанную с предсказанием на рождение Петра I, можно считать раскрытой. Она заключалась в том, что гороскоп характеризовал Петра не только как выдающуюся, но и как необузданную, жестокую личность. Эти крайне нежелательные показания официальные власти стремились скрыть, в связи с чем всячески раздували данные, составлявшие положительную часть его гороскопа.

Итак, наряду с положительными качествами личности Петра I его гороскоп содержит указание на черты, которые «не только посредственны, но и зловещи». Они в значительной степени согласуются и перекликаются с теми чертами облика монарха и его деятельностью, которые теперь хорошо известны науке на основании анализа многих исторических источников. Это обстоятельство изменяет отношение к гороскопическим материалам Петра I, показывает, что рано их списывать в архив как недостоверные. В то же время возникает вопрос о причине совпадений. Причина может заключаться в действенности самой астрологии как прогностической науки, что небезынтересно в связи с тенденциями ее реабилитации в нашей стране¹. Нельзя исключать и другую причину: влияние астрологии на сознание Петра I. Будучи воспитанным в духе уважения к астрологии, он мог сознательно или бессознательно ориентироваться на показания своего гороскопа.

¹ в июне 1989 г. в Москве учреждена Федерация инженеров СССР с научно-техническим центром «Энний», целью которого является инженерное использование нетрадиционных методов окружающего мира; в его составе действует отделение научной астрологии. См.: *Филимонова Н.* Когда Юпитер мечет молнии // *Труд*, 27 сент. 1989; *Татарина Н.* Небесные знаки // *Московская правда*, 3 февр. 1990 г.

Список литературы

1. БерхВ. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. Ч. 1. СПб., 1830.
2. Богданов А. П. О рассуждении Самуила Коллиниса // Естественнаонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
3. Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта // Естественнаонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
4. Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы//Труды Ин-та книги, документа, письма. Т. V. М.; Л., 1936.
5. БылининВ.К. Poesia docta Симеона Полоцкого // Естественнаонаучные представления Древней Руси. М., 1988.
- 5а. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883. Вып. 2.
6. Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России. М., 1956.
7. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч. 1. М., 1788.
8. Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899.
9. Голубев И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (ТОДРЛ).Т.24,Л.,1969.
10. Гороскоп Петра Великого // Москвитянин, 1842. № 1.
11. Гудзий Н. К. История древней русской литературы, 7-е изд. М., 1966.
12. Древний и новый астрономический телескоп, 1821.
13. Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, 2-е изд. СПб., 1827.
14. Елагин И. П. Опыт повествования о России. Ч. 1. М., 1803.
15. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей прежнего времени // Отечественные записки. Т. 97. СПб., 1854.
16. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М., 1981.
17. Кн. Вл. К-н. Материалы для истории Петра Великого // Отечественные записки. Т. 59,1848.
18. Корецкий В. И. Петр I // Советская историческая энциклопедия. Т. П. М., 1968.
19. КрекшинКН. О зачатии и рождении великого государя имп. Петра Первого, самодержца всероссийского // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого, изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Ч. 1. СПб., 1787.
20. Крекшин П. Н. Сказание о рождении, о воспитании и иаречении на всероссийский престол государя Петра Первого, изданное библиотекарем Василием Вороблевским. М., 1787.
21. Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века)// Книга. Исследования и материалы. Сб. VIII. М., 1963.

22. Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X-XVII вв. М., 1976.
23. Леонид, архимандрит. К биографии Симеона Полоцкого // Древняя и Новая Россия. Год второй. СПб., 1874. № 4.
24. Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889.
25. Миллер Г. Ф. Рождение государя императора Петра Великого // Опыт трудов Вольного российского собрания. Ч. 5. М., 1780.
26. Павленко Н. И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
27. Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975.
28. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
29. Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
30. Перевод с росписи доктора Льва Личюфинуса Богдановича о том, в какое время года полезно делать кровопускание посредством банок и сколько это полезно // Новомбергский И. Я. Черты врачебной практики в Московской Руси. СПб., 1904.
31. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории, 6-е изд. СПб., 1909.
32. Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. М., 1926.
33. Плужников В. И., Симонов Р. А. Гороскоп Петра I // ТОДРЛ. Л. Т. 43, 1990.
34. Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. М., 1875.
35. Полевой Н. А. Астрологические предвещения при рождении Петра Великого // Русский вестник, 1842. № 2.
36. Полевой Н. А. История Петра Великого. СПб., 1843.
37. Полевой К. А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846.
38. Пушкин А. С. Поли. собр. соч. Изд. АН СССР. Т. 12. М.; Л., 1949.
39. Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 8. М., 1962.
40. Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. / Ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Петр-д, 1916.
41. Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в СССР. Из прошлого русского естествознания. М.; Л., 1937.
42. Рец. на: Москвитин, 1842. № 1 // Русский вестник, 1842. № 2, известия и смесь.
43. Робинсон А. К. Симеон Полоцкий — астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
44. Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 4. Примечания и дополнения. СПб., 1881.
45. Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1891. Т. III.
46. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Подготовка текста А. С. Демина. М., 1972.

47. *Сахаров И. П.* Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.
48. *Святский Д. О.* Звезда Петра I // Мироведение, 1927. № 3.
49. *Святский Д. О.* Очерки истории астрономии в Древней Руси. Часть I // Историко-астрономические исследования (ИАИ). Вып. VII. М., 1961. Часть II / ИАИ. Вып. VIII. М., 1962. Часть III // ИАИ. Вып. IX. М., 1966.
50. *Симонов Р. А.* О методологии и методике изучения естественнонаучных представлений средневековой Руси // Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980.
51. *Симонов Р. А.* О чем судили и ведали люди, «зовомии математичи» // Русская речь, 1983. № 3.
52. *Симонов Р. А.* Российские придворные «математики» XVI-XVII вв. // Вопросы истории, 1986. № 1.
53. *Снегирев И. М.* Сухарева башня в Москве // Русские достопамятности (Издание А. Маргынова). Т. I. М., 1877.
54. *Спафарий Николай.* Эстетические трактаты / Подготовка текстов и вступительная статья О. А. Белобровой. Л., 1978.
55. *Соболевский А. И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII веков. СПб., 1899.
56. *Старостина Т. В.* Об опале А. С. Матвеева в связи с сыским делом 1676-1677 гг. о хранении заговорных писем // Ученые записки Карело-финского гос. университета. Т. II. Вып. I. Петрозаводск, 1848.
57. *Татарский И. А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886.
58. *Уод.К.* Текст о небесном знаменнии 1672 г. (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
59. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого, том I. СПб., 1858.
60. *Фейнберг И. Л.* История Петра I // Пушкин А. С. Собрание сочинений, том восьмой. М., 1962.
61. *Фесенков В.Г.* Очерк истории астрономии в России в XVII и XVIII столетиях // Труды Института истории естествознания АН СССР. Т. II. М.; Л., 1948.
62. *Фламарион К.* Звездное небо и его чудеса. СПб., 1899.
63. *Шицгал А. Г.* Русский гражданский шрифт 1708-1958. М., 1959.
64. *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
65. *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. I (XVIII век). СПб., 1912.
66. *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в русской литературе. СПб., 1889.
67. *Штелин Я. Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге. М., 1786.

Заключение

Астрология в России представляла собой отражение мировых процессов, происходивших в этом сложном клубке идей и представлений, восходящих к самым ранним попыткам человечества исследовать мир и найти в нем место человеку как его порождению и составной части вселенной.

В русской астрологии постоянно шел процесс обновлений, связанный с борьбой между двумя лагерями внутри нее. Один опирался на традиционные взгляды, другой на более новые. Появление астрологии на Руси связано с этим процессом. Она могла вычлестись из некоего набора языческих верований в самостоятельный клубок взглядов, не порывая с этими верованиями. В таком постоянном противостоянии лежит разделение астрологии на «народную» и «научную». Содержание «народной» астрологии на Руси в XI - начале XV вв. составляли идеи, которые не всегда воспринимались в качестве астрологических. Это могло быть по двум причинам. Одни идеи могли быть присущи языческому сознанию до появления астрологии. Другие — ко времени их усвоения на Руси — были изжиты «научной» астрологией. К первым можно отнести веру в «добрые» и «злые» часы и дни. Ко вторым — астрологические тексты гигиенического и лечебного характера, оторванные от места и времени своего возникновения и поэтому утратившие «научное» значение.

В XV в. в России появляется интерес к научным представлениям. Возникает новое явление — расчетная астрология. В ней соединились старинные национальные верования в «добрые» и «злые» дни (часы) с имевшимся научным потенциалом. Последний, в частности, составляли методы древнерусских календарных расчетов. Одним из них был «вечный» календарь для юлианского летоисчисления. На базе этого календаря был разработан «вечный» астрологический календарь для определения хронократоров («властителей») любого часа дня и ночи юлианских дат. Научная основа астрологического календаря сочеталась с оригинальной «привязкой» к семи светилам, отличной от птолемеевской, распространенной во всем мире. По этой причине календарь выпал из мировой системы астрологических представлений.

В конце XV в. в связи с распространением ереси «жидовствующих» на Руси получили известность методы расчетной астрологии, связанные с применением астрологических таблиц книги

«Шестокрыл». По мнению советского историка науки В. К. Кузакова, древнерусское просвещенное общество того времени было готово к восприятию идей «Шестокрыла» (1, с. 113-120). Однако жестокая расправа ортодоксальных церковников с новгородско-московской ересью в конце XV - начале XVI вв. приостановила разработку на Руси расчетной астрологии.

Новый этап астрологии в России связан с институтом советников-астрологов («математиков») при московских государях. Первым таким советником был Николай Булев, активно занимавшийся пропагандой астрологии среди придворных. Эта его деятельность встретила активное сопротивление церкви. Видный церковный писатель Максим Грек выступал с резкими полемическими произведениями в противовес ширившемуся влиянию Николая Булева в обществе. Сохранились приписываемые Булеву переводы астрологических произведений, в частности, «Альманаха». Придворные астрологи были врачами. В XVI в. западноевропейская университетская медицина была неразрывно связана с астрологией, именовалась словом «ятроматематика» (врачебная астрология), отсюда древнерусское название астрологов-врачей и придворных советников — «мафиматы». Не все «мафиматы» оставили о себе хорошую славу. Например, «математик» Ивана Грозного Елисей Бомелий в общественном сознании эпохи, отразившемся в летописях и преданиях, сохранил о себе память злокозненного волхва, помогавшего царю с помощью ядов уничтожать опальных людей.

Старания церкви и сама деятельность придворных астрологов, как Елисей Бомелий, привели к неприязненному отношению к астрологии в русском обществе, сохранявшемуся вплоть до воцарения Алексея Михайловича. При этом царю отношение к астрологии стало меняться. Алексей Михайлович поощрял врачебную деятельность придворных астрологов. Он прибегал к кровопусканиям в качестве профилактического и лечебного средства. Астрологи наперед рассчитывали благоприятные для кровопусканий дни. Затем с учетом других факторов — природных условий, состояния здоровья — выбирался наиболее благоприятный день, в который и производилось кровопускание царю. Врачи руководствовались при этом своими познаниями в области астрологии. О них можно судить по их «рассуждениям», некоторые из которых опубликованы или хранятся в архивах.

Западноевропейская ятрматематика была зоной «объективизации естествоведения» (термин И. М. Рабиновича (2, с. 229)). Деятельность придворных врачей-астрологов также приобретала

аналогичное значение для России: она несла знания о природных закономерностях в области метеорологии, гигиены, природных циклах, изменчивости жизнедеятельности человеческого организма в зависимости от внешних и внутренних, только ему присущих, факторов. Знакомила с принципами проведения медико-биологических экспериментов с животными и пр. Постепенно сфера деятельности царских врачей-астрологов стала выходить за пределы двора и привлекать внимание просвещенных кругов русского общества. Получают распространение произведения, в сжатой форме описывающие содержание ятроматематики, как, например, списки трактата «Наука мидическая от математики».

При Алексее Михайловиче возникла еще одна область применения астрологии: прогнозирование событий внутри- и внешне-политической жизни. Сохранились два прогностических письма врача Андреаса Энгельгардта, написанные в конце 1664 - начале 1665 гг. по запросам царя. По-видимому, раньше в России не прибегали к услугам астрологии в политических делах, при решении вопросов управления государством. Этот опыт, видимо, не удовлетворял царя, т. к. не был принят «на вооружение» в государственной политике. Можно думать, что причиной были уклончивые ответы астролога, невысокая эффективность его предсказаний. Хотя в историографии отмечается сбывшееся предсказание А. Энгельгардта о страшной чуме 1665 г., охватившей страны Западной Европы, но мало затронувшей Россию. Факт этот, благоприятный для астролога, особенно не заинтересовал царя. Как показывают документы того времени, Алексей Михайлович уже до прогноза располагал агентурной информацией о приближающейся эпидемии и принял надежные карантинные меры. Хотя использование астрологии в политических целях — всего лишь эпизод, но он знаменателен. Свидетельствует о гибкости и широте взглядов правительстава Алексея Михайловича, испытывавшего различное «оружие» в политических целях, включая и астрологическое прогнозирование, как бы руководствуясь принципом «попытка не пытка».

В историографии упорно обсуждается вопрос о гороскопе на рождение Петра I. Тщательное изучение этого вопроса приводит к выводу об отсутствии достоверных сведений о его составлении. Однако документальную основу обрел другой, менее известный в историографии факт — о составлении гороскопа для взрослого Петра, уже ставшего императором. Петр рос в условиях доброжелательства к астрологии его отца и придворных, поэтому нет ничего удивительного в том, что он не испытывал к ней неприязни. Более

того, он санкционировал издание «Брюсова календаря» с астрологическими предсказаниями для всеобщего пользования. Ранее предсказательные календари постоянно переводились переводчиками Посольского приказа, но использовались либо царской семьей, либо узким кругом государственных чиновников. Несмотря на сочувствие к астрологии Петра I, по данным Д. О. Святского, в бумагах Петра I и его приближенного Я. В. Брюса отсутствуют материалы, которые свидетельствовали бы о том, что «они занимались составлением гороскопов и вообще обнаружили к астрологии неравнодушные» (3, с. 101). По-видимому, заказ Петром I гороскопа отражает не его любопытство к самой астрологии, которое дальше начальных шагов в этой области не могло пойти, а желание с помощью квалифицированного астролога узнать свою судьбу, достоверно соотнести такие предсказания с реальными чертами его исключительно богатой, противоречивой натуры и событиями кипучей государственной деятельности.

Гороскопические материалы Петра I в указанной связи приобретают характер интимных, характеризую еще с одной стороны многогранную личность преобразователя России. Он был человеком своего времени, хотел заглянуть в свое будущее с помощью астрологии, как желают многие из нас до сих пор. Однако Петр I был самодержавный монарх огромного государства, и при изучении его истории необходимо учитывать все факторы, которые могли влиять на принятие им решений. Одним из них является возможность влияния на поведение императора, его решения показаний гороскопа.

История астрологии в России раннего периода свидетельствует о том, что здесь не прекращался интерес к астрологическим явлениям, что астрология составляла часть национальной культуры, и внимание к возможности предвидеть будущее сохранялась в обществе, несмотря на периоды гонений на астрологов.

Список литературы

1. Кузаков В. К. О восприятии в XV в. на Руси астрологического трактата «Шестокрыль» // Историко-астрономические исследования (ИАИ). Вып. 12. М., 1975.
2. Рабинович И. М. О ястроматематиках // Историко-математические исследования. Вып. 19. М., 1974.
3. Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. III // ИАИ. Вып. 9. М., 1966.

Приложение

Список работ Р. А. Симонова по истории астрологии в России (1983-1997)

1. о чем судили и ведали люди «зовомии математичи» // Русская речь. 1983. №3. С. 105-111.
2. Разговор со звездным вестником [Рец. на ки.: *Кенлер И. О шестиугольных снежинках*] // Книжное обозрение. № 21 (887). 27.05.1983. С. 6.
3. Российские придворные «математики» XVI-XVII веков // Вопросы истории. 1986.
4. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 151-204. (Совместно с А. П. Богдановым.)
5. Максимумы солищедеятельности и сталинизм // Химия и жизнь. 1989. № 4. С. 23-24.
6. Гороскоп Петра! // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 82-100. (Совместно с В. И. Плужниковым.)
7. Раритеты древнерусской книжности: трактаты по врачебной астрологии // 34-я научно-техническая конференция: Тезисы докладов / МОИ М., 1990. Ч. 2. С. 132-133.
8. Древнерусские понятия, восходящие к термину «математика» // Историко-математические исследования. М.: Наука, 1990. Вып. 32-33. С. 344-373.
9. «Наука медицинская от математики» — трактат по врачебной астрологии в русском переводе XVII в. // Букнистическая торговля и история книги. М., 1990. Вып. 1. С. 29-47.
10. И. С. Пересветов и гороскоп Ивана Грозного // Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов / МГИАИ. М., 1991. С. 227-228.
11. Петр I и астрология // Техника — молодежи. 1991. № 6. С. 42-45. (Совместно с В. И. Плужниковым.)
12. Астрология на Руси: византийские заимствования и влияния // XVIII Международный конгресс византистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. П. С. 1066-1067.
13. Астрологические предсказания, составленные на день рождения Петра I (1672) // Международные идейно-философские связи Руси (XI-XVIII вв.) / Ин-т философии АН СССР М., 1991. С. 167-195. (Совместно с В. И. Плужниковым.)

14. «Злые» дни славянского календаря // Российский календарь знаменательных дат (РКЗД). 1991. № 4. С. 46-47.
15. «Брюсов календарь» сегодня // РКЗД. 1991. № 7. С. 58-60; № 8. С. 46-48; № 9. С. 62-64; № 10. С. 60-62; № 11. С. 41-44; № 12. С. 59-61; 1992. № 1. С. 55-58; № 2. С. 61-64.
16. Астрология в осмыслении отечественной истории // Ураиня. 1992. № 5-6. С. 52-59. (Совместно с В. И. Плужниковым.)
17. Объяснения оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV в. // Герменевтика древнерусской литературы X-XVI вв. / Ин-т мировой литературы РАН М., 1992. Сб. 3. С. 327-343.
18. Astrology in medieval Russia // Russian astrology today: Collected articles. М.: ARC, 1993. P. 20-30.
19. Астрология эпохи реформ // Наука и религия. 1993. № 10. С. 50-51.
20. Предсказания на каждый день вашей жизни по знаменитому «Брюсову календарю» // Там же. С. 53-56.
21. Проблемы истории астрологии в России (XI - первая четверть XVIII в.) // Российская астрология. 1994. № 3. С. 55-61.
22. Астрология в России до «Брюсова календаря» // Ураиня. 1994. № 4. С. 34-38.
23. Астрологические знания в России в конце XVII - начале XVIII веков // Филевские чтения: Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры второй половины XVII - начала XVIII вв. / ЦМиАР. М., 1994. Вып. VI. С. 93-98.
24. Астрологические «качества» в интерьере покоев царя Алексея Михайловича Романова // Российская астрология. 1994. № 4. С. 32-38.
25. Астрологические приписки в гравированных (лубочных) календарях как отражение отношения общества к сокровенным знаниям и книге // Книга в пространстве культуры: Тезисы научной конференции / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995. С. 53-55. (Совместно с О. Р. Хромовым.)
26. Раздел «Вычислительная астрология» в статье «Древнерусская календарно-вычислительная практика и духовная культура» // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси) / Отв. ред. Р. А. Симонов. М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1995. С. 33-40.
27. Счастливый и несчастливый день, час // Русская речь. 1995. № 5. С. 65-73.
28. Астрологический «вечный календарь» в русской рукописи конца XV - начала XVI в. // Буквнистическая торговля и история книги. М., 1995. Вып. 4. С. 54-69.
29. Истоки русского народного верования в счастливый/несчастливый час // Традиционная этническая культура и народные знания: Материалы Международной конференции / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1996. С. 111-112.

30. Роль иностранцев в распространении знаний по математике, астрономии, астрологии в России в XV-XVII вв. // Древняя Русь и Запад. Научная конференция: Книга резюме / Ин-т мировой литературы РАН. М., 1996. С. 122-126.
31. К вопросу о естественнонаучных и сокровенных знаниях в России XVI в. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 1. с. 99-105.
32. О причине появления единорогов на золотой монете («корабельнике») Ивана III // Гербовед. 1997. № 3 (15). С. 75-79.
33. Пример естественнонаучной трактовки астрологии в «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского (X в.) // Румянцевские чтения: Тезисы докладов и сообщений / РГБ. М., 1997. С. 139-141.
34. «Книга, глаголемая математика, новопредложенная... в Москве в лето... 1664» // Филевские чтения: Тез. 5-й научной конференции / ЦМиАР. М., 1997. С. 54-55.

Данная книга была написана в 1993 году. После этого появились новые работы по истории древнерусской астрологии. Это более детальный анализ творчества Ивана Рыкова, изложенный А. А. Туриловым и А. В. Чернецовым в коллективной монографии: Симонов Р. А., Турилов А. А., Чернецов А. В. Древнерусская книжность (Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым). М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1994. А также статьи В. А. Броинштейна: 1) Новый взгляд на историю гороскопа Петра Великого // Герменевтика древнерусской литературы / Ин-т мировой литературы РАН. М., 1994. Сб. 7. Ч. 2. С. 441-453; 2) Астрологические материалы о Петре I в архиве Г.Ф.Миллера // Букенистическая торговля и история книги. М.: Изд-во МГАП «Мир книги», 1995. Вып. 4. С. 76-81; 3) Русский перевод XVII века первой книги «Альмагеста» Птолемея // Там же. М., 1996. Вып. 5. С. 126-133; 4) Неизвестный русский перевод первой книги «Альмагеста» Клавдия Птолемея XVII в. // Древняя Русь и Запад. Научная конференция: Книга резюме / Ин-т мировой литературы РАН. М., 1996. С. 225-228.

Библиографический обзор работ по древнерусской астрологии см.: Хромов О. Р. Астрология в древней Руси (Материалы к библиографии) // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси) / Отв. ред. Р. А. Симонов. М.: Изд-во МГАП, 1995. С. 132-155.

Вышла интересная работа зарубежного автора, посвященная древнерусской астрологии: Giovanni Maniscalco Basile. Astrology and Politics in Sixteenth-Century Muscovy: Fedor Karpov and Scrutable God // Московская Русь (1359-1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. Р. 417-430. Исследование посвящено связи астрологии с политикой на Руси XVI в. и месту в этом Федора Карпова. Название статьи итальянского автора — «Астрология и политика в Московии XVI в.: Федор Карпов и познаваемый Бог». Ставится проблема о роли астрологии в стране на государст-

вением уровне в XVI в. Автор обсуждает рассматривавшийся до него в историографии вопрос о взглядах видного политического деятеля боярина Ф. М. Карпова по переустройству русского государства при великом князе Василии III, отце Ивана Грозного. В начале 1520-х гг. Ф. И. Карпов, по-видимому, вынашивал идею о сдерживании влияния церкви на великокняжескую власть с помощью астрологии. С этой целью Ф. И. Карпов считал необходимым ввести официальные должности придворных астрологов. Не церковь, по Карпову, а астрология должна была устанавливать связь между промыслом божьим и реальностью.

В том же сборнике имеется еще одна статья, посвященная мотивам астрологии в политической жизни Московского государства XVI в.: *Valerie A. Kivelson «Political Sorcery in Sixteenth-Century Muscovy»* (Политическое колдовство в Московии XVI в.). Здесь речь идет, в частности, о политическом влиянии, наряду с неофициальными колдунами, и официальных, каким был придворный врач и астролог Николай Булев (с. 271-272).

Указанные статьи свидетельствуют, что зарубежная наука стала использовать данные по истории астрологии и магии в качестве важных источников изучения общественной жизни средневековой России, что доказывает актуальность вывода настоящей монографии.

Summary

Rem Simonov

Doctor of Science (History), Professor of Research center of book culture RAS

Astrology in Russia (11th - first quarter of 18th centuries)

The present-day study of historical sources yields a conclusion that astrological notions in Russia spread in waves. Each new wave did not, as a rule, wipe out the previous one. The first was the wave of «folk» astrology. In the period of 15-17th centuries it centered primarily on favourable and unfavourable periods for various household activities (meals, etc.), and practice of medicine (bloodletting).

The wave of «authentic» astrology covers the period of the 15-17th centuries and is related to setting up the institute of physicians to look after the health of Russian czars. During the Renaissance a new type of scientists-astrologers emerged on West European campuses; they were working out medical recommendations and methods of treatment using star charts. This practice got the name of medical astrology, or iatromathematics. Various «types» of «mathematicians» were on service in the Russian court, depending on their specialization and personal preferences of Russian czars.

The kind disposition of the czar Alexey Mikhailovich to «mathematics» attracted attention to it in the second half of the 17th century. This Czar had a passion for graphic representations featuring astrological and astronomical themes.

Prognostic astrology failed to find wide application in Russian government practice. A detailed prognosis for 1665 was made for the czar Alexey Mikhailovich by A. Engelhardt according to the monarch's interests of ruling the state. However, neither the «mathematician» nor the «customer» were fully satisfied with it. The experience found no application in ruling the state. The first to have his personal horoscope drawn up was Peter I, who may have attempted to follow it.

Thus, astrology in Russia in the 11th - first quarter of the 18th century is a part of ancient Russian culture, which is only beginning to get explored in historical terms. The obtained results are fairly interesting and point to its role in the development of Russian science.